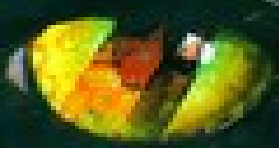
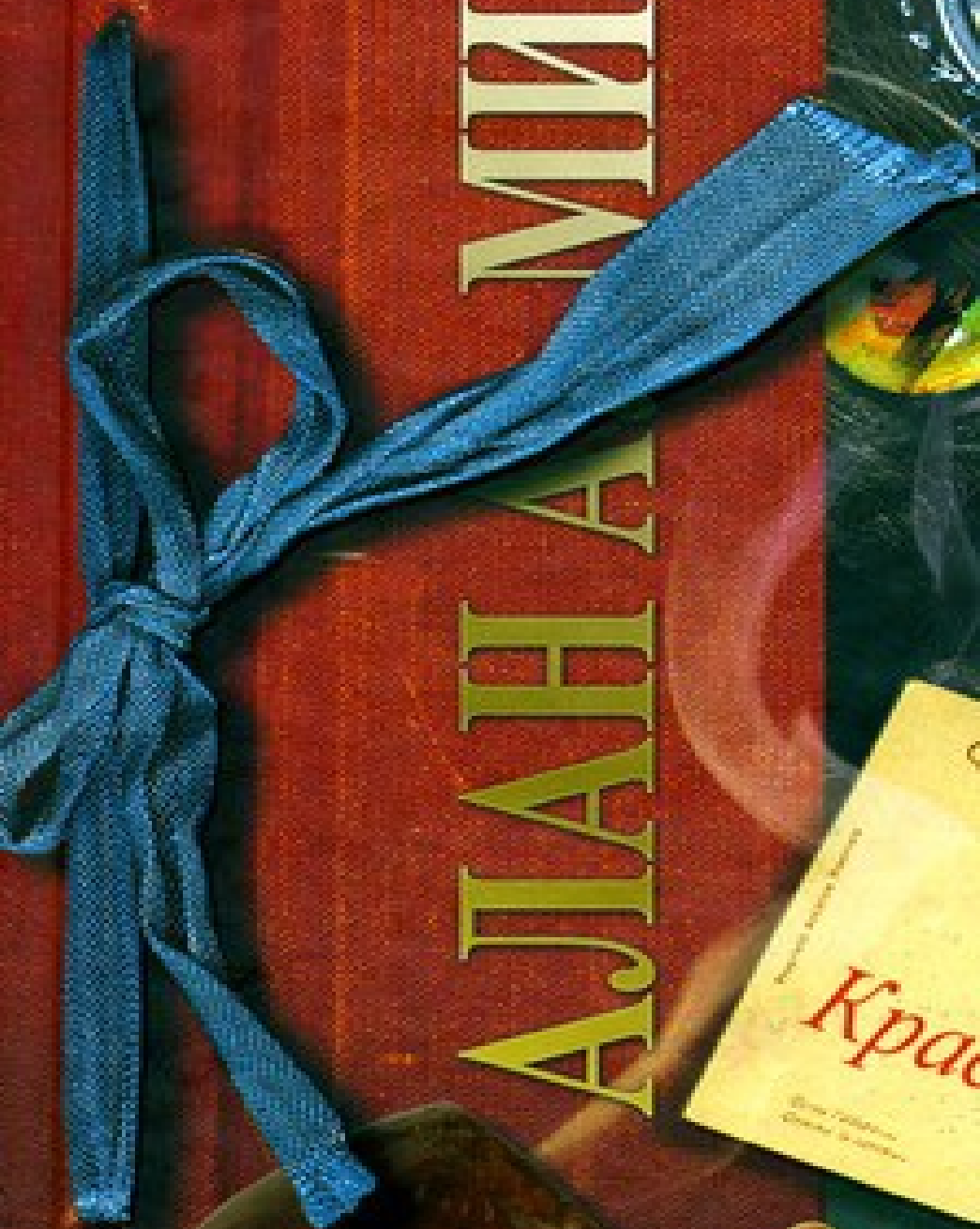

АЛАН МИЛН

Роман, который вошел в золотой фонд классического английского детектива.

Книга, которую Александр Вулкотт^[1] назвал «одним из лучших детективных романов всех времен и народов». Произведение, которым восхищался Реймонд Чандлер^[2].

Тонкое и увлекательное произведение, в котором основная сюжетная линия — загадочное преступление и интересное расследование — лишь блистательное обрамление для глубокого психологизма писателя, умеющего доказать, что обычные люди, как и обычные вещи — вовсе не то, чем кажутся, а изысканный и хлесткий английский юмор — только прекрасное украшение умных, незабываемых диалогов.

Алан А. Милн

Тайна Красного Дома

ВВЕДЕНИЕ

Когда несколько лет назад я сообщил моему литературному агенту, что собираюсь написать детективную историю, он совладал с собой настолько быстро, насколько можно было ожидать, но дал мне ясно понять (как чередой редакторов и издателей позднее втолковала ему), что от известного юмориста Панча страна ждет юмористическую историю. Тем не менее я твердо остановил свой выбор на жизни, отданной преступлениям. В результате, когда два года спустя я объявил, что пишу сборник детских стишков, мой агент и мой издатель оказались равно убеждены, что англоязычные нации больше всего жаждут нового детектива. Миновало еще два года, и аппетит читающей публики опять изменился; и теперь очевидно, что новый детектив, написанный вопреки этой неуклонной всеземной потребности в книгах для детей, будет проявлением самого дурного вкуса. А потому в данный момент я удовлетворюсь этим введением к новому изданию «Тайны Красного Дома».

Я питаю страсть к детективам. Некий восторженный поклонник пива сказал, что плохим оно быть не может, однако некоторые сорта бывают лучше других. В том же самом хмельном духе (если мне будет дозволено употребить такое выражение) я беру в руки каждый новый детектив. Это вовсе не означает, что я не взыскателен. Напротив, у меня есть всякие своеобразные предпочтения, и автор должен удовлетворить меня по многим законам, прежде чем я смогу присудить ему почетную степень. К примеру, я предпочитаю, чтобы детектив был написан нормальным языком. Помнится, я читал один, в котором убийство было особо завлекательным, и строились всяческие предположения, каким способом преступник пробрался в библиотеку убитого. Сыщик, однако, (говорит автор) «был куда более озабочен тем, чтобы обнаружить, каким способом убийца осуществил свой уход». По-моему, очень огорчительно, что в девяти десятых детективов в мире убийцы постоянно осуществляют свои уходы, вместо того чтобы просто взять и уйти. Ищайка, герой, многие подозреваемые — все употребляют этот странный воляпюк. И как тут не почувствовать, что ни естественное возбуждение, если прикончили того, кого следовало, ни напряжение, если подозревают не того, кого следует, не могут послужить достаточным извинением столь постоянным потокам дурного языка.

О великом вопросе Любви мнения могут разделяться, но я ее не терплю. Читатель изнемогает от нетерпения узнать, была ли белая субстанция на тартинке мышьяком или пудрой, и его нельзя держать в неизвестности, пока Роланд сжимает руку Анджелы «на мгновение дольше, чем позволяет требование общества». За это мгновение, потраченное надлежащим образом, могло бы произойти многое: следы отпечатались или были бы обнаружены, сигаретные окурки подобраны и положены в конверт. Бога ради, предоставьте Роланду целую книгу сжимать все, что ему нравится, но в детективе он должен заниматься исключительно делом.

Что до сыщика, я, во-первых, требую, чтобы он был любителем. В реальной жизни, без сомнения, наилучшие сыщики — это профессиональные полицейские, но ведь в реальной жизни наилучшие преступники — это профессиональные преступники. В наилучших детективных историях злодей — дилетант, один из нас. Мы общаемся с ним в гостиной убитого, и против него бессильны любые досье, любая индексация, любая систематизация отпечатков пальцев. Только сыщик-любитель, только он один способен обличить виновного

светом строгих индуктивных построений и логикой суровых беспощадных фактов. Да, этот свет и эту логику я ему позволю. Долой ученого сыщика с микроскопом! Какое удовлетворение получим мы с вами, пока знаменитый профессор изучает крохотную пылинку, оставленную убийцей, и приходит к выводу, что он живет между пивоварней и мельницей? Какой трепет волнения испытаем мы, если пятно крови на носовом платке пропавшего человека докажет, что его недавно укусил верблюд? Лично я — ни малейшего. Слишком уж просто для автора, слишком уж сложно для его читателей.

Вот, в сущности, то, к чему мы пришли: сыщику не следует иметь больше специальных знаний, чем среднему читателю. Читатель должен ощущать, что прибегни и он к свету строгих индуктивных построений и логике суровых беспощадных фактов (на что с благословения Небес вполне способны мы все), то и он тоже установил бы, кто виноват. Конечно, автор не может представлять улики так, чтобы они были равноценными для читателя в его библиотеке и сыщика возле трупа. Шрам на носу одного из гостей может ничего не подсказать сыщику, но самое упоминание его автором тут же придает ему непомерную важность. Не стоит ни обижаться, ни удивляться, если автор, сознавая это, для уравнивания легонько пробегает по носам других гостей, возможно, с большей щедростью на улики. Мы не имеем права жаловаться при условии, что и автор, и сыщик оставили свои микроскопы дома.

Ну, а как насчет Ватсона? Нужен ли нам Ватсон? Да, нужен. Смерть автору, который приберегает распутывание целиком до последней главы, превращая все предыдущие главы всего лишь в пролог к пятиминутной драме. Так вообще детективные истории не пишутся. Разрешите нам от главы к главе знать, что думает сыщик. Для этого он должен либо ватсониться, либо произносить монологи. Первое — всего лишь диалогизированная форма второго, и благодаря этому более надежная. Итак, Ватсон. Но вовсе не обязательно дурак Ватсон. Ну, пусть он будет немного тугодум, подобно столь многим из нас, но благожелательный, человечный, симпатичный. Теперь вы поймете, как возникла «Тайна Красного Дома». До сих пор, написав что-либо, я находил лишь одно извинение: мне хотелось это написать; и мне следовало бы столь же гордиться, разрешившись «Телефонной книгой» *con amore*,^[3] как следовало бы стыдиться, сотвори я трагедию белым стихом по требованию других. И все же я много раз предпочел бы этой книги не писать, так как чувствую, что с точки зрения поклонника жанра она почти приближается к идеалу детективного романа. Хотя я никогда этого поклонника не видел, я знаю его так близко! Я точно знаю, что именно он хотел бы найти в ней, а чего не хотел бы. Я сверялся с его желаниями, с его предубеждениями на каждом шагу... Грустно думать, что это теперь единственная детективная история в мире, которую он никогда не сможет прочесть.

Апрель 1926

А. А. М.

Глава I

МИССИС СТИВЕНС ПЕРЕПУГАНА

В сонной жаре летнего дня Красный Дом предавался тишине. Пчелы лениво жужжали в цветочных бордюрах, голуби томно ворковали на вершинах вязов. С дальней лужайки доносился рокот газонокосилки, самый отдохновительный из всех сельских звуков, делающий отдых еще слаще, потому что другие работают.

Был час, когда даже тем, чья обязанность — обслуживать потребности других, открывается возможность улучшить минуту-другую для себя. В комнате экономки миловидная горничная Одри Стивенс подновляла свою лучшую шляпку и болтала о том о сем со своей тетей — экономкой и поварихой в холостом доме Марка Эблетта.

— Для Джо? — благодушно спросила миссис Стивенс, глядя на шляпку.

Одри кивнула. Она вынула булавку изо рта, отыскала для нее местечко на шляпке и сказала:

— Ему нравится розовый цвет.

— Да мне и самой розовый цвет по вкусу, — сказала ее тетя. — Джо Тернер не один такой.

— Розовый всем к лицу, — сообщила Одри, вытянув руку со шляпкой и придирчиво глядя на нее. — Модно, правда?

— Она тебе к лицу, и мне была бы в твои годы. Слишком шикарна для меня теперь-то, хотя, думается, она все равно пошла бы мне больше, чем некоторым. Я никогда не изображала из себя, кем не была. Коли мне пятьдесят пять, так мне пятьдесят пять, и дело о концом.

— Пятьдесят восемь, верно, тетечка?

— Я же это просто в пример привела, — сказала миссис Стивенс с великим достоинством.

Одри вдела нитку в иголку, повернула руку и критически оглядела свои ногти, а затем принялась шить.

— Как-то странно насчет брата мистера Марка. Чтоб пятнадцать лет не видеться с братом! — Со смущенным смешком она продолжала: — Не знаю, что бы я делала, не видайся я с Джо пятнадцать лет.

— Как я вам всем объяснила нынче утром, — сказала ее тетя, — я тут уже пять лет, и я слыхом не слыхала ни про какого брата. И повторю перед кем угодно, умри я завтра. Пока я была тут, никакого брата тут не было.

— Ты бы перышком могла сбить меня с ног, когда нынче утром он заговорил со мной про него за завтраком. Я, конечно, не слышала, что было раньше, но они все говорили про этого брата, когда я вошла... А вошла-то я почему? Горячее молоко или гренки? Ну, они все разговаривают, а мистер Марк оборачивается ко мне и говорит, ну, ты знаешь его манеру... «Стивенс, — говорит он, — мой брат приедет повидать меня сегодня днем. Я ожидаю его около трех, — говорит он. — Проводите его в кабинет», — говорит он, вот прямо так.

«Да, сэр», — говорю я спокойно так, но в жизни я так не удивлялась. Я же не знала, что у него есть брат. «Мой брат из Австралии», — говорит он... Чуть не позабыла. Из Австралии.

— Ну, может, он и был в Австралии, — сказала миссис Стивенс рассудительно. —

Ничего сказать не могу, страны-то этой я не знаю. А вот что я говорю, так это то, что здесь он никогда не бывал. Все то время, пока я служу здесь. А это пять лет.

— Так, тетечка, он же не был здесь пятнадцать лет. Я слышала, как мистер Марк сказал мистеру Кейли: «пятнадцать лет», говорит он. Мистер Кейли у него спросил, когда его брат последний раз был в Англии. Мистер Кейли знал про него, я слышала, как он сказал мистеру Беверли, только не знал, когда он последний раз был в Англии, понимаешь? Вот почему он и спросил мистера Марка.

— Я про пятнадцать лет ничего не говорю, Одри. Я могу говорить только про то, что знаю, а это пять лет на Троицу. Я могу поклясться, что ноги его в доме не было пять лет, считая по Троицу. А коли он был в Австралии, как ты говоришь, ну, так причин у него для этого хватало.

— Каких причин? — спросила Одри весело.

— Не важно, каких причин. Заменяя тебе мать с тех пор, как твоя бедная мать умерла, я вот что скажу, Одри: коли джентльмен отправляется в Австралию, так у него есть на то свои причины. А когда он остается в Австралии пятнадцать лет, как говорит мистер Марк, и, как я сама знаю за пять лет, у него есть на то свои причины. И респектабельно воспитанная девушка не спрашивает, какие это причины.

— Вляпался в историю, надо думать, — сказала Одри беззаботно. — За завтраком они говорили, что на него управы не было. Долги. Хорошо, что Джо не такой. У него в сберегательной кассе почтового отделения накоплено пятнадцать фунтов, я тебе говорила?

Но в этот день разговоров о Джо Тернере больше не было. Звон колокольчика заставил Одри вскочить — уже не Одри, а Стивенс. Она поправила чепчик перед зеркалом.

— Парадная дверь, — сказала она. — Это он. «Проводите его в кабинет», — сказал мистер Марк. Наверное, не хочет, чтоб другие леди и джентльмены его видели. Ну, да они все равно отправились на свой гольф. Интересно, остановится ли он тут? Может, он привез из Австралии кучу золота... Может, я что-нибудь услышу про Австралию, ведь если кто захочет, может разжиться там золотом, так почему бы Джо и мне...

— Ну-ну, поживей, Одри!

— Да иду же, иду, душечка. — И она ушла.

Для всякого, кто только что прошел по подъездной аллее под августовским солнцем, отворенная дверь Красного Дома открывала вход в восхитительно манящий вестибюль, самый вид которого уже оведал прохладой. Обширное помещение с низким потолком из дубовых балок, с кремовыми стенами и окнами из мелких ромбовидных стекол с голубыми гардинами. Справа и слева были двери комнат, но прямо напротив вас, когда вы входили, были еще окна, за которыми виднелся зеленеющий травой дворик, а из открытых окон в открытые окна веяло сквознячком. У правой стены широкие низкие ступеньки лестницы поднимались вверх, поворачивали влево и вели вас по галерее, протянувшейся через всю ширину вестибюля к вашей спальне. То есть, если вы собирались остаться на ночь. Намерения мистера Роберта Эблетта в этом отношении все еще оставались неизвестными.

По пути через вестибюль Одри чуть вздрогнула от неожиданности: на сиденье под одним из окон фасада неприметно сидел, читая книгу, мистер Кейли. Никаких причин, почему бы ему и не сидеть тут. Бесспорно, куда более прохладное место, чем на поле для гольфа в подобную погоду. Однако в эти дневные часы дом выглядел покинутым, будто все гости ушли куда-то или спали в своих комнатах, что было бы самым разумным. Мистер Кейли, кузен хозяина, был неожиданностью, и Одри, вскрикнув, когда внезапно увидела его,

покраснела и сказала:

— Прошу прощения, сэр, я вас было не заметила.

А он оторвался от книги и улыбнулся ей. Такая привлекательная улыбка на этом большом безобразном лице. «Настоящий джентльмен, мистер Кейли», — подумала она, направляясь дальше и прикидывая, что хозяин делал бы без него. Если этого брата, например, надо будет спровадить назад в Австралию, спроваживание устроит мистер Кейли.

«Вот, значит, мистер Роберт», — сказала себе Одри, едва увидела посетителя.

После она сказала своей тете, что сразу где угодно поняла бы, что он брат мистера Марка, но она сказала бы это в любом случае. На самом же деле она крайне удивилась. Щеголеватый маленький Марк с аккуратно заостренной бородкой и тщательно закрученными усиками, с быстро стреляющими глазами, всегда, в любом обществе, перескакивающими с одного на другого, чтобы поймать еще одну одобрительную улыбку, когда он сказал что-то удачное, еще один предвкушающий взгляд, пока он ждал своей очереди сказать это, — нет, он был совершенно другим, чем неотесанный, скверно одетый приезжий из колоний, который хмурился на нее исподлобья.

— Я желаю увидеть мистера Марка Эблетта, — пробурчал он. Это прозвучало почти как угроза.

Одри справилась с собой и успокаивающе улыбнулась ему. У нее имелся запас улыбок для всех и каждого.

— Да, сэр, он вас ожидает. Вот сюда, сэр.

— А! Так ты знаешь, кто я?

— Мистер Роберт Эблетт?

— Ага, верно. Так он меня ожидает, э?

— Вот сюда, сэр, будьте так добры, — сказала Одри чопорно. Она подошла ко второй двери слева и открыла ее.

— Мистер Роберт Эб... — начала она и осеклась. Кабинет был пуст. Она обернулась к мужчине позади себя. — Вы не присядете, сэр? А я найду хозяина. Я знаю, он тут, ведь он сказал мне, что ждет вас сегодня днем.

— А! — Он огляделся. — И как вы называете эту комнату, э?

— Кабинет, сэр.

— Кабинет?

— Комната, где хозяин работает, сэр.

— Работает, э? Что-то новенькое. Не знал, чтобы он хоть одну минуту в жизни поработал.

— Где он пишет, сэр, — сказала Одри с достоинством.

Тот факт, что мистер Марк «пишет», хотя никто не знал, что именно, был предметом гордости в комнате экономки.

— Одет я не для гостиной, э?

— Я доложу хозяину, что вы здесь, сэр, — сказала Одри категорично.

Она закрыла дверь, оставив его там.

Ну-ну! Будет, что рассказать тетеньке! Мысли ее были заняты одновременно всем тем, что он сказал ей, а она сказала ему — спокойно так. «Чуть я его увидела, говорю себе...» Вы ее перышком могли бы с ног сбить. Да, перышки были постоянной угрозой для Одри.

Однако сейчас первым делом надо было найти хозяина. Она прошла через вестибюль к библиотеке, заглянула туда, неуверенно попятилась и остановилась перед Кейли.

— Простите, сэр, — сказала она почтительно и негромко, — вы не можете мне сказать, где сейчас хозяин? Пришел мистер Роберт.

— Что? — сказал Кейли, отрываясь от книги. — Кто?

Одри повторила свой вопрос.

— Не знаю. Разве он не в кабинете? После ланча он поднялся к Храму. И больше я его не видел.

— Спасибо, сэр. Я пойду в Храм.

Кейли вернулся к своей книге.

«Храм» был кирпичной беседкой в садах за домом, ярдов примерно в трехстах от него. Там Марк иногда предавался размышлениям перед тем, как удалиться в «кабинет» и запечатлеть свои мысли на бумаге. Мысли эти особой ценности не представляли, к тому же они чаще сообщались за обеденным столом, чем попадали на бумагу, а на бумагу попадали чаще, чем в печать. Однако это не мешало хозяину Красного Дома чуть-чуть страдать, когда гость использовал Храм с беззаботной небрежностью, будто он был воздвигнут ради пошлого флирта и курения сигарет. Был случай, когда двое его гостей попались там за игрой в *файвз*^[4]. Марк в тот момент ничего не сказал, лишь спросил — чуть-чуть не так мягко, как обычно, — не могли бы они выбрать для своей игры другое место, но осквернители больше никогда в Красный Дом не приглашались.

Одри медленно поднялась к Храму, заглянула внутрь и медленно вернулась. Туда-сюда и понапрасну. Может, хозяин наверху у себя в спальне? «Одет не для гостиной?» а тебе, тетенька, понравилось бы, ввались в твою гостиную такой вот, с красным платком на шее, в огромных пыльных сапожищах и... Ага! Кто-то из работников кроликов стреляет. Тетеньке кролик под луковым соусом очень даже по вкусу. Вот уж жарница! Она бы не отказалась от чашечки чая. Ну, во всяком случае, мистер Роберт на ночь оставаться не думал, никакого при нем багажа. Хотя, конечно, мистер Марк может одолжить ему что требуется, одежды у него на шестерых хватит. Она где угодно его узнала бы сразу, увидела бы, что он брат мистера Марка.

Она вошла в дом. Когда по пути в вестибюль она проходила комнату экономки, дверь внезапно распахнулась, и наружу выглянуло испуганное лицо.

— Э-эй, Од! — сказала Элси. — Это Одри, — сказала она, обернувшись в комнату.

— Одри, иди сюда, — позвала миссис Стивенс.

— Что случилось? — спросила Одри, заглядывая в дверь.

— Ох, душечка, и напугала же ты меня! Где ты была?

— В Храме.

— Ты что-нибудь слышала?

— Что слышала?

— Хлопки и взрывы, и всякие ужасы.

— А! — сказала Одри с некоторым облегчением. — Кто-то из работников стрелял кроликов. Я еще сказала себе: «Тетечке хороший кролик в самый раз», сказала я, и не удивлюсь, если...

— Кролики! — сказала ее тетя презрительно. — Это было в доме, моя милая.

— Вот-вот, — сказала Элси, одна из младших горничных. — Я сказала миссис Стивенс... правда, миссис Стивенс? «Это было в доме», — сказала я.

Одри посмотрела на свою тетю, затем на Элси.

— По-вашему, у него с собой револьвер? — сказала она приглушенным голосом.

— У кого? — возбужденно спросила Элси.

— Ну, у этого его брата. Из Австралии. Я сказала, чуть его увидела: «На тебе клейма ставить негде, любезный!» Вот что я сказала, Элси. Даже прежде, чем он заговорил со мной. Грубиян! — Она повернулась к своей тете. — Слово даю.

— Ты помнишь, Одри, что от тех, которые из Австралии, хорошего ждать нечего. — Миссис Стивенс откинулась в своем кресле, учащенно дыша. — Я теперь из этой комнаты не выйду, хоть ты мне сто тысяч фунтов заплати.

— Ох, миссис Стивенс! — сказала Элси, отчаянно нуждавшаяся в пяти шиллингах на новые башмаки. — Я бы, конечно, на такое не пошла, то есть я сама, только...

— Вот! — вскричала миссис Стивенс, подскочив и выпрямившись.

Они со страхом прислушались, и обе девушки инстинктивно подошли поближе к креслу экономки.

Какую-то дверь дергали, пинали, трясли.

— Слушайте!

Одри и Элси испуганно переглянулись.

Они услышали мужской голос, громкий, рассерженный.

— Открой дверь! — вопил он. — Открой дверь! Говорят тебе, открой дверь!

— Не открывайте дверь! — закричала миссис Стивенс в панике, будто под угрозой была ее дверь. — Одри! Элси! Не впускайте его!

— Черт дери, открой дверь! — вновь донесся голос.

— Нас всех поубивают в наших постелях! — дрожа, пробормотала экономка. В ужасе обе девушки прильнули к ней, и, обвив руками ту и другую, миссис Стивенс сидела в своем кресле и ждала.

Глава II

МИСТЕР ДЖИЛЛИНГЕМ СХОДИТ НЕ НА ТОЙ СТАНЦИИ

Был Марк Эблетт надоедой или нет, зависит отточки зрения, но можно сразу сказать, что он никогда не надоедал собеседникам воспоминаниями о своем раннем детстве и юности. Однако шила в мешке не утаишь. Всегда отыщется некто знающий. Считалось — по словам самого Марка, — что его отец был сельским священнослужителем. Говорили, что мальчиком он заслужил внимание и покровительство некой богатой старой девы в тех местах, и она оплатила его образование как в школе, так и в университете. Примерно в то время, когда он оканчивал Кембридж, его отец умер, оставив после себя кое-какие долги в назидание своим семейным и репутацию лаконичного проповедника, как пример своему приемнику. Ни назидание, ни пример, видимо, никакого действия не оказали. Марк отправился в Лондон на пособие от своей патронессы и, по общему мнению, свел знакомство с ростовщиками. Его патронесса и те, кто осведомлялся, полагали, что он «пишет», но вот, что он писал, кроме писем с просьбами отсрочить день уплаты, так никогда выяснено не было. Однако он регулярно посещал театры и мюзик-холлы — несомненно, с целью предложить «Спектейтору» несколько серьезных статей о декадентском упадке английской сцены.

К счастью (с точки зрения Марка), его патронесса скончалась на третьем году его жизни в Лондоне и завещала ему все деньги, какие он мог пожелать. С этого момента его жизнь теряет свой легендарный характер и переходит уже в область истории. Он улаживает счета с ростовщиками, ставит крест на грешках юности и в свою очередь становится патроном. Патронирует он искусства. Не одни только мытари убедились, что Марк Эблетт более не пишет ради денег. Редакторам теперь бесплатно предлагались материалы вкупе с даровыми ланчами; издателям порой вручались договоры на издание тоненького томика, причем автор брал на себя все расходы и отказывался от гонорара; многообещающие молодые художники и поэты обедали у него; и он даже повез на гастроли театральную труппу, с равной щедростью играя и антрепренера, и «главную роль».

Он не был тем, кого люди в большинстве своем именуют снобом. Сноб был безответственно определен как человек, который любит всякого лорда, и с большей ответственностью как пошлый любитель пошлостей — что было бы немножко жестоко по отношению к аристократии, будь первое определение верным. У Марка, несомненно, имелись свои тщеславные слабости, однако он предпочел бы знакомство с актером-антрепренером знакомству с графом; он бы рассказывал о своей дружбе с Данте (будь такое возможно) более упоенно, чем о дружбе с герцогом. Называйте его снобом, если хотите, но не худшего сорта; прихлебателем, но у стола Искусства, а не Светского Общества; карабкающимся выше себя — но в окрестностях Парнаса, а не Хей-Хилла.

Его патронирование не ограничивалось Искусством. Оно также включало Мэтью Кейли, маленького тринадцатилетнего кузена, столь же обездоленного, как был и сам Марк, пока его патронесса не пришла ему на выручку. Он послал кузена Кейли в школу и в Кембридж. Его побуждения, несомненно, поначалу были не от мира сего; всего лишь взнос в книгу Ангела, записывающего грехи наши, в уплату за щедрости, дарованные ему; собрание

сокровищ на небесах. Однако более чем вероятно, что по мере того, как мальчик вырос, Марк планировал его будущее, исходя более из собственных интересов, чем из интересов своего кузена. И что подходяще образованный Мэтью Кейли двадцати трех лет воспринимался им как полезная собственность для человека его положения, то есть человека, чьи тщеславные пристрастия не оставляют ему времени заниматься делами.

И Кейли в двадцать три года присматривал за делами своего кузена. К этому времени Марк купил Красный Дом и значительный земельный участок, прилегавший к нему. Кейли руководил необходимым штатом прислуги. Обязанности его были весьма многочисленны. Он был не совсем секретарем и не совсем управляющим, не совсем финансовым консультантом и не совсем компаньоном, но кем-то, объединяющим в себе всех четверых. Марк опирался на него и называл его «Кей», при данных обстоятельствах справедливо считая «Мэтью» мало подходящим. Самое главное, чувствовал он, Кей был надежным; крупный, с тяжелым подбородком, солидный субъект, не докучающий лишними разговорами, — истинное благо для человека, который предпочитает говорить сам.

Теперь Кейли было двадцать восемь, но выглядел он на все сорок, возраст его патрона. Они временами приглашали в Красный Дом гостей на неделю-другую, и Марк предпочитал — назовите это добротой или тщеславием, как вам будет угодно — приглашать таких гостей, которые не могли отплатить тем же. Давайте поглядим на них, когда они спустились к тому завтраку, про который Стивенс, горничная, уже сообщила нам кое-что.

Первым появился майор Рамболд, высокий, седовласый, седоусый, в норфолкской куртке и серых брюках. Он жил на свою пенсию и писал статьи по естественной истории для газет. Майор исследовал блюда на буфете, осмотрительно остановил свой выбор на рисе с рыбой и пряностями и принялся за еду. Он уже перешел к колбаске, когда появился следующий гость. Билл Беверли, бодрый молодой человек в белых спортивных брюках и блейзере.

— Привет, майор! — сказал он, входя. — Как поживает подагра?

— Это не подагра, — ворчливо сказал майор.

— Ну, что бы там ни было.

Майор хмыкнул.

— Я принципиально вежлив за завтраком, — сказал Билл, щедро накладывая себе овсянку. — Люди в большинстве так грубы! Вот почему я вас спросил. Но не отвечайте, если это секрет. Кофе? — добавил он, наливая себе чашку.

— Нет, спасибо. Я никогда не пью, пока не кончу есть.

— И правильно, майор. Это просто вежливость. — Билл сел напротив него. — Ну, денег для игры просто отличный. Будет чертовски жарко, но тогда-то мы с Бетти и набираем очки. На пятой лунке ваша старая рана, которую вы получили в той пограничной стычке, начнет напоминать о себе; на восьмой ваша печень, изношенная годами карри, даст о себе знать и развалится на куски у двенадцатой...

— Да замолчи, осел!

— Ну, я ж просто предупреждаю вас. Приветик! Доброе утро, мисс Норрис. Я как раз говорил майору, что должно приключиться с вами и с ним нынче утром. Вам требуется помощь, или вы предпочтете сами выбрать свой завтрак?

— Пожалуйста, не вставляйте, — сказала мисс Норрис. — Я положу себе сама. Доброе утро, майор. — Она приветливо ему улыбнулась.

Майор кивнул.

— Доброе утро. Будет жарко.

— Как я ему объяснял, — начал Билл, — вот тут-то... А вот и Бетти. Привет, Кейли.

Бетти Колледайн и Кейли вошли вместе. Бетти была восемнадцатилетней дочерью миссис Джоан Колледайн, вдовы художника, которая на эту неделю взяла на себя обязанности помогать Марку с приемом гостей. Рут Норрис относилась к себе очень серьезно как к актрисе, а в дни отдыха не менее серьезно как к игроку в гольф. Она была вполне компетентна и в том, и в другом, и ее не пугали ни Театральное Общество, ни самые коварные лунки.

— Кстати, машина будет в десять тридцать, — сказал Кейли, отрываясь от своих писем. — И сразу заберет вас после ланча.

— Не вижу, почему бы нам не сыграть и вторую партию, — сказал Билл с надеждой.

— Днем будет слишком жарко, — заметил майор. — Вернемся, не торопясь, к чаю.

Вошел Марк, он обычно являлся последним. Поздоровался с ними и принялся за тосты с чаем. Завтрак не принадлежал к его трапезам. Пока он читал свои письма, остальные негромко переговаривались.

— Бог мой! — внезапно воскликнул Марк.

Все головы инстинктивно повернулись к нему.

— Прошу прощения, мисс Норрис. Извините, Бетти.

Мисс Норрис прощающе улыбнулась. Ей самой часто хотелось вложить душу в это восклицание, особенно на репетициях.

— Послушай, Кей! — Он нахмурился озадаченно, разочарованно. Приподнял письмо и потряс им. — По-твоему, от кого оно?

Кейли у противоположного конца стола пожал плечами. Откуда ему знать?

— От Роберта, — сказал Марк.

— От Роберта? — Кейли было трудно удивить. — Ну и?

— Очень мило вот так говорить «ну и?», — сказал Марк обидчиво. — Он приедет сюда сегодня днем.

— Я думал, он в Австралии или где-то там еще?

— Разумеется. Как и я. — Он поглядел через стол на Рамболда. — У вас есть братья, майор?

— Нет.

— Послушайте моего совета и не обзаводитесь ими.

— Теперь для этого немного поздновато, — сказал майор.

Билл засмеялся. Мисс Норрис сказала вежливо:

— Но у вас же нет братьев, мистер Эблетт?

— Есть один, — сказал Марк мрачно. — Если вы вернетесь вовремя, то увидите его сегодня днем. Он, возможно, попросит вас одолжить ему пять фунтов. Не делайте этого.

Всем стало немного не по себе.

— У меня есть брат, — пришел на выручку Билл. — Но это я всегда занимаю у него.

— Совсем как Роберт, — сказал Марк.

— Когда он последний раз был в Англии? — спросил Кейли.

— Лет пятнадцать назад или что-то вроде. Ты, конечно, был еще мальчиком.

— Да, я помню, что один раз видел его примерно тогда, но, возможно, он приезжал позднее?

— Нет. То есть, насколько известно мне. — Марк, все еще явно расстроенный, снова

взял письмо.

— Лично я считаю, — сказал Билл, — что родственники — это большая ошибка.

— И все-таки, — сказала Бетти, чуть перегибая палку, — это же так забавно — иметь скелет в шкафу.

Марк хмуро посмотрел на нее.

— Если, по-вашему, это забавно, я вручу его вам, Бетти. И если он хоть немного такой, каким был и каким являл себя в редких письмах... ну, Кей знает.

Кейли хмыкнул.

— Я знаю только, что задавать про него вопросы не полагалось.

Возможно, это был намек в адрес излишне любопытного гостя больше вопросов не задавать или напоминание гостеприимному хозяину не болтать лишнего перед посторонними людьми, хотя произнес он свою фразу просто как констатацию факта. Однако тема была оставлена, сменившись более увлекательной: предстоящей партией в гольф вчетвером. Миссис Колледайн намеревалась поехать с игроками, чтобы разделить ланч со старой приятельницей, живущей неподалеку от поля для гольфа, а Марк и Кейли оставались дома — из-за дел. Видимо, «дела» теперь включали и блудного брата. Но партию в гольф это не делало менее увлекательной.

Примерно в то время, когда майор (какова бы ни была причина) промазал по шестой лунке, а Марк и его кузен занимались своим делом в Красном Доме, привлекательный джентльмен по имени Энтони Джиллингем вручал свой билет, сойдя на станции «Вудхем», и спрашивал, как пройти к деревне. Получив указания, он оставил свой чемодан у начальника станции и неторопливо удалился. Он важный персонаж в этой истории, а потому нам следует узнать про него что-нибудь, прежде чем выпустить его сюда на волю. Давайте под каким-нибудь предлогом остановим его на вершине холма и хорошенько разглядим.

Мы сразу замечаем, что разглядывает он повъедливее нашего. Правильные черты чисто выбритого лица того типа, который обычно ассоциируется с военно-морским флотом, пара серых глаз, и они словно всасывают каждую подробность нашей особы. Незнакомых людей этот взгляд почти пугает, пока они не обнаруживают, что очень часто мысли глядящего пребывают где-то еще; что он, так сказать, оставил свои глаза стоять на страже, пока сам он следует за ходом мысли в другом направлении. Разумеется, многие люди проделывают то же самое, когда, например, разговаривают с одним человеком, пытаясь слушать другого, но глаза выдают их. В отличие от глаз Энтони.

Этими глазами он повидал мир, хотя и не как моряк. Когда в двадцать один год он унаследовал от покойной матери четыреста фунтов годового дохода, старый Джиллингем оторвался от «Газеты скотовода», чтобы спросить, что он намерен с ними делать.

— Повидать мир, — сказал Энтони.

— Ну, присылай мне строчку-другую из Америки или еще откуда-нибудь.

— Ладно, — сказал Энтони.

Старый Джиллингем вернулся к газете. Энтони был его младшим сыном и в целом менее ему интересен, чем юные отпрыски других семей, например, Чемпиона Беркета. Не ведь Чемпион Беркет был самым лучшим быком хертфордской породы, каких он выращивал.

Однако Энтони дальше Лондона ехать не собирался. Под «миром» он подразумевал не страны, а людей, и под наиболее разными углами зрения, насколько возможно. А Лондон полон крайне разными людьми, если знать, как смотреть на них. Вот Энтони и смотрел на

них, причем с самых неожиданных точек зрения — камердинера, репортера, официанта, продавца в магазине. И при поддержке четырехсот фунтов в год наслаждался во всю меру. Он никогда не задерживался на одной работе излишне долго и обычно обрывал свою связь с ней, изложив своему нанимателю — противу всех правил этикета, теоретически определяющего отношения между хозяином и слугой, — что именно он о нем думает. Обрести новую профессию ему никакого труда не составляло. Вместо опыта и рекомендаций он предлагал свою личность и пари. Первый месяц он будет служить без жалованья и — если удовлетворит своего нанимателя — получит двойное жалованье за второй. И всегда его получал.

Теперь ему было тридцать. В Вудхеме он сошел потому, что ему понравилась станция. Билет давал ему право ехать дальше, но в подобных вопросах он привык угождать себе. Вудхем понравился ему, а его чемодан был при нем в вагоне, как и деньги в кармане. Так почему бы и не сойти?

Хозяйка «Георга» была только счастлива предоставить ему кров и обещать, что к вечеру ее муж съездит на станцию за его багажом.

— И, думается, вам потребуется ланч, сэр?

— Да, но не затрудняйтесь. Сойдет все, что у вас есть холодного.

— Как насчет говядины, сэр? — спросила она, будто в ее распоряжении была сотня сортов мяса, и она предлагала ему наилучший.

— Отлично. И пинту пива.

Он завершал свой ланч, когда вошел хозяин спросить его про багаж. Энтони заказал еще пинту и скоро разговорил его.

— Наверное, веселое дело содержать деревенскую гостиницу, — сказал он, прикидывая, что, пожалуй, пора приобщиться к еще одной профессии.

— Ну, я б не сказал, что такое уж веселое, сэр. Но мы сводим концы с концами и немножко откладываем на черный день.

— Так вам надо съездить отдохнуть где-нибудь, — сказал Энтони, задумчиво глядя на него.

— Странно, что вы сказали это, — улыбнулся хозяин. — Джентльмен из Красного Дома сказал то же самое только вчера. Предложил заместить меня и всякое такое. — Он басисто хохотнул.

— Красный Дом? Не Красный ли Дом в Стэнтоне?

— Он самый, сэр. Стэнтон — следующая станция за Вудхемом. Красный Дом около мили отсюда. Мистера Эблетта.

Энтони вытащил из кармана письмо. Обратный адрес — «Красный Дом, Стэнтон». Подписано «Билл».

— Старина Билл, — пробормотал он про себя. — Растет над собой.

Энтони познакомился с Биллом Беверли два года назад в табачной лавке. Джиллингом был по одну сторону прилавка, мистер Беверли — по другую. Что-то в Билле — может быть, его юность и свежесть — вызвали у Энтони симпатию. И, когда сигареты были заказаны с распоряжением отправить их по такому-то адресу, он вспомнил, что познакомился с теткой Беверли, когда гостил у друзей в их загородном доме. Беверли и он встретились еще раз чуть позднее в ресторане. Оба были в смокингах, но по-разному обращались с салфетками, и Энтони был более полированным из них двоих. Однако Билл продолжал ему нравиться. И потому во время одних своих каникул после очередной потери работы он через одного из

общих друзей познакомился с ним официально. Беверли, казалось, был чуть шокирован напоминанием об их предыдущих встречах, но овладевшая им неловкость вскоре рассеялась, и они с Энтони незамедлительно сблизились. Однако Билл, когда писал ему, употреблял обращение «дорогой псих».

Энтони решил после ланча прогуляться до Красного Дома и навестить друга. Обследовав свою спальню, которая не вполне соответствовала благоухающим лавандой комнатам сельских гостиниц в беллетристике, но тем не менее была достаточно чистой и комфортабельной, он отправился в путь через луга.

Приближаясь по подъездной аллее к старинному красно-кирпичному фасаду, он слышал ленивое жужжание пчел в цветочных бордюрах, томное воркование голубей на вершинах вязов и отдаленный рокот газонокосилки, самый отдохновительный из всех сельских звуков...

А в вестибюле мужчина молотил кулаками по запертой двери и орал:

— Открой дверь! Говорят тебе, открой дверь!

— Приветик, — сказал Энтони в изумлении.

Глава III

ДВОЕ МУЖЧИН И МЕРТВОЕ ТЕЛО

Кейли внезапно оглянулся на голос.

— Не могу ли я помочь? — вежливо спросил Энтони.

— Что-то случилось, — сказал Кейли. Он тяжело дышал. — Я услышал выстрел... что-то вроде выстрела. Я был в библиотеке. Громкий треск. Я не знаю, что это было. А дверь заперта. — Он снова потряс ручку. — Открой дверь! — крикнул он. — Послушай, Марк, что случилось? Открой дверь!

— Но он запер дверь с какой-то целью, — сказал Энтони. — Так с какой стати ему ее открывать по вашей просьбе?

Кейли ошеломленно посмотрел на него. И снова обернулся к двери.

— Мы должны ее взломать, — сказал он, наваливаясь на дверь плечом. — Помогите мне.

— Но разве там нет окна?

Кейли тупо обернулся к нему.

— Окна? Окна?

— Куда проще проникнуть через окно, — сказал Энтони с улыбкой. Он выглядел невозмутимым и собранным, остановившись у самой двери вестибюля, опираясь на трость и, без сомнения, думая, что такой шум поднят по пустякам. Он же ведь не слышал никакого выстрела.

— Окно... ну, конечно! Какой я идиот.

Он проскочил мимо Энтони и побежал по аллее. Энтони за ним. Они пробежали вдоль фасада, по дорожке налево, затем снова налево по траве. Кейли впереди, Энтони по пятам за ним. Внезапно Кейли оглянулся через плечо и резко остановился.

— Тут, — сказал он.

Они оказались перед окнами запертой комнаты, вернее, перед стеклянными дверями, открывавшимися на газон позади дома. Однако двери были закрыты. Энтони, когда по примеру Кейли почти прижал лицо к стеклу, невольно почувствовал прилив волнения. В первый раз он подумал, а что, если в этой таинственной комнате, и правда, прогремел револьверный выстрел? С внешней стороны двери все это выглядело таким нелепым и мелодраматичным. Но если был один выстрел, так почему бы не раздаться еще двум? По неосторожным идиотам, прижимающим носы к стеклу, прямо-таки напрашиваясь на пулю?

— Бог мой, вы видите? — сказал Кейли дрожащим голосом. — Вон там. Посмотрите!

И тут Энтони тоже увидел. На полу в дальнем конце комнаты лежал человек спиной к ним. Человек? Или мертвое тело?

— Кто это? — спросил Энтони.

— Не знаю, — прошептал Кейли.

— Ну, так надо войти и посмотреть. — Он секунду разглядывал двери. — По-моему, если вы всем весом нажмете на створки там, где они сходятся, они поддадутся. Иначе придется выбить стекла.

Не говоря ни слова, Кейли нажал плечом. Створки разошлись, и они вошли в комнату. Кейли быстро подошел к телу и упал рядом с ним на колени. Он словно бы заколебался, потом протянул руку и проверил тело.

— Слава Богу, — пробормотал он и отнял руку.

— Кто это? — спросил Энтони.

— Роберт Эблетт.

— А! — сказал Энтони. — Я думал его имя Марк, — добавил он, более про себя.

— Да, Марк Эблетт живет тут. Роберт его брат. — Он содрогнулся и сказал: — Я боялся, что это Марк.

— Марк тоже был в комнате?

— Да, — сказал Кейли рассеяно. Затем, словно внезапно рассердившись на эти вопросы незнакомца, добавил: — Кто вы такой?

Но Энтони отошел к запертой двери и повернул ручку.

— Полагаю, ключ он положил в карман, — сказал он, вернувшись к телу.

— Кто?

Энтони пожал плечами.

— Тот, кто сделал это, — сказал он, указывая на человека на полу. — Он мертв?

— Помогите мне, — сказал Кейли просто.

Они перевернули тело на спину, заставляя себя смотреть на него. Роберт Эблетт получил пулю между глаз. Зрелище было не из приятных, и вдобавок, к ужасу Энтони, он ощутил внезапную жалость к этому человеку и внезапное раскаяние из-за беззаботного пренебрежения, с которым отнесся к происходившему. Ну, да ведь всегда воображаешь, будто такого случится *не может* — только с кем-нибудь другим. И когда такое случается с тобой, поначалу просто не верится.

— Вы хорошо его знали? — спросил Энтони негромко, подразумевая: «Он был вам дорог?»

— Практически нет. Марк мой кузен. То есть Марк — тот брат, которого я знаю хорошо.

— Ваш кузен?

— Да. — Он поколебался, а затем сказал: — Он мертв?

— Полагаю, что да.

— Вы не могли бы... вы что-нибудь знаете о... о таких вещах? Наверное, мне лучше принести воды.

Напротив запертой двери была еще одна, которая, как Энтони тотчас обнаружил сам, вела в коридор, куда выходили еще две комнаты. Кейли вошел в коридор и открыл дверь справа. Дверь из кабинета, через которую он ушел, осталась открытой. Дверь в конце этого короткого коридора была закрыта. Энтони, опустившись на колени рядом с трупом, следовал глазами за Кейли, а когда он скрылся из вида, продолжал вперять взгляд в пустую стену коридорчика, но не сознавал, на что глядит, так как его мысли следовали за ушедшим, сострадая ему.

«Не то, чтобы от воды мог быть какой-то толк для мертвого тела, — сказал он себе, — но чувство, будто ты что-то делаешь, когда ничего сделать нельзя, служит большим утешением».

Кейли вернулся в кабинет. В одной руке у него была губка, в другой — носовой платок. Он посмотрел на Энтони. Энтони кивнул. Кейли что-то пробормотал, встал на колени, чтобы обтереть лицо мертвеца. Затем прикрыл его носовым платком. У Энтони вырвался легкий вздох, вздох облегчения.

Они поднялись на ноги и посмотрели друг на друга.

— Если я могу чем-то помочь вам, — сказал Энтони, — разрешите мне.

— Вы очень добры. Столько надо сделать. Полиция, врачи... ну, не знаю. Но вы не должны допустить, чтобы я злоупотреблял вашей добротой. Собственно, мне следует извиниться, что я уже так вас затруднил.

— Я заглянул повидаться с Беверли. Он мой старый друг.

— Он сейчас играет в гольф. И вот-вот вернется. — Затем, будто он только теперь осознал это: — Они все сейчас вернутся.

— Я останусь, если могу быть как-то полезен.

— Прошу вас! Видите ли, женщины. Будет нелегко. Если бы вы... — Он замялся и одарил Энтони робкой улыбкой, такой жалкой на лице крупного, привыкшего полагаться на себя мужчины. — Ваша моральная поддержка. Это так важно...

— Ну, конечно! — Энтони улыбнулся в ответ и сказал ободряюще: — Ну, так для начала я порекомендую вам позвонить в полицию.

— В полицию? Д... да. — Он поглядел на Энтони с сомнением. — Я полагаю...

Энтони сказал без обиняков:

— Послушайте, мистер... э...

— Кейли. Я кузен Марка Эблетта. И живу у него.

— Моя фамилия Джиллингем. Простите, мне следовало бы назваться раньше. Так вот, мистер Кейли, нет смысла закрывать глаза. Человек застрелен... ну, так кто-то же его застрелил.

— Он мог застрелиться, — пробормотал Кейли.

— Да, мог, но не сделал этого. Или же в комнате был кто-то еще, и этого кого-то сейчас здесь нет. И этот кто-то захватил с собой револьвер. Ну, так полиция захочет сказать свое слово, верно?

Кейли промолчал, уставившись в пол.

— Нет, я знаю, что вы думаете, и, поверьте, горячо вам сочувствую. Но мы же не дети. Если ваш кузен Марк Эблетт был в комнате с этим... — он указал на труп, — этим человеком, значит...

— Кто сказал, что он был тут? — буркнул Кейли, вскидывая голову.

— Вы сами.

— Я был в библиотеке. Марк пришел... Он мог опять уйти. Я не знаю. Кто-то еще мог войти...

— Да-да, — сказал Энтони терпеливо, точно ребенку. — Вы знаете своего кузена, я — нет. Давайте согласимся, что он никакого отношения к этому не имеет. Но кто-то был в комнате, когда этот человек был застрелен и... Полицию необходимо поставить в известность. Не кажется ли вам... — Он посмотрел на телефон. — Или вы предпочитаете, чтобы это сделал я?

Кейли пожал плечами и направился к телефону.

— Можно мне... э... немного осмотреться? — Энтони кивнул в сторону отворенной двери.

— А? Пожалуйста. Да. — Он сел и придвинул телефон к себе. — Вы не должны судить меня строго, мистер Джиллингем. Понимаете, я знаю Марка очень давно. Но, конечно, вы совершенно правы, и я веду себя глупо. — Он снял трубку.

Давайте предположим, что ради первого знакомства с этим «кабинетом» мы входим в

него из вестибюля через дверь, которая сейчас заперта, но, нашего удобства ради, волшебным образом отперлась для нас. Мы стоим на пороге, и комната тянется перед нами вправо и влево. Или, точнее говоря, только вправо, поскольку до левой стены мы почти можем дотронуться рукой. Прямо напротив нас (ширина комнаты примерно пятнадцать футов) — та другая дверь, через которую вышел Кейли и вернулся несколько минут тому назад. В правой стене в тридцати футах от нас — стеклянные двери. Мы пересекаем комнату и через дверь напротив вступаем в коридорчик, куда выходят две комнаты. Та, что справа — именно в ней скрылся Кейли — вдвое меньше кабинета, маленькая, квадратная, очевидно, в то или иное время служила спальней. Кровати там больше нет, но есть раковина с кранами горячей и холодной воды в углу; стулья; один или два стеновых шкафа и комод. Окно обращено в ту же сторону, что и стеклянные двери, но если выглянуть в это окно, окажется, что вид справа загромождает внешняя стена кабинета, которая из-за большой длины вторгается на газон еще на пятнадцать футов.

Комната рядом со спальней — ванная. Собственно говоря, все три комнаты образуют своего рода квартиру, и во времена предыдущего владельца тут, возможно, помешался инвалид, который не мог подниматься по лестнице. Но Марк пользовался только кабинетом. Во всяком случае, он никогда не спал внизу.

Энтони заглянул в ванную, а затем зашел в комнату, куда заходил Кейли. Окно было открыто, и он посмотрел на ухоженную траву внизу и на мирный парк дальше. И ощутил жалость к владельцу всего этого, теперь оказавшемуся замешанным в столь мрачном деле.

«Кейли думает, что это он, — сказал Энтони про себя. — Это очевидно. И объясняет, почему он потратил впустую столько времени, барабанив в дверь. Зачем было пытаться взломать замок, хотя куда проще разбить стекло? Конечно, он мог просто потерять голову. С другой стороны, он мог... ну, он мог пытаться обеспечить своему кузену больше времени, чтобы скрыться. То же и с полицией и... э... многим другим. Почему, например, мы обежали весь дом, чтобы добраться до стеклянных дверей? Ведь, конечно же, можно было пройти через вестибюль к задней двери. Попозже надо будет посмотреть».

Энтони, следует заметить, головы отнюдь не потерял.

В коридорчике послышались шаги, и, обернувшись, он увидел в дверном проеме Кейли. Секунду он продолжал смотреть на него, задавая себе вопрос. Вопрос был довольно любопытный. Он спрашивал себя, почему дверь открыта.

Ну, не совсем, почему дверь была открыта, это-то объяснить было просто. Но вот почему он ожидал, что дверь будет закрыта? Он не помнил, чтобы закрыл ее, но все равно удивился, увидев теперь, что она открыта, увидев Кейли в проеме, входящего в комнату. Что, смутно зашевелившееся в его мозгу, подсказало ему удивиться? Почему?

Он отодвинул этот вопрос в дальний уголок сознания, ответ осенит его позже. Он обладал поразительно цепким сознанием. Все, что он видел или слышал, словно бы налагало отпечаток где-то в его мозгу, и часто он этого не замечал. И эти фотографические негативы всегда были наготове, когда он решал проявить их.

Кейли присоединился к нему у окна.

— Я позвонил, — сказал он. — Они высылают инспектора или кого-то там из Миддлстона и местных полицейских, и доктора из Стэнтонна. — Он пожал плечами. — Теперь начнется.

— А до Миддлстона далеко? — Это был городок, до которого Энтони утром взял билет

— всего шесть часов назад. Как нелепо это выглядело!

— Около двадцати миль. Они скоро вернуться.

— Беверли и остальные?

— Да. Полагаю, они сразу же захотят уехать.

— И к лучшему.

— Да. — Кейли помолчал. — Вы остановились где-то поблизости?

— В «Георге» в Вудхеме.

— Если вы один, я бы хотел, чтобы вы остановились здесь. Понимаете, — продолжал он неловко, — вы же должны быть здесь для расследования и... и так далее. Если я могу предложить вам гостеприимство моего кузена в его... то есть, если он... если он действительно...

Энтони поспешно перебил его благодарностями и согласием.

— Отлично. Может быть, Беверли останется, раз он ваш друг. Хороший мальчик.

Энтони был совершенно уверен из сказанного и несказанного Кейли, что Марк — последний, кто видел своего брата живым. Из этого не следовало, что Марк Эблетт — убийца. Револютеры стреляют случайно, и в таких случаях люди теряют головы и пускаются в бега, боясь, что их истории не поверят. Однако, когда люди пускаются в бега, невиновны они или виновны, невозможно не прикинуть, какой путь они предпочли.

— Полагаю, этот путь, — сказал Энтони вслух, глядя в окно.

— Кто? — сказал Кейли упрямо.

— Кто бы это ни был, — сказал Энтони, улыбаясь про себя. — Убийца. Или, скажем, человек, который запер дверь после того, как Роберт Эблетт был убит.

— Не уверен.

— А как еще мог бы он скрыться? Не через стеклянную дверь в соседней комнате, поскольку она была закрыта.

— Не выглядит ли это странным?

— Ну, сначала я так и подумал, но... — Он указал на стену справа за окном. — Видите, вы были бы заслонены от остального дома, если бы вылезли наружу здесь, и совсем близко к кустам. Воспользуйся вы стеклянной дверью, полагаю, вас легче могли бы увидеть. Вся эта часть дома... — Он махнул правой рукой, — западная, ну, почти северо-западная, с кухнями... Вы видите, что здесь укрыты от нее. О да, он хорошо знал дом, кем бы он ни был, и поступил оправданно, выбравшись через это окно. Он же сразу оказался в кустах.

Кейли прикидываяще посмотрел на него.

— Сдается мне, мистер Джиллингем, что вы очень неплохо знаете дом, учитывая, что вы в нем в первый раз.

Энтони рассмеялся.

— Ну, понимаете, я умею замечать. Я родился, замечая. Но я прав, не правда ли, почему он выбрал этот путь?

— Да, думаю, вы правы. — Кейли отвел взгляд. В сторону кустов.

— Вы хотите продолжать замечать и дальше... *среди них*? — Он кивнул на кусты.

— Полагаю, это можно предоставить полиции, — сказал Энтони мягко. — Это, ну... Никакой спешки нет.

Кейли испустил легкий вздох, будто приберегал дыхание для ответа и теперь мог снова дышать.

— Спасибо, мистер Джиллингем, — сказал он.

Глава IV

БРАТ ИЗ АВСТРАЛИИ

Гостям в Красном Доме позволялось делать все, что им нравилось, в пределах разумного — разумность или неразумность определялась Марком. Но раз они (или Марк) приняли решение о том, чем хотят заняться, план полагалось выполнять. Миссис Колледайн, зная эту маленькую слабость их гостеприимного хозяина, поэтому воспротивилась предложению Билла сыграть еще одну партию днем и, не торопясь, вернуться после чая. Остальные игроки в гольф были не против, но миссис Колледайн, не сказав прямо, что мистеру Эблетту это не понравится, твердо стояла на том, что, договорившись вернуться назад к четверем, они должны вернуться к четверем.

— Я, право, не думаю, что Марк так уж ждет нас, — сказал майор. После утренних неудач он надеялся днем доказать себе, что вовсе не так уж плох. — Из-за этого своего брата он будет только рад, что мы не путаемся у него под ногами.

— Ну, конечно, майор! — поддержал Билл. — Вы ведь хотите сыграть еще партию, верно, мисс Норрис?

Мисс Норрис с сомнением посмотрела на миссис Колледайн в ее роли хозяйки дома.

— Разумеется, если вы хотите вернуться, дорогая, мы не должны задерживать вас здесь. К тому же вы не играете и, конечно, изнемогаете от скуки.

— Всего девять лунок, мама, — взмолилась Бетти.

— Автомобиль вас отвезет, и вы сможете предупредить их, что мы остались еще на партию, а тогда он может вернуться за нами, — блистательно объяснил Билл.

— Здесь, бесспорно, куда прохладнее, чем я ожидал, — добавил майор.

Миссис Колледайн сдалась. Снаружи павильона веяло такой заманчивой прохладой, а Марк, конечно, будет только рад их отсутствию. И потому она согласилась на девять лунок. Партия завершилась с равным счетом, все играли много лучше, чем утром, и они поехали назад в Красный Дом очень довольные собой.

«Эгей! — сказал Билл самому себе, когда они подъезжали к дому, — это же старина Тони!»

Энтони стоял перед домом и ждал их. Билл помахал ему, и он помахал в ответ. Затем, едва автомобиль остановился, Билл, сидевший рядом с шофером, выпрыгнул и радостно его приветствовал.

— Приветик, псих! Приехал погостить, или как? — Его осенила внезапная мысль. — Только не говори, что ты — давно отсутствовавший брат Марка Эблетта из Австралии, хотя с тебя станется. — Он рассмеялся по-мальчишески.

— Привет, Билл, — сказал Энтони негромко. — Ты меня не представишь? Боюсь, у меня скверные новости.

Билл, заметно усмиривший таким приветствием, представил его. Майор и миссис Колледайн сидели ближе, и Энтони тихим голосом обратился к ним:

— Боюсь, это будет для вас большим потрясением, — сказал он. — Роберт Эблетт, брат мистера Марка Эблетта, был убит. — Он указал большим пальцем через плечо. — В доме.

— Бог мой, — сказал майор.

— Вы хотите сказать, что он убил себя? — спросила миссис Колледайн. — Вот сейчас?

— Это случилось примерно два часа назад. Я случайно оказался здесь. — Он

полуобернулся к Беверли и объяснил: — Я хотел повидать тебя, Билл, и пришел почти сразу после... после смерти. Мистер Кейли и я нашли тело. Мистер Кейли сейчас очень занят — в доме сейчас полиция, врачи и так далее. А потому он попросил меня сообщить вам. Он говорит, что, без сомнения, при таких трагических обстоятельствах вы предпочтете уехать как можно скорее. — Он улыбнулся милой виноватой улыбкой и продолжал: — Я выразился очень неудачно. Он, разумеется, имеет в виду, что вам следует считаться исключительно с собственными чувствами, и, пожалуйста, сами сообщите, когда подать автомобиль, чтобы доставить вас к выбранному поезду. Насколько я понял, есть вечерний поезд, каким вы можете уехать, если пожелаете.

Билл смотрел на Энтони, разинув рот. В его словаре не было слов, чтобы выразить то, что он хотел бы сказать, не считая тех, которые уже использовал майор. Бетти, наклонившись к мисс Норрис, проговорила:

— *Кого* убили? — голосом, исполненным ужаса, а мисс Норрис, инстинктивно выглядевшая столь же трагично, как выглядела на сцене, когда вестник объявлял о смерти одного из членов труппы, на мгновение расслабилась, чтобы объяснить.

Миссис Колледайн без демонстраций полностью владела собой.

— Мы будем мешать, да, я понимаю, — сказала она, — но мы не можем просто отрясти пыль этого места с наших ботинок потому лишь, что произошло нечто ужасное. Я должна увидеть Марка, и позже мы решим, что делать. Он должен знать, как глубоко мы ему сочувствуем. Может быть, мы... — Она заколебалась.

— Мы с майором можем оказаться полезными в любом случае, — сказал Билл. — Вы ведь это имели в виду, миссис Колледайн?

— Где Марк? — внезапно сказал майор, впиваясь взглядом в Энтони.

Энтони ответил ему недрогнувшим взглядом и ничего не сказал.

— Думаю, — сказал майор мягко, наклоняясь к миссис Колледайн, — будет лучше, если вы отвезете Бетти назад в Лондон сегодня же вечером.

— Хорошо, — согласилась она покорно. — Вы поедете с нами, Рут?

— Я сопровождаю вас туда, — сказал Билл смиренным голосом. Он не вполне понял, что произошло, и так как предполагал погостить в Красном Доме, в Лондоне ему деваться было некуда, но все словно бы ехали именно в Лондон, а когда он сумеет на минуту отвести Тони в сторону, Тони, конечно, все объяснит.

— Кейли хочет, чтобы ты остался, Билл. Завтра тебе придется уехать так или иначе. Майор Рамболд?

— Да. Я поеду с вами, миссис Колледайн.

— Мистер Кейли пожелал бы, чтобы я снова повторил, что, пожалуйста, без колебания отдавайте распоряжения и об автомобиле, и о телефонировании или телеграфировании, какое вам понадобится. — Он снова улыбнулся и добавил: — Пожалуйста, простите меня, если вам кажется, будто я беру на себя слишком много, но я просто оказался под рукой в качестве рупора Кейли. — Он поклонился им и вошел в дом.

— Ну-у, — драматично сказала мисс Норрис.

Когда Энтони вошел в вестибюль, инспектор из Миддлстона как раз направлялся к Кейли в библиотеку. Последний остановился и кивнул Энтони.

— Погодите минутку, инспектор. Это мистер Джиллингем. Ему лучше пойти с нами. — А затем Энтони: — Это инспектор Берч.

Берч вопросительно переводил взгляд с одного на другого.

— Мистер Джиллингем и я нашли тело вместе, — пояснил Кейли.

— А! Ну, так идемте и давайте рассортируем факты. Я предпочитаю ясно понимать, где нахожусь.

— Как и мы все.

— А! — Он посмотрел на Энтони с интересом. — И вы знаете, где находитесь в этом деле?

— Я знаю, где буду находиться.

— И где же?

— Там, куда меня поместит инспектор Берч, — сказал Энтони с улыбкой.

Инспектор добродушно засмеялся.

— Ну, я пощажу вас, насколько смогу. Идемте.

Они вошли в библиотеку. Инспектор уселся за письменный стол, а Кейли сел на стул сбоку. Энтони расположился поудобнее в кресле и приготовился к чему-нибудь интересному.

— Начнем с покойника, — сказал инспектор. — Роберт Эблетт? Вы так сказали?

— Да, брат Марка Эблетта, живущего здесь.

— А! — Он принялся оттачивать карандаш. — Гостил в доме?

— Нет-нет!

Энтони внимательно слушал, как Кейли излагал все, что знал о Роберте. Для него это было новым.

— Так-так. Выдворен из страны с позором. Что он натворил?

— Толком не знаю. Мне тогда было всего двенадцать. Тот возраст, когда тебе велят не задавать вопросы.

— Неудобные вопросы?

— Вот именно.

— Так что вы не знаете, был он всего лишь несдержанным или... или грешным?

— Нет. Старый мистер Эблетт был священником, — добавил Кейли. — Священник, не исключено, мог счесть грехом то, в чем светский человек увидел бы лишь несдержанность.

— Возможно, мистер Кейли, — улыбнулся инспектор. — В любом случае удобнее было, чтобы он находился в Австралии.

— Да.

— Марк Эблетт никогда о нем не говорил?

— Практически нет. Он очень его стыдился и... ну, был очень рад, что он в Австралии.

— Он писал Марку?

— Изредка. Три или четыре раза за последние пять лет.

— Просил денег?

— Что-то в этом роде. Не думаю, что Марк всякий раз отвечал на них. Насколько я знаю, денег он никогда не посылал.

— Теперь ваше личное мнение, мистер Кейли. Был ли Марк несправедлив в своем отношении к брату? Излишне суров с ним?

— Они не ладили, когда были мальчиками. Никакой привязанности между ними никогда не существовало. Я не знаю, кто из них в этом больше виноват. Если вообще кто-то виноват.

— Тем не менее Марк мог бы протянуть ему руку помощи.

— Насколько я понимаю, — сказал Кейли, — Роберт всю свою жизнь клянчил у всех

руку помощи.

Инспектор кивнул.

— Мне подобные типы знакомы. Ну-с, перейдем к этому утру. Письмо, полученное Марком. Вы его видели?

— Не тогда. Он показал его мне позднее.

— Адрес?

— Нет. Половина листка довольно грязной бумаги.

— Где он сейчас?

— Не знаю. Полагаю, в кармане у Марка.

— А! — инспектор подергал себя за бороду. — Мы еще дойдем до этого. Вы помните, что в нем говорилось?

— Насколько помню, примерно следующее: «Марк, твой любящий брат придет повидаться с тобой завтра прямо из Австралии. Предупреждаю тебя заранее для того, чтобы ты мог скрыть изумление, но, надеюсь, не радость. Жди его в три или около того».

— А! — Инспектор тщательно все записал. — Вы заметили штемпель?

— Лондон.

— Как отнесся к письму Марк?

— С досадой, с раздражением... — Кейли заколебался.

— С опасением?

— Н-нет, не совсем. Вернее, с предчувствием неприятного разговора, но не каких-либо неприятных результатов для него.

— То есть он не боялся физического нападения, шантажа или чего-либо подобного?

— Судя по его виду, нет.

— Так-так. И он приехал, вы говорите, примерно в три часа?

— Да, около того.

— Кто тогда был в доме?

— Марк и я, и кое-кто из слуг. Кто именно, я не знаю. Но, конечно, вы расспросите их самих.

— С вашего разрешения. Никого из гостей?

— Они весь день играли в гольф, — объяснил Кейли. — Да, и кстати, — вставил он, — если я могу спросить вас, надо ли вам вообще говорить с ними? Им, естественно, не слишком приятно оставаться здесь, и я посоветовал... — Он обернулся к Энтони, который кивнул. — Как я понял, они хотят вернуться в Лондон сегодня же вечером. Полагаю, против этого никаких возражений нет?

— Вы сообщите мне их фамилии и адреса, на случай если мне понадобится связаться с ними?

— Конечно. Один из них остается тут, и, если захотите поговорить с ним позже... однако они все вернулись как раз, когда мы шли через вестибюль.

— Все в порядке, мистер Кейли. Ну, так вернемся теперь к трем часам. Где были вы, когда пришел Роберт?

Кейли рассказал, как он сидел в вестибюле, как Одри спросила у него, где хозяин, и как он сказал, что последний раз видел его поднимающимся к Храму.

— Она ушла, а я продолжал читать. На лестнице послышались шаги, я поднял глаза и увидел спускающегося Марка. Он вошел в кабинет, а я продолжал читать. Я на минуту зашел в библиотеку справиться с другой книгой, и пока был там, я услышал выстрел. Во всяком

случае, громкий хлопок. Я не был уверен, что слышал именно выстрел. Я стоял и слушал. Затем медленно подошел к двери и выглянул наружу. Затем вернулся назад, постоял в нерешительности, ну, вы понимаете, и, наконец, решил пойти к кабинету и удостовериться, что все в порядке. Я повернул ручку и обнаружил, что дверь заперта. Тогда я перепугался, стал барабанить в дверь и кричать, и... Ну, тогда и пришел мистер Джиллингем.

Он продолжал объяснять, как они нашли тело.

Инспектор посмотрел на него с улыбкой.

— Да-да, кое-что из этого нам надо будет рассмотреть еще раз, мистер Кейли. Теперь о мистере Марке. Вы думали, что он в Храме. Мог он вернуться и подняться в свою комнату так, чтобы вы его не увидели?

— Есть задняя лестница. Конечно, обычно он ею не пользуется. Но в вестибюле я во второй половине дня был не все время. Он легко мог подняться наверх, а я этого не знал бы.

— Так что вы не удивились, когда увидели, что он спускается вниз?

— Нисколько.

— Ну, а он сказал что-либо?

— Он сказал: «Роберт здесь?» — или что-то вроде. Полагаю, он услышал звонок или голоса в вестибюле.

— Куда выходит его спальня? Он мог увидеть, как тот шел по подъездной аллее?

— Да, мог бы. Да.

— И?

— И тогда я сказал: «Да», а он пожал плечами и сказал: «Не уходи далеко, ты можешь мне понадобиться», — и вошел в кабинет.

— Что, по-вашему, он подразумевал?

— Ну, знаете ли, он о многом со мной советуется. Я вроде его личного солиситера^[5] по разным вопросам.

— Это была скорее деловая встреча, чем встреча братьев?

— Ну, да. Он смотрел на нее именно так, я уверен.

— Сколько времени прошло, прежде чем вы услышали выстрел?

— Совсем мало. Возможно, две минуты.

Инспектор кончил писать, а затем задумчиво посмотрел на Кейли. Внезапно он сказал:

— Какая у вас теория о смерти Роберта?

Кейли пожал плечами.

— Вы, вероятно, видели больше, чем видел я, — ответил он. — Это ваша работа. Я могу говорить только, как не специалист... и друг Марка.

— Итак?

— Тогда я должен сказать, что Роберт явился сюда не с лучшими намерениями и захватил с собой револьвер. Он вытащил его почти сразу же. Марк попытался отобрать его, ну, возможно, произошла борьба, и револьвер выстрелил. Марк потерял голову — в руке у него был револьвер, а у его ног лежал мертвец. У него была только одна мысль: спастись. Он запер дверь почти инстинктивно, а затем, когда услышал, как я молочу в нее, вылез в окно.

— Д-да. Ну, это звучит достаточно логично. Что скажете вы, мистер Джиллингем?

— Я бы не сказал, что потерять голову «логично», — заметил Энтони, вставая с кресла и направляясь к ним.

— Ну, вы понимаете, что я имел в виду. Это объясняет случившееся.

— О да. Любое другое объяснение только усложнило бы его.

— А у вас есть другое объяснение?

— Нет.

— Есть ли что-нибудь, в чем бы вы хотели поправить мистера Кейли? Что-нибудь, что он упустил после вашего прихода сюда?

— Нет, благодарю вас. Он описал все это очень точно.

— А! Ну, а теперь о вас. Вы, насколько я понял, не гостите тут?

Энтони объяснил, как он тут оказался.

— Да-да. Выстрел вы слышали?

Энтони наклонил голову набок, будто прислушиваясь.

— Да. Как раз, когда я увидел дом. В тот момент это никакого впечатления на меня не произвело, но теперь я вспомнил.

— Где вы находились тогда?

— Шел по аллее и только-только увидел дом.

— После выстрела из парадной двери никто не выходил?

Энтони закрыл глаза и прикинул.

— Никто, — сказал он.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно, — сказал Энтони, словно несколько удивившись, что его могли заподозрить в ошибке.

— Благодарю вас. Вы в «Георге», если вы мне понадобится?

— Мистер Джиллингем будет жить здесь до завершения расследования, — объяснил Кейли.

— Отлично. Ну, а как насчет слуг?

Глава V

МИСТЕР ДЖИЛЛИНГЕМ ВЫБИРАЕТ НОВУЮ ПРОФЕССИЮ

Когда Кейли направился к звонку, Энтони встал и пошел к двери.

— Полагаю, я вам больше не нужен, инспектор, — сказал он.

— Нет, благодарю вас, мистер Джиллингем. Вы, конечно, будете где-нибудь тут?

— Да-да.

Инспектор поколебался.

— Думаю, мистер Кейли, будет лучше, если я займусь слугами один. Вы же знаете, чего от них можно ждать. Чем больше людей присутствует, тем сильнее они боятся. Полагаю, я легче сумею добраться до правды, если буду один.

— Ну, разумеется. Собственно, я собирался попросить вас извинить меня. Я чувствую себя обязанным в отношении наших гостей. Хотя мистер Джиллингем очень любезно... — Он улыбнулся Энтони, который ждал у двери, и оставил фразу недоговоренной.

— Кстати, — сказал инспектор. — Вы ведь упомянули, что один из ваших гостей — мистер Беверли, не так ли — друг мистера Джиллингема, остается?

— Да. Вы хотите его увидеть?

— Позже, если можно.

— Я его предупрежу. Я буду у себя в комнате, если понадобится вам. У меня комната наверху, где я работаю, любой слуга вам покажет. А! Стивенс! Инспектор Берч хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Да, сэр, — чинно сказала Одри, но внутренне вся трепещет.

В комнате экономки все уже знали про обстоятельства дела, и Одри без устали рассказывала остальной прислуге, что сказал он и что сказала она. Частности еще не были вполне установлены, но, во всяком случае, следующее сомнений не вызывало — что брат мистера Марка застрелил себя похитив мистера Марка, и что Одри сразу увидела, какой он человек, едва открыла дверь. Она так и сказала миссис Стивенс, а миссис Стивенс — если помнишь, Одри — всегда говорила, что люди в Австралию уезжают, когда у них на то хватает причин. Элси согласилась с ними обеими, но ей было что и самой добавить... Она же своими ушами слышала, как мистер Марк в кабинете грозил брату.

— Это ты про мистера Роберта, — сказала вторая младшая горничная. Она у себя в комнате прилегла вздремнуть. Но хлопок слышала, собственно, он ее и разбудил. Будто что-то лопнуло.

— Это был голос мистера Марка, — сказала Элси непрерываемо.

— Молил о пощаде, — с надеждой сказала от двери быстроглазая судомойка, и была изгнана, жалея, что выдала свое присутствие. Но до чего же трудно было слушать молча, когда она так хорошо знала из книжечек, что происходит в таких случаях.

— Придется поучить эту девчонку уму-разуму, — сказала миссис Стивенс. — Дальше-то что, Элси?

— Он сказал, я своими ушами слышала, как он сказал: «Теперь мой черед», — сказал он, и уж так победительно.

— Ну, если, по-твоему, это угроза, душечка, ты очень взыскательна, должна я сказать.

Но Одри вспомнила слова Элси, оказавшись перед инспектором Берчем. Свои показания она выпалила без запинки, наповторявшись их вдосталь. После чего инспектор весьма умело подверг ее допросу и перекрестному допросу. Искушение сказать «не важно, что вы говорили *ему*», было очень сильным, но он удержался, зная, что именно так он вернее всего узнает, что *он* говорил *ей*. К этому времени обращенные к Одри и его слова, и его взгляды вполне себя оправдывали. Общий смысл ее показаний можно было считать вполне установленным.

— Значит, мистера Марка вы не видели?

— Нет, сэр. Он, надо быть, пришел раньше и поднялся к себе в комнату. Или вошел через парадную дверь, когда я выходила через заднюю.

— Да, ну, пожалуй, это все, что я хотел узнать, большое вам спасибо. Ну, а другие слуги?

— Элси слышала, как хозяин и мистер Роберт разговаривали промеж собой, — торопливо сообщила Одри. — Он говорил, мистер Марк то есть...

— А! Думаю, будет лучше, чтобы Элси сама мне сказала. Кстати, а кто Элси такая?

— Одна из младших горничных. Послать ее к вам, сэр?

— Будьте так добры.

Элси этот вызов не огорчил. Он прервал некоторые фразы миссис Стивенс касательно поведения Элси в этот день, прервать которые (считала Элси) крайне требовалось. По мнению миссис Стивенс, любое преступление, совершенное в кабинете днем, не шло ни в какое сравнение с двойным преступлением, совершенным злополучной Элси.

Слишком поздно Элси поняла, что ей никак не стоило вообще упоминать, что днем она была в вестибюле. Прятать правду она не умела, а миссис Стивенс умела докапываться до этой правды. Элси прекрасно знала, что ей не полагалось спускаться по парадной лестнице, и бесполезно говорить в оправдание, будто она просто вышла из комнаты мисс Норрис, открывающейся на площадку, и не подумала, что это так уж важно, ведь в вестибюле никого не было... А что она делала в комнате мисс Норрис в такое время дня? Принесла назад журнал? Одолженный мисс Норрис, можно ли спросить? Право же, Элси! И такой респектабельный дом! Тщетно бедняжка Элси с мольбой указывала, что на обложке предлагался рассказ ее любимого автора с изображением злодея, падающего с обрыва.

— Куда и ты слетишь, моя милая, если не побережешься, — сказала миссис Стивенс.

Но, конечно, незачем было признаваться во всех этих преступлениях инспектору Берчу. Его интересовало только одно: она проходила через вестибюль и слышала голоса в кабинете.

— И остановились послушать?

— Вот уж нет! — сказала Элси с достоинством, чувствуя, что никто ее не понимает. — Я просто проходила через вестибюль, как вы и сами могли бы, и не подумала, будто это какие-то секреты, так с чего мне было уши затыкать? Хоть, наверное, стоило бы. — И она всхлипнула.

— Ну-ну, — успокаивающе сказал инспектор. — Я не думал намекать...

— Все до того со мной недобры, — сказала Элси между всхлипами, — а этот бедняга лежит там мертвый, и они пожалели бы, будь это я, пожалели бы, что говорили со мной так, как сегодня.

— Вздор, мы будем очень гордиться вами. Не удивлюсь, если ваши показания имеют огромную важность. Ну, а теперь, что вы услышали? Постарайтесь вспомнить подлинные слова.

Что-то про работу в ходе, казалось Элси.

— Да, но кто это сказал?

— Мистер Роберт.

— Откуда вы знаете, что говорил мистер Роберт? Слышали его голос прежде?

— Я не возьму на себя сказать, будто я была хоть сколько-нибудь знакома с мистером Робертом, но это же не был мистер Марк, и не мистер Кейли, и никто из других джентльменов, а мисс Стивенс проводила мистера Роберта в кабинет всего за пять минут до того...

— Да-да, — сказал инспектор поспешно. — Несомненно, мистер Роберт. Значит, работа в ходе?

— Ну, может, сэр, так мне послышалось.

— Хм. Отрабатывать возвращение на пароходе? Что-то в этом роде?

— Вот-вот, сэр, — сказала Элси убежденно. — Он же отрабатывал свой проезд.

— И?

— А потом мистер Марк сказал громко, и уж так победительно. «Теперь мой черед. Вот погоди!»

— Победительно?

— Ну, так, точно теперь его шанс.

— И это все, что вы слышали?

— Это все, сэр. Я же не стояла там, не подслушивала, а просто шла через вестибюль, как всегда.

— Да. Ну, это правда очень важно, Элси. Спасибо вам.

Элси одарила его улыбкой и охотно вернулась на кухню. Она была готова к встрече с миссис Стивенс да и с кем угодно еще.

Тем временем Энтони предпринял собственное небольшое расследование. Было одно непонятное обстоятельство. Он прошел через вестибюль к фасаду дома и остановился у открытой двери, глядя на подъездную аллею. Они с Кейли побежали тогда вокруг дома налево. Но ведь было бы быстрее побежать вправо? Парадная дверь была не в центре дома, а почти на углу. Бесспорно, их путь был самым длинным. Но, может быть, справа есть какое-то препятствие, например, изгородь? Он неторопливо зашагал в этом направлении по дорожке, огибавшей дом, и увидел стеклянные двери кабинета. Очень просто и вдвое короче. Он прошел еще немного и оказался перед дверью. Дверь открылась легко, и он очутился в коридоре. В конце коридора была еще дверь. Он открыл ее и очутился сразу в вестибюле.

«И, конечно, это самый короткий путь из трех, — сказал он себе. — Через вестибюль, и выходишь сзади дома, поворачиваешь налево — и пожалуйста! А мы вместо того бежали самым длинным путем. Почему? Обеспечить Марку больше времени, чтобы скрыться? Но в таком случае для чего бежать во всю прыть? И, опять-таки, как Кейли тогда мог знать, что скрыться попытается Марк? Если он догадался... ну, не догадался, а боялся, что один из них застрелил другого, куда вероятнее было бы предположить, что Роберт застрелил Марка. Да он сам признался, что думал именно так. Первое, что он сказал, когда перевернул тело, было: „Слава Богу! Я боялся, что это Марк“. Но почему он обеспечивал *Роберту* время скрыться? И опять-таки, зачем *бежать*, если он действительно хотел дать ему время скрыться?»

Энтони снова вышел из дома и сел на скамью у газона напротив стеклянных дверей кабинета.

«Ну, — сказал он, — давай-ка тщательно обследуем сознание Кейли и поглядим, что мы извлечем».

Кейли был в вестибюле, когда Роберта проводили в кабинет. Горничная отправляется искать Марка, а Кейли продолжает читать. Марк спускается по лестнице, предупреждает Кейли оставаться поблизости на случай, если он ему понадобится, и входит приветствовать брата. Чего ожидает Кейли? Возможно, что он не понадобится вовсе; возможно, что понадобится его совет — например, для уплаты долгов Роберта или организации его отъезда назад в Австралию; возможно, что понадобится его физическая помощь, чтобы выдворить разбуянившегося Роберта вон из дома. Ну, он сидит там минуточку-другую, затем уходит в библиотеку. Почему бы и нет? Он все еще в пределах досягаемости, если понадобится. Внезапно он слышит pistolетный выстрел. Pistolетный выстрел — это не тот звук, который ожидаешь услышать в загородном доме. Следовательно, очень естественно, что он в тот момент вряд ли сообразил, чем мог быть этот звук. Он вслушивается — и ничего больше не слышит. Да может, это все-таки не был pistolетный выстрел. Через минуточку-другую он снова подходит к двери библиотеки. Теперь глубокая тишина его тревожит. *Был* ли это pistolетный выстрел? Нелепость! И все же... Почему бы не зайти в кабинет под каким-нибудь предлогом, просто чтобы успокоить себя. Поэтому он пробует открыть дверь — и обнаруживает, что она заперта!

Каковы его чувства теперь? Тревога, растерянность. Что-то происходит. Как ни невероятно, но все-таки это БЫЛ pistolетный выстрел. Он стучит в дверь, взывает к Марку никакого ответа. Тревога — да. Но тревога за чью безопасность? Конечно, Марка. Роберт ему не знаком, Марк — самый близкий друг. От Роберта сегодня утром пришло письмо — письмо человека, опасно настроенного. Роберт — уличный субъект, Марк — высокоцивилизованный джентльмен. Если произошла ссора, то это Роберт стрелял в Марка. Он снова стучит в дверь.

Разумеется, внезапно появившемуся Энтони поведение Кейли не могло не показаться абсурдным, но ведь на минуту Кейли потерял голову. Случиться такое могло бы с кем угодно. Но едва Энтони посоветовал испробовать окна, Кейли осознал, что это наиболее разумно. И он направляется к стеклянной двери. Самым длинным путем.

Почему? Чтобы дать время убийце спастись? Если он уже тогда подумал, что убийцей был Марк, то, может быть, да. Но он же думает, что убийца — Роберт. Если он ничего не скрывает, то он *должен* был думать так. Он же именно это и говорит, увидев тело. «Я боялся, что это Марк», — говорит он, увидев, что убит Роберт. Значит, нет никаких причин желать выиграть время. Наоборот, все инстинкты требуют проникнуть в кабинет как можно скорее и схватить негодяя Роберта. Все же он избирает самый длинный путь вокруг дома. Почему? И еще: почему *бегом*?

«Вот в чем вопрос, — сказал Энтони себе, пока набивал трубку, — и разрази меня гром, если я знаю ответ. Конечно, не исключено, что Кейли просто трус. И не торопился оказаться вблизи от револьвера Роберта, и одновременно хотел, чтобы я поверил, будто он рвется туда. Логичное объяснение, однако делающее Кейли трусом. Но трус ли он? Как бы то ни было, лицо к стеклу он прижал с достаточным мужеством. Нет, мне требуется ответ получше».

Он сидел, сжимая в руке нераскуренную трубку, и думал. В запасниках его мозга имелись еще один-два момента, ожидающие извлечения и рассмотрения, но пока он оставил их в покое. Обратится к ним позднее, когда они ему понадобятся.

Внезапно он рассмеялся и раскурил трубку.

«Мне требовалась новая профессия, — подумал он, — и теперь я ее обрел. Энтони Джиллингом — наша собственная частная ищейка. Начну сегодня же».

Какими бы ни были другие качества Энтони Джиллингема, требующиеся для его новой профессии, он в любом случае обладал мозгом, который работал четко и быстро. И этот четкий мозг уже сказал ему, что сейчас он — единственный человек в доме, ничем не стесненный в поисках истины. Инспектор по прибытии нашел одного человека мертвым, другого исчезнувшим. Бесспорно, крайне вероятно, что исчезнувший человек застрелил мертвого человека. Но более чем крайне вероятно, практически достоверно было, что инспектор начнет с предположения, что это крайне вероятное решение — единственно возможное, а потому будет не склонен рассматривать без предубеждения любой иной вариант. Что до остальных — Кейли, гостей, слуг, — они также были предубеждены. В пользу Марка (или, не исключено, откуда ему знать, и против Марка); в пользу или против каждого и каждой из остальных. У них уже сложились какие-то мнения на основе сказанного утром, какого рода человеком был Роберт. Никто из них не мог оценить ситуацию беспристрастно.

А вот Энтони мог. Он ничего не знал о Марке, он ничего не знал о Роберте. Он увидел мертвого человека до того, как ему объяснили, кто был этот мертвый человек. Он узнал, что произошла трагедия до того, как узнал, что кто-то исчез. Эти первые впечатления, столь жизненно важные, были порождением только конкретных обстоятельств. Они опирались на свидетельства его органов чувств, а не его эмоций или восприятие органов чувств других людей. И его положение для установления истины было куда лучше, чем у инспектора.

Возможно, думая так, Энтони был чуточку несправедлив к инспектору Берчу. Берч, бесспорно, был предрасположен поверить, что Марк застрелил своего брата. Роберта проводили в кабинет (свидетельство Одри); Марк направился к Роберту (свидетельство Кейли); между Марком и Робертом произошел разговор (свидетельство Элси); был выстрел (свидетельство всех); в кабинет вошли, и было найдено тело Роберта (свидетельства Кейли и Джиллингема). И Марк исчез. То есть очевидно, что Марк убил брата; случайно ли, как верил Кейли, или предумышленно, как словно бы следовало из показаний Элси. Искать иного решения загадки не имело смысла, раз в очевидном ни малейших огрехов не было. В то же время Берч предпочел бы сложное решение простому, потому что оно делало бы ему больше чести. «Сенсационный» арест кого-либо в доме доставил бы ему больше удовольствия, чем рутинные поиски Марка Эблетта, виновного или невиновного. Энтони было бы интересно узнать, что как раз когда он ощущал свое превосходство над предубежденным инспектором, сам инспектор с наслаждением позволил своим мыслям порыться в возможностях, связанных с мистером Джиллингом. Случайность ли, что мистер Джиллингем появился именно тогда, когда появился? И любопытные ответы мистера Беверли при наведении справок о его друге. Продавец в табачной лавке, официант! Несомненно, странный человек мистер Джиллингем. Пожалуй, лучше будет глаз с него не спускать.

Глава VI

СНАРУЖИ ИЛИ ВНУТРИ?

Гости попрощались с Кейли в обычной своей манере. Майор ворчливо и без обиняков: «Если я вам понадобится, распорядитесь мной. Все, что я смогу сделать... Прощайте»; Бетти молча, сочувственно, и в ее больших глазах — все, чего сказать она не решалась; миссис Колледайн — заверяющая, что просто не находит что сказать, но явно находя в изобилии; и мисс Норрис, вложившая столько в один жест отчаяния, что неизменные слова Кейли: «Благодарю вас, благодарю», в ее случае можно было бы считать благодарностью актрисе за доставленное развлечение.

Билл проводил их до автомобиля, попрощался (по-особому пожав руку Бетти) и присоединился к Энтони на скамье в саду.

— Странное дельце, — сказал он, садясь.

— Очень странное, Уильям.

— И ты прямо-таки вбухался в него, а?

— Прямохонько, — сказал Энтони.

— Ну, так ты тот, кто мне требуется. Сплошь слухи и тайны, а этот типус, инспектор, никак не желал придерживаться темы, когда я хотел расспросить его про это убийство или что оно такое, и задавал мне вопросы, сперва, где я с тобой познакомился, ну и про всякую такую же скучищу. Так что произошло на самом деле?

Энтони рассказал ему как мог более сжато все, что уже сообщил инспектору. Билл иногда перебивал его уместными «Господи!» и свистом.

— Послушай, ну и заварушка! Только я-то тут при чем?

— В каком смысле?

— Ну, всех спровадили, кроме меня, и этот инспектор так меня тряс, будто я все про это знаю. Почему?

Энтони улыбнулся ему.

— Ну, беспокоиться незачем, знаешь ли. Берч, естественно, хотел увидеть кого-то из вас, чтобы установить, что вы все делали весь день. А Кейли был так любезен, что подумал, раз я с тобой уже знаком, ты составишь мне компанию. И... впрочем, это все.

— Ты остановился тут, в доме? — сказал Билл, оживившись. — Молодчина. Чудеснее не бывает.

— Это примиряет тебя с отъездом... кое-кого?

Билл залился румянцем.

— Не страшно. Я ведь увижу ее на следующей неделе, — пробормотал он.

— Поздравляю! Мне понравилось, как она выглядит. И это серое платье. Приятная, утешительная женщина.

— Идиот! Это ее мать.

— А! Прошу прощения. Однако, Билл, ты сейчас нужен мне больше, чем ей на данный момент. А потому попробуй обойтись мной.

— Нет, правда? — сказал Билл, заметно польщенный. Он всегда восхищался Энтони и очень гордился, что импонирует ему.

— Да. Видишь ли, тут скоро кое-что начнется.

— Расследование и все такое прочее?

— Ну, может быть, и что-нибудь прежде... Э-эй, вот и Кейли.

Кейли шел к ним через газон, крупный, тяжелоплечий мужчина, с одним из тех сильных бритых безобразных лиц, которые невозможно назвать всего лишь некрасивыми.

— Кейли пришлось туго, — сказал Билл. — Послушай, надо мне выразить ему, как я сожалею, и все такое прочее? Звучит чертовски глупо.

— Я бы обошелся, — сказал Энтони.

Поравнявшись с ними, Кейли кивнул и на секунду остановился.

— Мы можем потесниться для вас, — сказал Билл, вставая.

— Не беспокойтесь, спасибо. Я просто пришел сказать, — сказал он, обращаясь к Энтони, — что на кухне они, понятно, выбиты из колеи, и обед будет только в половине девятого. Переодеваться, конечно, не требуется, как вам удобнее. А что насчет вашего багажа?

— Я думал, мы с Биллом прямо сейчас прогуляемся до гостиницы и займемся им.

— Автомобиль может съездить за ним, как только вернется со станции.

— Вы очень любезны, но мне в любом случае надо отправиться туда самому, запаковать и уплатить по счету. Кроме того, вечер располагает к прогулке. Если ты не против, Билл?

— Наоборот!

— Ну, если вы решите оставить чемодан там, я пошлю за ним автомобиль попозже.

— Большое спасибо.

Сказав то, что он хотел сказать, Кейли продолжал неловко стоять перед ними, будто не зная, уйти или остаться. Энтони прикидывал, хочет ли он поговорить о произошедшем днем, или как раз этой темы он предпочтет избежать. Чтобы нарушить молчание, он беззаботно спросил, уехал ли инспектор.

Кейли кивнул, затем сказал отрывисто:

— Он занимается ордером на арест Марка.

Билл сочувственно хмыкнул, а Энтони сказал, пожимая плечами:

— Ну, это же его обязанность, верно? Отсюда не следует, что... ну, это ничего не означает. Они, естественно, хотят отыскать вашего кузена, невиновен он или виновен.

— А как вы считаете, мистер Джиллингем? — спросил Кейли, пристально глядя на него.

— Марк? Чистый абсурд! — категорично заявил Билл.

— Билл, как видите, лоялен, мистер Кейли.

— А вы не обязаны лояльностью никому из замешанных тут?

— Вот именно. Так что я, возможно, могу быть излишне откровенным.

Билл расположился на траве, и Кейли занял его место на скамье, плотно уткнув локти в колени и глядя в землю.

— Я хочу, чтобы вы были совершенно откровенны, — сказал он наконец. — Естественно, я пристрастен, когда речь идет о Марке. А потому я хочу знать, как оцениваете мое предположение вы, человек беспристрастный.

— Ваше предположение?

— Моя теория, что Марк, если и убил своего брата, то непреднамеренно и случайно. Как я и сказал инспектору.

Билл с интересом задрал голову.

— То есть Роберт прицелился, — сказал он, — началась борьба, револьвер выстрелил, а Марк потерял голову и смылся? Что-то в таком роде?

— Совершенно верно.

— Ну, это выглядит нормально. — Он повернулся к Энтони. — Полный порядок, так ведь? Самое естественное объяснение для всех, кто знает Марка.

Энтони попыттел трубкой.

— Полагаю, что так, — сказал он медленно. — Но есть один момент, который меня смущает. И сильно.

— Какой? — одновременно спросили Билл и Кейли.

— Ключ.

— Ключ? — переспросил Билл.

Кейли поднял голову и посмотрел на Энтони.

— Так что — ключ? — сказал он.

— Ну, возможно, это ничего не значит. Маленькое недоумение. Предположим, Роберт был убит так, как вы говорите, и, предположим, Марк теряет голову и думает только о том, чтобы сбежать, прежде чем кто-нибудь его увидит. Ну, вполне вероятно, что он запирает дверь, а ключ кладет в карман. Делает он это машинально, просто чтобы выиграть время.

— Да, это то, что предположил я.

— Звучит вполне здраво, — сказал Билл. — Именно то, что делаешь, не думая. К тому же, если ты действительно собрался сбежать, это дает тебе больше шансов.

— Да, конечно, если ключ тут. А если его нет?

Предположение, высказанное словно уже доказанный факт, озадачило их обоих. Они недоуменно уставились на него.

— О чем вы? — сказал Кейли.

— Ну, вопрос просто в том, где люди привыкли держать свои ключи. Поднимаетесь к себе в спальню и предпочитаете запереть за собой дверь, чтобы никто случайно не забрел, когда на вас будет один носок и пара подтяжек. Ну, это вполне естественно. И если вы заглянете в спальни почти любого дома, то убедитесь, что все ключи наготове, чтобы запереться при первой надобности. А вот внизу люди не запираются. Это вообще не принято. Билл, например, никогда не запирался в столовой, чтобы побыть наедине с хересом. С другой стороны, все женщины, а особенно прислуга, пребывают в вечном страхе перед грабителями. И если грабитель залезет в окно, они предпочитают ограничить его деятельность только той комнатой. А потому держат ключи в замочных скважинах внешней стороны дверей и запирают эти двери, когда ложатся спать. — Он выбил пепел из трубки и добавил: — По крайней мере моя мать поступала именно так.

— То есть, — возбужденно сказал Билл, — ключ был снаружи двери, когда Марк вошел в кабинет.

— Ну, я просто прикидывал.

— А вы осмотрели другие комнаты — бильярдную, библиотеку и прочие? — спросил Кейли.

— Ну, я подумал об этом только сейчас, пока сидел тут. Но вы живете здесь, так разве ВЫ не обращали на них внимания?

Кейли прикидывал, наклонив голову набок.

— Довольно нелепо, знаете ли, но нет. — Он повернулся к Биллу. — А вы?

— Господи, нет. Я бы никогда не стал разбираться в таком!

— Не сомневаюсь, — засмеялся Энтони. — Ну, мы можем посмотреть, когда вернемся в дом. Если другие ключи снаружи, значит, и этот мог быть снаружи, а тогда все становится

много интереснее.

Кейли ничего не сказал.

Билл пожевал травинку и сказал:

— А что это меняет?

— Еще больше затрудняет понять, что же произошло. Возьми вашу теорию несчастного случая и посмотри, что получается. Инстинктивный поворот ключа отмечается, верно? Он должен был открыть дверь, чтобы забрать ключ, и, значит, показать голову всем, кто мог оказаться в вестибюле — своему кузену, например, которого оставил там всего две минуты назад. Совершит ли человек в состоянии Марка, отчаянно боящегося, что его застигнут рядом с трупом, подобную глупость?

— Меня ему бояться было незачем, — сказал Кейли.

— Тогда почему он не позвал вас? Он же знал, что вы рядом. Вы могли бы дать ему совет, а в совете он нуждался, Бог свидетель. Но вся теория бегства Марка сводится к тому, что он боялся вас и всех остальных и что единственной его мыслью было выбраться из комнаты и воспрепятствовать вам ли, слугам ли, войти в нее. Будь ключ внутри, он, вероятно, запер бы дверь. Будь ключ снаружи, так, почти наверное, нет.

— Да, похоже, ты прав, — сказал Билл, поразмыслив. — Если только он не забрал ключ с собой и не запер дверь сразу же.

— Вот именно. Но тогда тебе придется разработать совершенно новую теорию.

— То есть, по-твоему, это указывает на предумышленность?

— Да, безусловно. Но, кроме того, превращает Марка в абсолютного идиота. Только предположите на секунду, что по каким-то настоящим причинам, о которых вы оба понятия не имеете, он хотел избавиться от брата. Обставил бы он это так? Просто убил его и сбежал? Так это же практически самоубийство — самоубийство в состоянии невменяемости. Нет. Если вы правда хотите убрать нежелательного брата, вы сделаете это чуточку поумнее. Для начала обойдетесь с ним дружески, чтобы усыпить подозрения, а когда наконец все-таки убьете его, то попытаетесь представить это, как несчастный случай, или самоубийство, или убийство, но совершенное кем-то другим. Разве нет?

— Ты хочешь сказать, что придумал бы что-нибудь эдакое?

— Да, я хочу сказать именно это. То есть, действуй вы преднамеренно, то не запирались бы, еще не начав.

Кейли все это время молчал, видимо, взвешивая эту новую идею. Теперь, все еще глядя в землю, он сказал:

— Я остаюсь при мнении, что это был несчастный случай и что Марк потерял голову и сбежал.

— Ну, а ключ? — спросил Билл.

— Мы еще не знаем, что ключи были снаружи. Я категорически не согласен с мистером Джиллингом, будто ключи нижних комнат всегда в скважинах снаружи. Иногда, возможно, но, полагаю, скорее всего мы найдем их внутри.

— Ну, разумеется, если они внутри, то ваша исходная теория, вполне вероятно, верна. Часто видя их снаружи, я просто прикинул, только и всего. Вы, знаете ли, попросили меня быть совершенно откровенным и сказать вам, что я думаю. Но, конечно, вы правы, и мы найдем их внутри.

— Даже если они снаружи, — продолжал Кейли упрямо, — я все равно считаю, что произошла случайность. Он мог взять его с собой, предполагая, что разговор будет

неприятным, и не желая, чтобы их прервали.

— Но он же только что велел вам оставаться поблизости, на случай если вы ему понадобится, так почему же он запирается от вас? К тому же, думается, что человек в предвидении неприятного разговора с враждебно настроенным родственником никак не стал бы запирается с ним. Он оставил бы все двери распахнутыми и потребовал бы: «Убирайся вон!»

Кейли молчал, но его губы были упрямо сжаты.

Энтони встал с виноватым смешком.

— Пошли, Билл, — сказал он. — Надо поторопиться. — Он протянул руку и поставил своего друга на ноги. Затем, повернувшись к Кейли, он продолжал: — Простите, если я дал излишнюю волю своим мыслям. Бесспорно, я рассматривал это дело как абсолютно посторонний человек, всего лишь как загадку, хочу я сказать, ни с какой стороны не влияющую на счастье кого-либо из моих друзей.

— Все нормально, мистер Джиллингем, — сказал Кейли, тоже встав. — Это вы должны извинить *меня*, в чем я уверен. Теперь вы направляетесь в гостиницу за вашим багажом?

— Да. — Он посмотрел на солнце, а затем на деревья вблизи дома. — Дайте подумать... Она ведь в *том* направлении, верно? — Он указал на юг. — Можем мы дойти до деревни напрямик, или обязательно идти по дороге?

— Я покажу тебе, мой мальчик, — сказал Билл.

— Билл вам покажет. Парк тянется почти до самой деревни. Автомобиль я пошлю примерно через полчаса.

— Большое спасибо.

Кейли кивнул и направился к дому, Энтони взял Билла за локоть и пошел с ним в противоположном направлении.

Глава VII

ПОРТРЕТ ДЖЕНТЛЬМЕНА

Несколько минут они шли молча, пока не оставили дом и сад далеко позади. Перед ними и вправо парк круто спускался, чтобы затем медленно подняться, отгораживая остальной мир. Пояс деревьев слева отделял их от дороги.

— Ты тут бывал прежде? — внезапно сказал Энтони.

— Конечно, десятки раз.

— Я имел в виду, именно тут, где мы сейчас. Или ты не выходишь из дома и все время гоняешь шары на бильярде?

— Господи, нет!

— Ну, так теннис и прочее? Столько владельцев прекрасных парков никогда ими не пользуются, а все бедняги, тащась по пыльной дороге, думают, как счастливы владельцы, что имеют их, и воображают всякие развлечения среди дерев. — Он указал вправо: — А там бывал?

Билл засмеялся, немного пристыженно.

— Ну, не слишком много. Конечно, я часто проходил тут, ведь это самый короткий путь до деревни.

— Да... Ну ладно, а теперь расскажи мне что-нибудь про Марка.

— Что, собственно?

— Ну, позабудь, что ты пользовался его гостеприимством, что ты безупречный джентльмен и все такое прочее. Побоку Манеры Мужчин и скажи мне, что ты думаешь о Марке, и как тебе нравилось гостить у него, и сколько стычек набралось в вашем маленьком обществе за эту неделю, и как ты ладишь с Кейли, ну, и вообще.

Билл, оживившись, посмотрел на него.

— Послушай, ты что, заделался полновесным сыщиком?

— Ну, мне же требовалась новая профессия, — улыбнулся Энтони.

— Замечательно! То есть, — поправился он виновато, — не следует говорить так, когда в доме покойник, а хозяин дома... — Он неуверенно умолк, а затем закруглил фразу: — Черт дери, ну и заварушка! Господи помилуй.

— Ну, — сказал Энтони, — давай. Марк?

— Что я о нем думаю?

— Да.

Билл помолчал, прикидывая, как вложить в слова мысли, которые не обрели четкой формы и для него самого. Что, собственно, он думал о Марке?

Заметив его колебания, Энтони сказал:

— Мне следовало бы предупредить тебя, что ничего из сказанного тобой не будет записано репортерами, и тебе не надо тревожиться из-за пары-другой ляпов. Говори о том, что тебе нравится и как тебе нравится. Даю тебе завтрак. Что ты предпочтешь — уик-энды здесь или у Баррингтона, например?

— Ну, это же будет зависеть...

— Исходи из того, что она будет и там, и там.

— Осел! — сказал Билл, всаживая локоть в ребра Энтони. — Так просто не скажешь, — продолжал он. — Конечно, тут тебя принимают до жути преотлично.

— Да?

— Да. Даже не знаю другого дома, где все было бы превосходнее. Комната, жратва, выпивка, сигары, то, как все устроено. И прочее такое. Обходятся с тобой до жути преотлично.

— Да?

— Да. — Он повторил это «да» медленно самому себе, будто оно натолкнуло его на новую мысль. — Обходятся с тобой до жути преотлично. Ну, это как раз про Марка. Такая его манера, слабости. Отличное обхождение.

— Устройство для тебя того, сего, этого?

— Да. Конечно, это расчудесный дом, и есть много чем заняться. Всякие игры, в том числе спортивные, каких только ни напридумывали, и, как я говорю, обходятся с тобой до жути преотлично. Но при всем при том, Тони, немножко чувствуешь, что... ну, так сказать, будто ты участвуешь в параде, и тобой командуют. Будто ты должен исполнять, что тебе говорят.

— То есть как?

— Ну, Марк воображает себя организатором и организует то, се, и подразумевается, что гости будут подлаживаться. Например, Бетти — мисс Колледайн и я — собирались позавчера перед чаем сыграть партию. В теннисе она просто жуть и обещала показать мне. Я ведь неустойчив, ты знаешь. Марк увидел нас с ракетками и спрашивает, что мы думаем делать. Ну, так он подготовил для нас маленький турнир после чая — уже установил все гандикапы, и все аккуратненько расписано красными и черными чернилами — призы и прочее — очень приличные, знаешь ли. Он распорядился специально подстричь траву и нанести разметку. Ну, конечно, мы с Бетти попортили бы корт и были готовы играть и после чая — я, согласно его гандикапу, должен был дать ей половину пятнадцати... но как-то так... — Билл пожал плечами.

— Это не вполне укладывалось?

— Угу. Подпортило бы эффект его турнира. Лишило бы остроты — самой чуточки, так, думаю, ему показалось. А потому мы не играли. — Он засмеялся и добавил: — Нам бы это дорого обошлось.

— То есть сюда тебя больше не пригласили бы?

— Скорее всего. Но не знаю. Во всяком случае, долгое время.

— Правда, Билл?

— Более чем! Он черт-те как обидчив. Эта мисс Норрис — ты ее видел? — так ОНА подложила себе свинью. Держу пари на что хочешь, ЕЙ приглашений сюда больше не видать.

— Почему?

Билл засмеялся своим мыслям.

— Собственно, мы все были в этом замешаны, во всяком случае Бетти и я. Считается, будто в доме водится привидение леди Анны Пэттен. Когда-нибудь слышал о ней?

— Никогда.

— Марк рассказал нам про нее как-то вечером за обедом. Ему, знаешь ли, нравилась идея, что в его доме имеется привидение. Да только он в привидения не верит. Думаю, он хотел, чтобы МЫ в нее поверили, и все же рассердился на Бетти и миссис Колледайн за то, что они в них не верят. Станный типус. Ну, а мисс Норрис — она актриса, и та еще актриса! — оделась привидением и сыграла рольку. И бедняга Марк перепугался насмерть.

Ну, на секунду, понимаешь?

— А как остальные?

— Ну, мы с Бетти знали... я даже сказал ей, мисс Норрис то есть, чтобы она не глупила. Зная Марка. Миссис Колледайн там не было. Бетти не допустила. Ну, а майор, не думаю, что его хоть что-то проймет.

— Где появилось привидение?

— На лужайке для боулинга. Считается, что оно там околачивается. Мы все отправились туда при лунном свете, притворяясь, будто ждем его. Ты эту лужайку видел?

— Нет.

— После обеда я тебе ее покажу.

— Да уж, пожалуйста... Марк потом был очень зол?

— О Господи, да. Дулся целый день. Ну, да он такой.

— Злился он на вас всех?

— Да-да, дулся, ты понимаешь.

— Сегодня утром?

— Да нет. Он отошел, обычно так и бывает. Совсем как ребенок. Вот-вот, Тони, он в некоторых отношениях — как ребенок. Собственно говоря, сегодня утром он был на редкость доволен собой. И вчера тоже.

— Вчера?

— И очень. Мы все сказали, что еще никогда не видели его в такой форме.

— А обычно он в форме?

— Если к нему правильно подходить, с ним приятно общаться. Он порядком тщеславен и во многом ребенок, я же тебе говорил, и важничает, но по-своему симпатичный типус, и... — Билл внезапно перебил сам себя. — Знаешь ли, это уже чересчур — вот так песочить своего хозяина.

— А ты не думай о нем как о своем хозяине. Думай о нем как о подозреваемом в убийстве, на арест которого выдан ордер.

— О! Но это же чушь, ты знаешь.

— Это факт, Билл.

— Да, но я хочу сказать, он же этого не делал. Он бы не стал никого убивать. Странно так говорить, но... ну, ему размаха не хватает. У него есть свои недостатки, как и у всех нас, но они не такого масштаба.

— Разозлившись по-детски, можно кого угодно убить.

Билл что-то буркнул, соглашаясь. Но не в отношении Марка.

— Тем не менее, — сказал он, — я этому поверить не могу. То есть, что он сделал это преднамеренно.

— Произойди несчастный случай, как считает Кейли, он бы потерял голову и сбежал?

Билл секунду взвешивал этот вопрос.

— Да, я думаю, знаешь ли, что мог бы. Он чуть не сбежал, когда увидел привидение. Конечно, это не совсем то.

— Ну, не знаю. В обоих случаях суть в подчинении инстинкту рассудку вопреки.

Открытое пространство осталось позади, и теперь они шли по тропинке между деревьями. Идти рядом было неудобно, так что Энтони пропустил Билла вперед, и разговор пришлось отложить до той минуты, когда они выйдут за ограду на дорогу. Она полого спускалась к деревне Вудхем — несколько коттеджей с красными крышами и серая

колокольня проглядывали сквозь зелень.

— Ну, а теперь, — сказал Энтони, когда они ускорили шаг, — как насчет Кейли?

— Что значит — насчет него?

— Я хочу увидеть его. Марка я вижу прекрасно, спасибо тебе, Билл. Ты был чудесен.

Теперь возьми за характер Кейли. За Кейли изнутри.

Билл засмеялся от приятного смущения и объявил, что он не чертов писатель.

— К тому же, — добавил он, — с Марком просто. А Кейли — один из тех тяжеловесных тихих людей, которые могут думать что угодно. Марк себя выдает... Безобразный чернобородый черт, так?

— Некоторым женщинам нравится безобразность такого рода.

— Да, верно. Между нами, сдаётся мне, здесь есть одна такая. Довольно милостивая девушка в «Джелленде», — он махнул левой рукой, — вон там.

— «Джелленд»? Это что?

— Ну, думается, это была ферма типа по фамилии Джелленд, а теперь это коттедж вдовы по фамилии Норбери. Марк и Кейли имели обыкновение ходить туда вместе. Мисс Норбери, дочка, раза два играла здесь в теннис и вроде бы предпочитала Кейли нам остальным. Но, конечно, у него на всякое такое времени было маловато.

— Какое такое?

— Прогуливаться с хорошенькой девушкой и спрашивать ее, давно ли она была в театре.

Он почти все время был чем-нибудь занят.

— Марк заваливал его делами?

— Да. Марк вроде был полностью счастлив, только если поручал Кейли что-то для него делать. Без него он был каким-то потерянным и совсем беспомощным. И, как ни странно, Кейли выглядел потерянным без Марка.

— Он был к нему привязан?

— Да, именно. И очень заботливым. Он, конечно, видел Марка насквозь — его тщеславие, самодовольство, дилетантизм и все прочее, но ему нравилось опекать его. И он знал, как им управлять.

— Да... А как он держался с гостями — с тобой, мисс Норрис и всеми ими?

— Вежливо, предпочитая молчать, понимаешь? Не общался. Мы мало его видели, почти только за столом. Мы были тут, чтобы развлекаться, а... ну, а *он* — нет.

— Когда явилось привидение, его там не было?

— Нет. Я слышал, как Марк его звал, когда вернулся в дом. Думается, Кейли попригладил его перышки и сказал ему, что девушки — это девушки... Эгей, вот мы и пришли.

Они вошли в гостиницу, и пока Билл любезничал с хозяйкой, Энтони поднялся в свой номер. Оказалось, что упаковывать ему почти нечего. Уложил свои щетки в сумочку, огляделся, проверяя, что ничего, кроме них, не вынимал, и спустился уплатить по счету. Он решил сохранить номер за собой на пару дней. Отчасти, чтобы не огорчать хозяина и его жену внезапной потерей постояльца, отчасти же на случай, если он позже сочтет нежелательным оставаться в Красном Доме. Ведь он относился к себе как к сыщику с полной серьезностью. Собственно, он относился к себе с полной серьезностью (извлекая из нее все развлечения, какие возможно) в любой новой профессии, какой овладевал; и он чувствовал, что может настать момент — после расследования, например, — когда порядочность не позволит ему оставаться в Красном Доме в качестве гостя, друга Билла,

принимая гостеприимство Марка или Кейли, кем бы из них ни оказался гостеприимный хозяин, не отказавшись от своего независимого отношения к происшествиям этого дня. Пока он оставался там по необходимости, всего лишь как свидетель. И раз уж он был там, Кейли не мог поставить ему в упрек, что он пользуется своими глазами. Однако, если после расследования выяснится, что для пары независимых и очень проницательных глаз все еще имеется работа, тогда вести свое расследование он должен будет либо с одобрения своего гостеприимного хозяина, либо из-под крова какого-нибудь другого гостеприимного хозяина, скажем, владельца «Георга», у которого нет личной заинтересованности.

В одном Энтони был уверен. Кейли знал больше, чем делал вид. Иными словами, он знал больше, чем хотел, чтобы другие люди знали, что он знает. Энтони принадлежал к «другим людям». Поэтому если он собирался узнать, что именно знал Кейли, то никак не мог ждать, что Кейли одобрит его попытки. То есть после расследования Энтони предстоял «Георг».

В чем была правда? Вовсе не обязательно дискредитирующая Кейли, пусть он и скрывал что-то. На данный момент в осуждение его можно сказать лишь, что он, чтобы попасть в запертый кабинет, выбрал самый длинный путь вокруг дома — и что это не согласовывалось с тем, что он сказал инспектору. Но это согласовывалось с теорией, что он стал пособником после случившегося и что он хотел (притворяясь, будто торопится) дать своему кузену как можно больше времени, чтобы скрыться. Это могло и не быть верной разгадкой, однако хотя бы оставалось рабочей гипотезой. В отличие от теории, которую он подсказал инспектору.

Однако до расследования оставалась еще пара дней, в течение которых Энтони мог муссировать все эти вопросы в стенах Красного Дома. Автомобиль ждал у дверей. Он сел туда с Биллом, хозяин поставил его чемодан на переднее сиденье рядом с шофером, и они поехали обратно.

Глава VIII

«ВЫ СЛЕДУЕТЕ ЗА МНОЙ, ВАТСОН?»

Спальня Энтони выходила на парк позади дома. Когда он переодевался к обеду, шторы еще не были опущены, и на разных этапах разоблачения он делал паузу и выглядывал в окно, иногда улыбаясь про себя, иногда хмурясь, когда перебирал в уме все странности, которые наблюдал в этот день. Он сидел на кровати в рубашке и брюках, машинально приглаживая щетками свои густые черные волосы, когда Билл завопил «эгей!» за дверь и вошел.

— Послушай, старик, пошевеливайся, я хочу есть! — сказал он.

Энтони перестал приглаживаться и задумчиво посмотрел на него.

— Где Марк? — сказал он.

— Марк? Ты имеешь в виду Кейли?

Энтони поправился с легким смешком.

— Да, я имею в виду Кейли. Он внизу? Одну минутку, Билл. — Он вскочил с кровати и энергично продолжил одевание.

— Между прочим, — сказал Билл, занимая его место на кровати, — твоя идея насчет ключей яйца выеденного не стоит.

— Да? И почему же?

— Я только что спустился и поглядел. Мы были ослами, не вспомнив об этом, когда вернулись. Библиотечный ключ снаружи, но все остальные внутри.

— Да, я знаю.

— Дьявол! Значит, ты об этом вспомнил?

— Да, Билл, — сказал Энтони виновато.

— Тьфу! Я-то надеялся, что ты позабыл. Ну, твоя теория получила по лбу, верно?

— Никакой теории у меня не было. Я только сказал, что, если они были снаружи, это, *вероятно*, означает, что ключ кабинета был снаружи, и тогда по лбу получает теория Кейли.

— Ну, это не так, и мы ничего не знаем. Некоторые были снаружи, а некоторые внутри, кушайте на здоровье. И все выглядит совсем не так захватывающе. Когда ты говорил на лужайке, меня просто взбудоражила идея, что ключ был снаружи и Марк захватил его с собой.

— Еще будет из-за чего взбудораживаться, — мягко сказал Энтони, укладывая трубку и табак в карман своего черного пиджака. — Ну, идем вниз. Я теперь готов.

Кейли ждал их в вестибюле. Он вежливо осведомился, всем ли гости довольны, и между ними тремя завязался разговор о домах вообще и о Красном Доме в частности.

— Вы были совершенно правы относительно ключей, — сказал Билл, когда возникла пауза. Возможно, потому что он был моложе, он оказался менее способен избегать темы, занимавшей мысли их всех.

— Ключей? — повторил Кейли с недоумением.

— Мы прикидывали, были они снаружи или внутри.

— А! Да. — Он медленно оглядел вестибюль от двери к двери и дружески улыбнулся Энтони. — Мы оба, кажется, были правы, мистер Джиллингем. Так что мы несколько не продвинулись.

— Нет. — Энтони пожал плечами. — Я просто прикидывал, знаете ли. И подумал, что про это следует упомянуть.

— Да, конечно. Не то, чтобы вы меня убедили, знаете ли. Одни только утверждения Элси меня не убеждают.

— Элси? — возбужденно сказал Билл.

Энтони вопросительно посмотрел на него. Что еще за Элси?

— Одна из горничных, — объяснил Кейли. — Вы не слышали, что она сказала инспектору? Разумеется, я напомнил Берчу, что девушки ее класса всегда привирают, но он как будто ей поверил.

— Чему? — сказал Билл.

Кейли рассказал им про то, что слышала Элси сквозь дверь кабинета в тот день.

— А вы тогда, конечно, были в библиотеке, — сказал Энтони больше себе, чем ему. — Вы могли и не услышать, как она шла по вестибюлю.

— Так я не сомневаюсь, что она была там и слышала голоса. Может быть, и те самые слова. Но... — Он смолк, а затем добавил раздраженно: — Это была случайность. Я знаю, что это была случайность. Какой смысл говорить так, будто Марк убийца? — В этот момент доложили, что обед подан, и, когда они направились в столовую, он добавил: — Какой смысл вообще говорить об этом, если на то пошло?

— Действительно, какой? — сказал Энтони, и к величайшему разочарованию Билла за едой они говорили о книгах и политике.

Как только были закурены сигары, Кейли извинился, что должен их покинуть. Его ждут дела, что было только естественно. Билл позаботится о своем друге. Билл был только рад. Он предложил разгромить Энтони в бильярдной, обыграть его в пикет, показать ему сад при лунном свете или вообще заняться с ним тем, что он предпочтет.

— Благодарение Богу, ты тут, — сказал он благочестиво. — В одиночку я бы не выдержал.

— Пойдем прогуляемся, — предложил Энтони. — Вечер теплый. Куда-нибудь, где мы могли бы посидеть подальше от дома. Я хочу поговорить с тобой.

— Молодчага! Как насчет лужайки для боулинга?

— Ты же собирался показать мне ее в любом случае, верно? И там можно поговорить без того, чтобы нас подслушали?

— Более чем. Идеальное место. Вот увидишь.

Они вышли из парадной двери и пошли по подъездной аллее налево. Днем, возвращаясь из Вудхема, они подъехали к дому с другой стороны. Их путь теперь вывел бы их к противоположному концу парка и на шоссе в Стэнтон, городок в трех милях оттуда. Они прошли через калитку и мимо сторожки садовника, знаменовавшей предел того, что аукционисты любят называть «декоративным ландшафтом поместья», и оказались у открытого парка.

— Ты уверен, что мы не прошли мимо? — сказал Энтони. Парк тихо дремал в лунном свете по обе стороны подъездной аллеи, создавая обманчивую иллюзию лужайки чуть впереди них, однако отодвигавшуюся по мере их приближения.

— Глупость такая, верно? — сказал Билл. — Дурацкое место под лужайку для боулинга, но, думается, она всегда была здесь.

— Да, но всегда — где? Для гольфа коротковато, пожалуй, но... Эгей!

Они пришли куда шли. Дорога изогнулась вправо, но они продолжали идти прямо по широкой травянистой тропе еще двадцать ярдов и оказались перед искомой лужайкой. Ее окружала сухая канава шириной в десять футов и глубиной в шесть, кроме того места, где

продолжалась тропа. Две-три заросшие травой ступеньки позволяли спуститься на лужайку к длинной деревянной скамье, вкопанной для удобства зрителей.

— Да, прячется она очень искусно, — сказал Энтони. — А где вы храните шары?

— В подобии беседки. Вон там.

По краю лужайки они дошли до нее — низкой деревянной сараюшки, вкопанной в стену канавы.

— Хм, такой прекрасный обзор!

Билл засмеялся.

— Там же никто не сидит. Предохраняет инвентарь от дождя, и все.

Они кончили обходить лужайку.

— На случай, нет ли кого-нибудь в канаве, — сказал Энтони и сел на скамью.

— Ну, так, — сказал Билл, — мы тут одни. Давай выкладывай!

Энтони задумчиво покурил. Затем вынул трубку изо рта и повернулся к своему другу.

— Ты готов быть Ватсоном сполна? — спросил он.

— Ватсоном?

— Вы-следуете-за-мною-Ватсон. Этим самым. Ты готов к объяснениям самых очевидных вещей? Задавать идиотские вопросы, чтобы дать мне шанс взять над тобой верх? Совершать собственные блистательные открытия через два-три дня после того, как их сделаю я. И все такое прочее. Потому что все это очень помогает.

— Мой дорогой Тони, — сказал Билл с восхищением, — можешь не спрашивать. — Энтони ничего не сказал, и Билл радостно продолжал уже сам с собой. — По пятнам клубники на вашей манишке я замечаю, что на десерт у вас была клубника. Холмс, вы меня изумляете. Ну-ну, вы знаете мои методы. Где табак? Табак в персидской туфле. Могу ли я на неделю оставить мою практику? Да, могу.

Энтони улыбнулся и продолжал курить. С надеждой прождав пару минут, Билл сказал твердым голосом:

— Ну-тес, Холмс, я чувствую себя обязанным спросить вас, дедуцировали вы что-либо? А также, кого вы подозреваете?

Энтони заговорил.

— Ты помнишь, — сказал он, — одну из маленьких побед Холмса над Ватсоном из-за числа ступенек, ведущих в их квартиру на Бейкер-стрит? Бедный старина Ватсон поднимался и спускался по ним тысячи раз, но не подумал пересчитать их, тогда как Холмс, само собой разумеется, пересчитал и знал, что их семнадцать. Это иллюстрировало различие между наблюдательностью и ненаблюдательностью. Ватсон был сокрушен в очередной раз, и Холмс представился ему еще изумительнее прежнего. Ну, мне всегда казалось, что Холмс тут осел, а Ватсон — поразительный субъект. Ну какой смысл хранить в голове бесполезный факт вроде этого? Если тебе вдруг зачем-то понадобится узнать число ступенек в твою квартиру, так звякни квартирной хозяйке и спроси ее. Я поднимался и спускался по лестнице клуба тысячи раз. А спроси ты меня сейчас, сколько их там, я бы не сумел ответить, а ты?

— Уж конечно, нет, — сказал Билл.

— Но если бы ты правда хотел узнать, — сказал Энтони небрежно, внезапно изменяя тон, — я бы мог узнать это для тебя, даже не потрудившись позвонить швейцару.

Билл не понимал, почему они говорят про лестницу клуба, но почувствовал себя обязанным сказать, что он жаждет узнать, сколько их там.

— Хорошо, — сказал Энтони, — я узнаю.

Он закрыл глаза.

— Я иду по Сент-Джеймс-стрит, — медленно сказал он. — Теперь я подхожу к клубу и прохожу мимо окон курительной... раз... два... три... четыре. Теперь я на ступеньках. Я поворачиваюсь и начинаю подниматься по ним. Одна... две... три... четыре... пять... затем широкая ступенька — шестая... шесть... семь... восемь... девять, еще одна широкая ступенька, девять... десять... одиннадцать. Одиннадцать — и я внутри. Доброе утро, Роджерс. Погода все еще прекрасная. — Слегка вздрогнув, он открыл глаза и возвратился в теперешнее свое местопребывание. Он повернулся к Биллу с улыбкой. — Одиннадцать, — сказал он. — Пересчитай сам, когда будешь там в следующий раз. Одиннадцать, а теперь, надеюсь, я сумею про них забыть.

Билл явно заинтересовался.

— Ловко, — сказал он. — Объясняй.

— Ну, объяснить я не могу. То ли это в реальном глазу, то ли что-то в мозгу, или еще что-нибудь, но я обзавелся особой привычкой фиксировать то, се и это в подсознании. Ну, ты знаешь игру, когда три минуты смотришь на поднос со всякими мелкими предметами, а потом поворачиваешься спиной и стараешься составить список. От обыкновенного человека это требует чертовской сосредоточенности, если он хочет, чтобы его список был полным, но каким-то непонятным образом я ухитряюсь достичь этого, вовсе не сосредотачиваясь. То есть словно бы мои глаза проделывают это без какого-либо сознательного участия мозга. Я могу, скажем, смотреть на поднос, болтая с тобой, например, о гольфе, и все равно составлю список правильно.

— По-моему, довольно-таки полезный талант для сыщика-любителя. Тебе следовало бы освоить эту профессию раньше.

— Ну, довольно полезный, не стану отрицать. И удивительный для незнакомых людей. Давай удивим им Кейли, а?

— Каким образом?

— Ну, давай спросим его... — Энтони умолк и посмотрел на Билла с комичным выражением. — Давай спросим его, что он намерен сделать с ключом от кабинета.

На мгновение Билл не понял.

— Ключ от кабинета? — сказал он неопределенно. — Ты же не хочешь сказать... Тони! Что ты хочешь сказать? Боже великий! Ты хочешь сказать, что Кейли... Но как же Марк?

— Я не знаю, где сейчас Марк. Еще одно, что я хотел бы узнать, но я абсолютно уверен, что ключа от кабинета он с собой не захватывал. Потому что ключ у Кейли.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

Билл потрясенно посмотрел на него.

— Послушай, — сказал он почти умоляюще, — не говори мне, будто ты способен видеть нутро чужих карманов и тому подобное. Сверх всего.

Энтони засмеялся, начисто это отрицая.

— Так откуда ты знаешь?

— Билл, ты идеальный Ватсон. На редкость естественный. Собственно говоря, я не должен этого объяснять до последней главы, но я всегда считал это нечестным. Так вот. Конечно, на самом деле я не знаю, что ключ у него, зато я, безусловно, знаю, что он у него был. Я знаю, что, когда я наткнулся на него в тот день, он как раз запер дверь, а ключ

положил в карман.

— То есть ты видел его в ту минуту, но только сейчас вспомнил про это, реконструировал тем способом, который только что растолковал?

— Нет. Его я не видел. Однако кое-что я увидел. Ключ от бильярдной.

— Где?

— В двери бильярдной. Снаружи.

— Снаружи? Но он же был внутри. Мы сами сейчас видели.

— Вот именно.

— Так кто же его туда вставил?

— Кейли. Кто же еще?

— Но...

— Давай вернемся к тому, что происходило сегодня днем. Не помню, чтобы я обратил внимание на ключ в двери бильярдной. Полагаю, я заметил его машинально. Вероятно, увидев, как Кейли барабанит в дверь, я, надо думать, мимоходом прикинул, а не подойдет ли к ней ключ от соседней комнаты. Ну, какая-то мимолетная мысль. И пока я сидел на скамье до того, как подошел ты, я обозревал в уме тот момент и внезапно увидел ключ, торчащий в двери бильярдной *снаружи*. И задумался, а не был ли снаружи и ключ в двери кабинета? Когда подошел Кейли, я поделился с вами моей прикидкой, и вы оба заинтересовались. Только Кейли заинтересовался чуточку излишне. Ты, полагаю, этого не заметил, но сомнений тут нет.

— Черт подери!

— Конечно, это ничего не доказывало. И, в сущности, ключи ничего не доказывали, поскольку с какой бы стороны двери ни находились другие ключи, Марк ведь мог иногда запирается изнутри в своей комнате. Но я всячески преувеличил, притворился, будто это имеет колоссальную важность и абсолютно меняет дело. И, как следует встревожив Кейли, я сообщил ему, что ближайшие час-два нас в доме не будет и он останется там один, чтобы сделать то, что сочтет нужным по этому поводу. И, как я и ожидал, устоять он не сумел. Он переместил ключи и выдал себя с головой.

— Но ключ библиотеки все еще снаружи. Почему он его оставил?

— Потому, что он умный дьявол. Во-первых, инспектор уже побывал в библиотеке и мог ключ заметить. А во-вторых... — Энтони заколебался.

— Так что? — сказал Билл, не дождавшись, чтобы он продолжил.

— Это только догадка. Но, думаю, Кейли страшно разволновался из-за вопроса о ключах. Внезапно осознал, что был небрежен, а времени обмозговывать у него не было. И потому предпочел уклониться от прямого ответа, был ключ снаружи или внутри. Решил оставить его неясным. Так было безопаснее всего.

— Понимаю, — сказал Билл медленно.

Но думал он о другом. Внезапно он задумался о Кейли. Кейли был самым обычным человеком — как и он сам. Билл иногда перешучивался с ним, но не то чтобы Кейли был так уж склонен шутить. Билл помогал ему с колбасками, играл с ним в теннис, занимал у него табак, одолжил ему ключку... а теперь Энтони говорит, что он... Кто? Ну, во всяком случае, не самый обычный человек. Человек с тайной. Может быть... убийца. Нет, не убийца, только не Кейли. Это, во всяком случае, полная чушь. Да они же играли вместе в теннис!

— Ну, Ватсон, — внезапно сказал Энтони, — пора вам высказаться.

— Послушай, Тони, ты, действительно, так полагаешь?

— Что полагаю?

— Про Кейли.

— Я полагаю только то, что сказал, Билл. Ничего сверх.

— Ну, так к чему это сводится?

— Просто, что Роберт Эблетт умер в кабинете в тот день, и Кейли совершенно точно знает, как он умер. И все. Из этого не следует, что Кейли его убил.

— Нет. Конечно, нет. — Билл испустил вздох облегчения. — Он просто прикрывает Марка, а?

— Не знаю.

— Но ведь это простейшее объяснение, разве нет?

— Простейшее, если ты друг Кейли и хочешь, чтобы он легко отделался. Но я-то нет, ты знаешь.

— Но чем простое плохо?

— Ну, так дай его, и затем я берусь дать тебе еще более простое. Валяй. Только помни: вначале ключ снаружи двери.

— Да. Ну, я не против. Марк идет увидеть брата, и они ссорятся, и так далее, точно в соответствии со словами Кейли. Кейли слышит выстрел и, чтобы дать Марку время скрыться, запирает дверь, ключ кладет себе в карман, притворяется, будто Марк запер дверь изнутри и что он не может войти. Ну, что скажешь?

— Безнадёжно, Ватсон. Безнадёжно.

— Почему?

— Откуда Кейли знает, что это Марк застрелил Роберта, а не наоборот?

— О! — сказал Билл, заметно ошарашенный. — Да. — Он призадумался. — Хорошо. Скажем, Кейли сперва вошел в кабинет и увидел Роберта на полу.

— Ну?

— Ну, вот.

— И что он говорит Марку? Что погода прекрасная и не одолжить ли ему носовой платок? Или спрашивает его, что произошло?

— Ну, естественно, я полагаю, он спрашивает его, что произошло, — неохотно признал Билл.

— И что говорит Марк?

— Объясняет, что револьвер случайно выстрелил во время схватки.

— После чего Кейли прикрывает его... как именно, Билл? Подбодряя его на, черт подери, на глупейший поступок, какой только может совершить человек — сбежать и тем признаться?

— Нет, это же безнадёжно, так? — Билл снова призадумался. — Ну, — сказал он неохотно, — предположим, Марк признался, что убил брата.

— Уже лучше, Билл. Не бойся отказаться от идеи несчастного случая. Значит, твоя новая теория такова: Марк признается Кейли, что намеренно застрелил Роберта, и Кейли решает, рискуя стать клятвопреступником, помочь Марку спастись. Верно?

Билл кивнул.

— Ну, тогда я задам тебе два вопроса. Во-первых, возможно ли, как я сказал перед обедом, что какой бы то ни было человек совершит столь идиотическое убийство — убийство, так туго затягивающее веревку на его шею? Во-вторых, если уж Кейли готов ради Марка пойти на клятвопреступление — а теперь ему уже деваться некуда, — не проще ли

сказать, что он был в кабинете все время и что смерть Роберта была случайной?

Билл тщательно это взвесил, а затем снова кивнул.

— Да, мое простое объяснение не лезет ни в какие ворота, — сказал он. — Теперь выкладывай свое.

Энтони ему не ответил, задумавшись над чем-то совсем другим.

Глава IX

ВОЗМОЖНОСТИ ПАРТИИ В КРОКЕТ

— В чем дело? — властно спросил Билл.

Энтони посмотрел на него, подняв брови.

— Тебе вдруг что-то пришло в голову, — сказал Билл. — Так что?

Энтони засмеялся.

— Мой дорогой Ватсон, — сказал он, — вам не положено быть таким проникательным.

— Ну, *меня* тебе не провести.

— Нет... я просто задумался об этом твоём привидении, Билл. Сдается мне...

— А! Ты об *этом*! — Билл был глубоко разочарован. — Ну при чем тут привидение?

— Не знаю, — сказал Энтони виновато. — Я не знаю, что тут может быть при чем. Я просто задумался. Тебе не следовало приводить меня сюда, если ты не хотел, чтобы я думал о привидении. Она ведь тут явилась, верно?

— Да. — Билл был подчеркнуто лаконичен.

— Как?

— Что?

— Я сказал «как»?

— Как? А *как* являются привидения? Я не знаю. Являются, и все гут.

— В месте с которого все хорошо просматривается вокруг на четыреста или пятьсот ярдов?

— Но ведь она должна была явиться здесь, потому что считается, что исходная — ну, леди Анна, ты понимаешь — являлась здесь.

— Да при чем тут леди Анна? Подлинное привидение может делать что угодно. Но каким образом мисс Норрис внезапно появилась в чистом поле?

Билл уставился на Энтони, разинув рот.

— Я... я не знаю, — пробормотал он. — Мы об этом не подумали.

— Вы ведь увидели бы ее еще задолго, если бы она шла тем же путем, что и мы с тобой.

— Конечно.

— И это сильно подпортило бы эффект. У вас было бы время узнать ее по походке.

Билл успел заинтересоваться.

— Довольно странно, знаешь ли, Тони. Мы об этом не подумали. Никто из нас.

— Ты уверен, что она не прошла через парк, пока никто из вас в ту сторону не смотрел?

— Абсолютно. Ведь, видишь ли, Бетти и я ожидали ее, и мы поглядывали вокруг на случай, если увидим ее, так-как мы все играли спиной к ней.

— Ты и мисс Колледайн играли вместе?

— Послушай, откуда ты знаешь?

— Блестящая дедуктивная логика. Ну, так вы внезапно увидели ее?

— Да, она шла вот по этому краю лужайки. — Он указал на противоположную сторону, ближайшую к дому.

— А она не могла прятаться в канаве? Или вы называете это рвом?

— Марк называет. А мы между собой — нет. Никак не могла. Мы с Бетти пришли сюда раньше остальных и прошли туда-сюда. Мы бы ее увидели.

— Значит, она должна была прятаться в сараюшке. Или вы называете ее беседкой?

— Естественно, мы должны были сходить туда за шарами. Нет, она там не пряталась.

— А!

— Чертовски странно, — сказал Билл после паузы на размышления. — Но ведь это же не важно. Не имеет никакого отношения к Роберту.

— Не имеет?

— Так что? *Имеет?* — сказал Билл, вновь загораясь.

— Не знаю. Мы не знаем, что *имеет* отношение, а что — нет. Но это имеет отношение к мисс Норрис, а мисс Норрис... — Он внезапно умолк.

— Так что она?

— Ну, вы все были замешаны в этом так или иначе. И если что-то необъяснимое произошло с кем-то из вас за день-другой до того, как что-то необъяснимое происходит со всем домом, невольно... заинтересовываешься. — Причина не такая уж плохая, но не та, которую он было собирался назвать.

— Понимаю. Ну и?

Энтони выбил пепел из трубки и неторопливо встал.

— Так давай поищем путь из дома, каким воспользовалась мисс Норрис.

Билл радостно вскочил.

— Черт подери, ты хочешь сказать, что есть потайной ход?

— Во всяком случае, хорошо укрытый ход. Он должен быть.

— Расчудесно! Я люблю потайные ходы. Господи! А сегодня я играл в гольф, как самый заурядный негоциант! Что за жизнь! Потайные ходы!

Они спустились в канаву. Если тут начинался проход к дому, то начинаться ему следовало со стороны лужайки, обращенной к дому, и на внешней стороне канавы. Поиски явно нужно было начать с сараюшки, где хранились шары. В глаза сразу бросалась прибранность, как и везде в поместье Марка. Два ящика с принадлежностями для крокета. Крышка одного была откинута, словно шары, молотки, воротца (впрочем, уложенные упорядоченно) были в употреблении совсем недавно; ящик с шарами для боулинга, маленькая газонокосилка, каток и так далее. Скамья вдоль задней стены предназначалась для игроков на случай дождя.

Энтони простучал пол и стену задней стороны.

— Начало прохода может быть только здесь. Судя по звуку, пустоты там нет, верно?

— Ему вовсе не обязательно начинаться здесь, так ведь? — сказал Билл. Пригнув голову, он расхаживал, простукивая остальные стороны. Его рост не позволял ему стоять в сараюшке, выпрямившись.

— Есть только одна причина, почему вход должен бы находиться здесь, поскольку это избавило бы нас от необходимости искать его где-нибудь еще. Конечно же, Марк не разрешал вам играть в крокет на лужайке для боулинга? — Он кивнул на открытый ящик.

— Да, одно время не одобрял, но в этом году скорее поощрял. Собственно, другого места и нет. Сам я эту игру терпеть не могу. Боулингом он тоже особенно не увлекался, знаешь ли, но название «лужайка для боулинга» ему нравилось, и он обожал удивлять ею гостей.

Энтони засмеялся.

— Люблю тебя на тему Марка. Ты бесподобен.

Он начал нашаривать в карманах трубку и табак, затем внезапно перестал и застыл в напряжении. Он стоял, вслушиваясь, наклонив голову набок и подняв палец, указывая Биллу

тоже прислушаться.

— Что это? — прошептал Билл.

Энтони взмахнул рукой и, опустившись на колени, продолжал слушать. Затем прижал ухо к полу, вскочил, быстро отряхнулся, подошел к Биллу и зашептал ему на ухо:

— Шаги. Кто-то идет сюда. Когда я заговорю, подыграй мне.

Билл кивнул. Энтони подбадрояюще похлопал его по спине и твердым шагом отошел к ящику с шарами, громко насвистывая. Он вынул шары, уронил один с громким стуком на пол, сказал «О Господи!» и продолжал:

— Послушай, Билл, пожалуй, я все-таки не хочу играть.

— Так чего же ты говорил, будто хочешь? — буркнул Билл.

Энтони блеснул на него одобрительной улыбкой.

— Ну, когда я говорил, так я хотел, а теперь не хочу.

— Так чего ты хочешь делать?

— Поговорить.

— Ладненько, — сказал Билл, оживляясь.

— На лужайке есть скамья, я ее видел. Давай захватим эти штуkenции с собой на случай, если все-таки захотим поиграть.

— Ладненько! — снова сказал Билл. Безопасное словцо, пока он не уяснит, что от него требуется.

Пока они шли по лужайке, Энтони уронил шары и достал трубку.

— Спички у тебя найдутся? — сказал он громко.

Нагнув голову к спичке, он шепнул:

— Кто-то будет нас подслушивать. Ты примешь объяснение Кейли. — Затем продолжал обычным голосом: — Спички у тебя не того, Билл, — и чиркнул другой. Они подошли к скамье и сели.

— Какая чудесная ночь! — сказал Энтони.

— Потрясная.

— И где сейчас бедняга Марк?

— Да, непонятное дело.

— Ты согласен с Кейли, что это была случайность?

— Да. Понимаешь, я же знаю Марка.

— Хм! — Энтони достал карандаш, листок бумаги, положил его на колено и начал писать, но продолжая говорить. Он сказал, что, по его мнению, Марк застрелил брата в припадке ярости, а Кейли это знал или, во всяком случае, догадался и попытался дать своему кузену шанс скрыться. — Учти, я считаю, что он поступил правильно. Любой из нас на его месте поступил бы так же. Конечно, я больше никому про это не скажу, но есть кое-какие мелочи, убеждающие меня, что Марк действительно стрелял в брата, то есть не нечаянно.

— Убил его?

— Ну, в лучшем случае непредумышленно. Но я могу ошибаться. И вообще это меня не касается.

— Но почему ты так думаешь? Из-за ключей?

— А! Ключи никуда не ведут. А все-таки эта моя идея была блистательной, верно? И было бы пером в мою шляпу, окажись они все снаружи.

Он кончил писать и теперь передал листок Биллу. В ярком лунном свете тщательно выведенные печатные буквы читались без труда.

ПРОДОЛЖАЙ РАЗГОВАРИВАТЬ, БУДТО Я ТУТ. ЧЕРЕЗ МИНУТУ-ДВЕ ОБЕРНИ БУДТО Я СИЖУ НА ТРАВЕ ПОЗАДИ ТЕБЯ, НО ПРОДОЛЖАЙ ГОВОРИТЬ.

— Я знаю, ты со мной не согласен, — добавил Энтони, пока Билл читал, — но ты увидишь, что я прав.

Билл поднял глаза от листка и радостно закивал. Он забыл про гольф и Бетти, и все прочее, слагавшееся в его мир последнее время. Это было то, что надо. Это была жизнь!

— Ну, — начал он неторопливо, — соль в том, что я знаю Марка. Ну, а Марк...

Энтони уже соскользнул со скамьи и осторожно спускался в канаву. Он намеревался ползти по ней, пока не покажется сараюшка. Шаги, которые он услышал, казалось, звучали под сараюшкой. Вероятно, в ее полу был люк. Кто бы это ни был, услышав их голоса, он, наверное, счел, что имеет смысл послушать, о чем они говорят. Ему было достаточно только чуточку приоткрыть дверь, самому не показываясь. Если так, то Энтони установит без малейших для себя затруднений, куда приводит подземный ход. Но когда Билл повернет голову и начнет говорить через спинку скамьи, подслушивающий будет вынужден высунуть голову наружу, чтобы разбирать слова, и тогда Энтони сможет выяснить, кто он. А если он рискнет покинуть свое убежище и поглядеть на них через верх канавы, тот факт, что Билл говорит через спинку скамьи, одурачит его, внушив мысль, будто Энтони все еще там — без сомнения, сидит в траве за спинкой скамьи, болтая ногами с края канавы.

Он быстро, но совершенно бесшумно, прошел половину длины лужайки до первого угла, осторожно обогнул его, а затем, с еще большей осмотрительностью, миновал ее ширину до второго угла. Он слышал, как Билл, полагаясь на свое знакомство с характером Марка, доказывает, что это, то и другое не могло не произойти, и одобрительно улыбнулся. Билл был отличнейшим заговорщиком и стоил сотни Ватсонов. Приближаясь ко второму углу, он замедлил шаг, а последние несколько ярдов проделал на четвереньках. Затем растянулся во всю длину, и дюйм за дюймом его голова высунулась из-за угла.

Сараюшка была в двух-трех ярдах слева от него у противоположной стороны канавы. С того места, где он лежал, она была видна ему внутри почти вся. Ничего словно бы не изменилось с того момента, как они ее покинули. Ящик для шаров, газонокосилка, каток, открытый ящике крокетными принадлежностями...

— Черт подери! — сказал Энтони про себя. — Это же надо!

Крышка второго крокетного ящика тоже была откинута...

Билл как раз поворачивался, и расслышать его голос становилось труднее.

— Ты понимаешь, о чем я, — говорил он. — Если Кейли...

И из второго крокетного ящика возникла черная голова Кейли.

Энтони неудержимо хотелось испустить одобрительный вопль. Мгновение он заморожено смотрел на этот необыкновенный крокетный шар, который столь эффектно появился из ящика, а затем с неохотой пополз назад. Остаться там ничего не дало бы, а вот потерять можно было многое, так как Билл явно начал сдавать. Со всей быстротой Энтони обежал канаву и занял свое место позади скамьи. Затем встал, потянулся, широко зевнув, и сказал небрежно:

— Да не изводи себя, Билл, старина. Пожалуй, ты прав. Ты знаешь Марка, а я нет, и в этом разница. Сыграем партию или пойдем спать?

Билл взглянул на Энтони в поисках вдохновения и, почерпнув его, сказал:

— Одну партийку, хорошо?

— Ладненько, — сказал Энтони.

Однако Билл был слишком взбудоражен, чтобы играть серьезно. Энтони, наоборот, казалось, думал только о шарах. Он с большой расчетливостью играл десять минут, а затем объявил, что идет спать. Билл встревожено посмотрел на него.

— Все в порядке, — засмеялся Энтони. — Можем поговорить, если хочешь. Только сначала давай уберем их.

Они спустились к сараюшке и, пока Билл убирал шары, Энтони подергал крышку закрытого крокетного ящика. Как он и ожидал, она оказалась запертой.

— Ну, — сказал Билл, когда они шагали назад к дому, — я вот-вот лопну от нетерпения. Кто это был?

— Кейли.

— Господи! Где?

— Внутри второго крокетного ящика.

— Не валяй дурака.

— Это чистая правда, Билл. — И он рассказал ему, что видел.

— Разве мы не пойдём поглядеть? — спросил Билл с горьким разочарованием. — Мне не терпится его исследовать. А тебе нет?

— Завтра, и завтра, и завтра. Мы сейчас увидим, как Кейли возвращается этим путем. К тому же я хочу войти туда с другого конца, если смогу. Но сильно сомневаюсь, что нам удастся это устроить, не выдав себя... Погляди, вот и Кейли.

Они увидели, как он направляется по подъездной аллее в их сторону. Когда расстояние сократилось, они помахали ему, а он — им.

— Я гадал, куда вы подевались, — сказал он, подходя. — И думал, что, пожалуй, найду вас здесь. А не пора ли и на боковую?

— Пора, пора, — сказал Энтони.

— Мы сыграли партию в боулинг, — сказал Билл, — и болтали, и... катали шары. Та еще ночка, верно?

Но дальше, пока они шли к дому, он предоставил разговаривать Энтони. Ему хотелось поразмыслить. Теперь, казалось, не оставалось сомнений, что Кейли — злодей. Биллу еще никогда не доводилось соприкасаться со злодеями. Как-то нечестно со стороны Кейли; довольно подло так водить за нос своих друзей. Сколько в мире непонятных типчиков... непонятных типчиков с секретами. Взять хотя бы Тони, тот первый раз, когда они познакомились в табачной лавке. Кто угодно подумал бы, что он служит там продавцом. А Кейли? Кто угодно подумал бы, что Кейли — обыкновенный уважаемый человек. А Марк... Черт подери, ни в ком нельзя быть уверенным. Другое дело Роберт. Все только и говорили, что Роберт темная личность.

И при чем тут мисс Норрис?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

При чем тут мисс Норрис? Этот вопрос Энтони уже задал себе еще днем, и теперь ему казалось, что он нашел ответ. Лежа в постели этой ночью, он заново собирал свои идеи и рассматривал их в новом свете, который события этого вечера бросили в темные уголки его мозга.

Разумеется, вполне естественно, что Кейли, едва выяснилось, что произошла трагедия, захотел избавиться от гостей. И ради них не меньше, чем ради самого себя. Но он чуть-чуть

слишком поторопился предложить это, а затем перейти от слов к делу. Они были выдворены, едва запаковали свои вещи. Мысль, что они у него в руках, и от него зависит уехать им или остаться, вполне могла прийти им самим. Однако альтернативы им предоставлено не было. Мисс Норрис высказала желание сесть в послеобеденный поезд на узловой станции с явной надеждой таким образом подвергнуться драматическому перекрестному допросу детективом с проницательным взглядом. И была тактично, но неумолимо принуждена воспользоваться более ранним поездом вместе с остальными. Энтони и тогда почувствовал, что Кейли в условиях трагедии, столь внезапно обрушившейся на дом, следовало быть одинаково равнодушным к ее присутствию или отсутствию. Однако равнодушным он не остался, и Энтони сделал из этого вывод, что Кейли действительно требовалось ее отсутствие.

Почему?

Ну, ответить на этот вопрос с плеча было невозможно. Однако именно это пробудило в Энтони интерес к ней. И по этой причине он и отнесся с таким вниманием к подробностям переодевания, упомянутого Биллом лишь мимоходом. Он почувствовал, что ему необходимо узнать о мисс Норрис побольше, и о той роли, которую она играла в кругу гостей Красного Дома. Чистейшая удача, как ему казалось, натолкнула его на ответ.

Мисс Норрис поторопили уехать, потому что она знала про потайной ход.

Значит, потайной ход имел какое-то отношение к тайне смерти Роберта. Мисс Норрис воспользовалась им, чтобы эффектно возникнуть как привидение. Возможно, она обнаружила его сама, возможно, Марк рассказал ей о нем под секретом, не догадываясь, что она позднее воспользуется им столь бессердечно. Возможно, Кейли был посвящен в розыгрыш с переодеванием и показал ей, как она сможет сделать свое появление на лужайке для боулинга даже еще более загадочным и сверхъестественным. Так или иначе, но она знала про потайной ход. А потому ее требовалось быстро спровадить.

Почему? Потому что останься она, то могла бы в каком-нибудь разговоре упомянуть про него без всякой задней мысли. А Кейли не хотел никаких упоминаний про него. Опять-таки, почему? Очевидно, потому, что потайной ход или даже сведения о нем могли стать уликой.

«А не прячется ли там Марк?» — подумал Энтони и уснул.

Глава X

МИСТЕР ДЖИЛЛИНГЕМ БОЛТАЕТ ЧУШЬ

Энтони спустился к завтраку в прекрасном настроении и обнаружил, что гостеприимный хозяин его опередил. Кейли оторвался от своих писем и кивнул.

— Какие-нибудь известия о мистере Эблетте... О Марке? — сказал Энтони, наливая себе кофе.

— Нет. Инспектор намерен нынче днем протралить озеро.

— О! А тут есть озеро?

По лицу Кейли скользнула тень улыбки, но исчезла столь же быстро, как возникла.

— Ну, на самом деле это пруд, — сказал он, — но его всегда называли «озеро».

«Марк», — подумал Энтони, а вслух сказал:

— И что они ожидают найти?

— Они думают, что Марк... — Он умолк и пожал плечами.

— Утопился, понимая, что не сумеет скрыться? И сознавая, что скомпрометировал себя, вообще попытавшись скрыться?

— Да, наверное, — сказал Кейли медленно.

— Я бы подумал, что он так просто не сдастся. В конце-то концов, у него был револьвер. Если уж он решил, что живым его не возьмут, то в любой момент сумел бы помешать этому. Разве он не мог успеть на лондонский поезд, прежде чем полиция была извещена?

— Мог бы, если бы поспешил. Подходящий поезд был. Конечно, его заметили бы в Вудхеме, но он мог предпочесть Стэнтон. Инспектор наводил справки. Его словно бы никто не видел.

— Конечно, позже объявятся люди, клянущиеся, что видели его в десятках разных мест в один и тот же час.

Кейли улыбнулся.

— Да. Совершенно верно. Но как бы то ни было, он хочет сперва протралить пруд. — И добавил сухо: — Судя по детективным историям, которые я читал, инспектора всегда хотят сперва протралить пруд.

— Он глубок?

— Достаточно глубок, — сказал Кейли, вставая. По пути к двери он остановился и поглядел на Энтони: — Я крайне сожалею, что мы удерживаем вас здесь подобным образом. Но только до завтра. Расследование назначено на вторую половину завтрашнего дня. Ну, а пока развлекайтесь, как вам нравится. Беверли займется вами.

— Большое спасибо. Мне, честно, ничего не требуется.

Энтони продолжал завтракать. Возможно, и правда, что инспектора любят протраливать пруды, но вставал вопрос: насколько Кейли нравится, что их протраливают? Тревожится ли Кейли или относится к этому безразлично? Встревоженным он, бесспорно, не выглядел, но он мог легко прятать свои чувства за маской тяжелого плотного лица, из-за которой подлинный Кейли выглядывал нечасто. Может, он знает, что пруд не прячет никаких секретов. В конце-то концов, инспектора всегда протраливают пруды.

Шумно вошел Билл.

Лицо Билла было открытой книгой, и каждая буква говорила о радостном

возбуждении.

— Ну? — сказал он нетерпеливо, садясь, чтобы приступить к еде, — что мы будем делать утром?

— Не говорить так громко, например, — сказал Энтони.

Билл опасливо посмотрел по сторонам. Не прячется ли Кейли, например, под столом? После вчерашней ночи не знаешь, чего и ждать.

— А... э... — Он поднял брови.

— Нет. Но кричать ни к чему. Следует модулировать голос, мой милый Уильям, спокойно дыша от ребер. Таким способом избегаешь грудных нот, которые выдают столько секретов. Иными словами, передай поджаренный хлеб.

— Сегодня утром ты очень взбодрен.

— Так и есть. Очень взбодрен. Кейли заметил это. Кейли сказал: «Не будь у меня других дел, я пошел бы собирать с тобой орехи. Кружить у куста шелковицы и прыгать по холмикам. Но воды Иордана объяли меня, а инспектор Берч ждет снаружи с сачком для креветок. Мой друг Уильям Беверли займется тобой вскорости. Прости. Долгое прости всем твоим орешкам». Затем он удаляется за кулисы. Входит У. Беверли справа.

— За завтраком такое с тобой часто случается?

— Почти регулярно, — сказал он с набитым ртом. — У. Беверли уходит влево.

— Наверное, тебе солнце голову напекло, — сказал Билл, печально покачивая головой.

— И солнце, и луна, и звезды — все дружно воздействующие на пустой желудок. Вы что-нибудь знаете о звездах, мистер Беверли? Вы знаете что-нибудь о Поясе Ориона, например? И почему нет звезды, называющейся Поясом Беверли? Или романа? — сказал он жуя. — Вновь входит У. Беверли из люка.

— Кстати, о люках...

— Не надо, — сказал Энтони, вставая. — Одни говорят об Александре, другие с Геркулесе, но никто не говорит о... как по латыни «Люк»? Mensa — стол; можете исходить из этого. Ну, мистер Беверли, — и, проходя мимо, он дружески хлопнул его по спине, — увидимся позднее. Кейли говорит, что вы будете меня развлекать, но вы не заставили меня засмеяться хотя бы раз. Вы должны стать более развлекательным, когда покончите со своим завтраком. Но не торопитесь. Дайте жвалам время поработать. — И с этими словами мистер Джиллингом покинул обширную столовую.

Билл продолжал завтракать со слегка ошарашенным видом. Он не знал, что Кейли курил сигарету под окном позади него; быть может, не слушая, возможно, даже не слыша, но в поле зрения Энтони, который не собирался рисковать. А потому Билл продолжал завтракать, размышляя, что Энтони — странный типус, и прикидывая, а не приснились ли ему поразительные события, произошедшие накануне.

Энтони поднялся в свою комнату, чтобы взять трубку. Там орудовала горничная, и он вежливо извинился, что помешал ей. А затем вспомнил.

— Элси? — спросил он, одаряя ее дружеской улыбкой.

— Да, сэр, — сказала она застенчиво, но с гордостью. У нее не было сомнений, почему она обрела такую известность.

— Это же вы слышали вчера мистера Марка, верно? Надеюсь, инспектор был с вами обходителен?

— Да. Спасибо, сэр.

— «Теперь МОЙ черед. Вот погоди», — пробормотал Энтони про себя.

— Да, сэр. Злобным таким голосом. Вроде бы, что теперь его шанс.

— Хм.

— Ну, это то, что я слышала, сэр. Правда.

Энтони посмотрел на нее задумчиво и кивнул.

— Да. Но меня удивляет, меня удивляет, почему.

— Почему — что, сэр?

— Да масса всего. Элси... такое совпадение, что вы оказались снаружи именно тогда.

Элси покраснела. Она не забыла, что сказала об этом миссис Стивенс.

— Верно, сэр. Вообще-то я хожу по другой лестнице.

— Разумеется.

Он нашел свою трубку и уже собрался спуститься вниз, но она его остановила.

— Прошу прощения, сэр, а будет расследование?

— Да-да. Кажется завтра.

— Я должна буду давать показания, сэр?

— Конечно. Ничего страшного.

— Но я же слышала, сэр. Правда.

— Ну конечно, слышали. Кто говорит, что нет?

— Так другие, сэр. Миссис Стивенс и все они.

— Потому что завидуют, — сказал Энтони с улыбкой.

Он был рад, что поговорил с ней, так как сразу понял колоссальную важность ее показаний. Инспектор, без сомнения, счел их важными только в той мере, в какой, согласно им, Марк занял враждебную позицию по отношению к брату. Для Энтони они были куда значительнее. Это было единственное надежное доказательство, что Марк вообще находился в кабинете в середине дня.

Ведь кто видел, как Марк вошел в кабинет? Только Кейли. А если Кейли скрывает правду о ключах, почему бы ему не скрывать правду и о том, входил ли Марк в кабинет? Совершенно очевидно, что все показания Кейли ничего не стоят. В них, конечно, есть и правда, но он давал их — и правду, и ложь — с какой-то целью. Что это была за цель, Энтони еще не знал. Оградить Марка, оградить себя или даже предать Марка? Любая из этих трех возможностей. Однако, поскольку показания он давал, исходя из собственных интересов, к ним нельзя было относиться как к свидетельствам беспристрастного и надежного очевидца. Какой, например, выглядела Элси.

Как бы то ни было, показания Элси, казалось, решали главный вопрос. Марк вошел в кабинет увидеться с братом. Элси слышала, как говорили они оба; а затем Энтони и Кейли вместе нашли тело Роберта... а инспектор намерен протралить пруд.

Однако свидетельство Элси не доказывало ничего, кроме присутствия Марка в кабинете. «Теперь мой черед, вот погоди...» Не непосредственная угроза, а угроза на будущее. Если Марк затем сразу же застрелил брата, то это был несчастный случай, следствие, скажем, схватки, спровоцированной «злобным таким голосом». Никто не скажет «вот погоди» человеку, в которого стреляет. «Вот погоди» означает «Вот погоди и увидишь, что с тобой произойдет позже». Владелец Красного Дома был сыт по горло клянчаньем брата, шантажом брата. Теперь пришел черед Марка поквитаться. Пусть Роберт немножко подождет и увидит. Разговор, услышанный Элси, должен был означать что-то в этом роде. Он не мог означать убийства. Во всяком случае, убийство Роберта Марком.

«Странный казус, — думал Энтони. — Единственная очевидная разгадка так проста и

все же ошибочна. У меня в голове сто обрывков, но мне не удается приладить их друг к другу. А нынешний день добавит сто первый. Мне не следует забывать про вторую половину этого дня».

В вестибюле он столкнулся с Биллом и предложил прогуляться. Билл был более чем готов.

— Куда хочешь пойти? — спросил он.

— Без разницы. Покажи мне парк.

— Ладненько.

Они вышли плечо к плечу.

— Ватсон, старина, — сказал Энтони, едва они достаточно удалились, — оставьте эту привычку разговаривать во весь голос внутри дома. У вас за спиной снаружи все это время стоял некий джентльмен.

— Неужто? — сказал Билл, розовея. — Жутко извиняюсь. Так вот почему ты болтал такую чушь.

— Отчасти да, а отчасти потому, что нынче утром я действительно очень взбодрен. Нам предстоит хлопотливый день.

— Правда?

— Они намерены протралить пруд... Прошу у него прощения — озеро. А где это озеро?

— Мы как раз идем туда, если ты хочешь его увидеть.

— Почему бы и не посмотреть. А вообще ты часто ошиваешься там?

— Да нет. Вообще нет. Там нечего делать.

— Например, искупаться?

— Вот уж не тянет. Чересчур грязен.

— Понятно... Это ведь путь, который мы проделали вчера? В деревню?

— Да. Еще немножко, и мы свернем вправо. А зачем его будут тралить?

— Марк.

— Бр-р, — сказал Билл растерянно. Он немного помолчал, а затем забыл неприятные мысли, внезапно вспомнив, сколько увлекательного им предстоит, и сказал возбужденно: — Послушай, когда мы начнем искать этот проход?

— Мы ничего не можем предпринять, пока Кейли в доме.

— А как насчет часа, когда они начнут тралить пруд? Он же наверняка будет там.

Энтони покачал головой.

— Есть одно, что я *должен* сделать сегодня днем, — сказал он. — Конечно, времени у нас может хватить и на то, и на это.

— А для другого тоже надо, чтобы Кейли не было в доме?

— По-моему, да.

— Послушай, а это что-нибудь забористое?

— Не знаю. Может оказаться довольно интересным. Конечно, я могу заняться этим и в какое-то другое время, но почему-то выбрал три часа дня. Специально откладывал.

— Чудненько! Но я же тебе нужен, верно?

— Конечно, нужен. Но только, Билл, не говори обо всем таком в доме, если я не начну. Будь безупречным Ватсоном.

— Не заговорю! Клянусь, не заговорю.

Они уже были у пруда — озера Марка — и молча его обошли. Энтони сел на траву и закурил трубку. Билл сел рядом.

— Ну, Марка тут нет, — сказал Энтони.

— Да, — сказал Билл. — То есть я не вполне понимаю, откуда ты это знаешь.

— Суть не в «знать», а в «догадываться», — быстро сказал Энтони. — Куда легче застрелиться, чем утопиться. А если Марк решил застрелиться в воде, чтобы спрятать свой труп, ему пришлось бы набить карманы большими камнями, а большие камни здесь только у самой воды, и их отпечатки остались бы видны, а их не видно, и, следовательно, он их не трогал, и... черт с прудом. Пусть подождет до второй половины дня. Билл, где начинается потайной ход?

— Так ведь это мы и должны выяснить, разве нет?

— Да. Видишь ли, моя идея сводится вот к чему...

Он объяснил, по каким причинам убежден, что секрет потайного хода каким-то образом связан со смертью Роберта, и продолжал:

— Согласно моей теории, Марк обнаружил потайной ход примерно год назад, в то время, когда он увлекся крокетом. Ход приводит под пол сараюшки, и, вероятно, это Кейли придумал поставить крокетный ящик на крышку люка, чтобы спрятать его понадежнее. Ты же знаешь, стоит тебе обнаружить какой-нибудь секрет, и ты уже думаешь, что он очевиден для всех и каждого. Полагаю, Марку страшно нравилось сохранять этот секрет для себя — и для Кейли, конечно, но Кейли был не в счет. И они извлекали большое удовольствие, обустроивая его и маскируя понадежнее, чтобы никто другой его не обнаружил. Ну, когда мисс Норрис затеяла переодевание, Кейли выдал секрет. Вероятно, он сказал ей, что пройти незамеченной до лужайки для боулинга ей никак не удастся, а затем, может быть, дал понять, что знает, как она могла бы появиться там незаметно, и она каким-то образом выведала его тайну.

— Но это было за два-три дня до приезда Роберта.

— Вот именно. Я не предполагаю, что вначале с проходом было связано нечто зловещее. Три дня назад для Марка — романтическое приключение, принадлежащее только ему. Он даже не знал о приезде Роберта в Англию. Но каким-то образом потом проход был использован из-за Роберта. Возможно, Марк сбежал этим путем, возможно, он прячется там сейчас. Если так, то выдать его могла только мисс Норрис. И, конечно, сделать это она могла лишь нечаянно, не подозревая, что потайной ход может иметь какое-то отношение к произошедшему.

— А потому безопаснее было спровадить ее отсюда.

— Именно.

— Но послушай, Тони, зачем нам затрудняться поисками ЭТОГО конца? Мы же всегда можем спуститься в него у лужайки для боулинга.

— Я знаю. Но сделать это мы можем только в открытую. Потребуется взломать ящик, и от Кейли не скроется, что это сделали мы. Понимаешь, Билл, если мы в ближайшие день-два ничего больше не найдем, нам придется сообщить полиции о том, что нам *удалось найти*, и тогда они сами могут обследовать потайной ход. Но пока я предпочту этого не делать.

— Еще бы!

— А потому мы сейчас должны действовать тайно. Это единственный вариант. — Он улыбнулся и добавил: — И куда увлекательнее.

— Еще бы! — Билл тихонько засмеялся.

— Отлично. Так где начинается потайной ход?

Глава XI

ПРЕПОДОБНЫЙ ТЕОДОР АСШЕР

— Есть одно, что мы должны понять сразу же, — сказал Энтони. — Либо мы найдем его без труда, либо вообще не найдем.

— Ты хочешь сказать, что у нас не будет времени?

— Ни времени, ни возможности. Довольно утешительная мысль для лентяя вроде меня.

— Но если мы не сможем искать как следует, то все становится гораздо труднее.

— Труднее найти, да, но гораздо легче искать. Например, проход мог бы начинаться в спальне Кейли, но теперь мы знаем, что это не так.

— Ничего подобного мы не знаем, — запротестовал Билл.

— Для цели наших поисков — знаем. Совершенно очевидно, что мы не можем забрести в спальню Кейли и простукивать там гардеробы. А раз так, то, очевидно, если мы вообще намерены его искать, мы должны предположить, что он там не начинается.

— Ага! — Билл задумчиво пожевал травинку. — В любом случае на верхнем этаже он начинаться не может, верно?

— Вероятно, нет. Что же, мы продвигаемся.

— Можешь отбросить кухню и всю эту часть дома, — сказал Билл, снова поразмыслив. — Нам туда нельзя.

— Верно. Как и в погреба, если там есть погреба.

— Ну, остается не так уж много.

— Да. Конечно, найти его у нас есть не больше одного шанса из ста, но взвесить нам надо следующее: какое самое вероятное место из тех немногих мест, где мы можем искать без опасений.

— То есть, — сказал Билл, — нижние помещения. Столовая, библиотека, вестибюль, бильярдная и кабинет с комнатами при нем.

— Да, это все.

— Ну, наиболее вероятен кабинет, верно?

— Да. Но есть одно возражение.

— Какое?

— Ну, сторона дома не та. Предположительно потайной ход должен начинаться с места, ближайшего к тому, куда он ведет. К чему удлинять его, прокладывая еще и под домом?

— Да, правда. Ну, ты думаешь, столовая или библиотека?

— Да. И библиотека предпочтительнее. То есть для нас. В столовую то и дело заходит прислуга. Шансов обследовать ее полноценно у нас маловато. К тому же следует помнить и еще кое-что. Марк целый год сохранял свой секрет. Удалось ли бы ему это в столовой? Удалось ли бы мисс Норрис сразу после обеда войти в столовую и скрыться за потайной дверью незаметно? Слишком рискованно.

Билл возбужденно вскочил.

— Пошли! — сказал он. — Займемся библиотекой. Если Кейли зайдет туда, мы всегда можем прикинуться, будто ищем, что почитать.

Энтони медленно встал, взял его за локоть и пошел с ним назад к дому.

В библиотеку стоило зайти, потайные ходы или не потайные ходы. Чужие книжные полки всегда были непреодолимым соблазном для Энтони. Стоило ему войти в комнату, как

он начинал обход с целью выяснить, какие книги читает владелец или (что более вероятно) не читает, но хранит ради презентабельности, которую они придают дому. Марк гордился своей библиотекой. Смешением самых разных книг. Книги, которые он унаследовал и от отца, и от патронессы; книги, которые он покупал, так как они его интересовали, а если не они, то их авторы, которым он хотел оказать покровительство; книги прекрасно переплетенных изданий, которые он заказывал отчасти потому, что они хорошо смотрелись на его книжных полках, придавая благородство его комнатам, а отчасти потому, что культурному человеку нельзя не иметь их; старинные издания, новые издания, дорогие книги, дешевые книги — библиотека, в которой любой человек, каковы бы ни были его вкусы, наверняка мог найти что-то, им отвечающее.

— И какие особенно по душе тебе, Билл? — спросил Энтони, оглядывая одну полку за другой. — Или ты все время играешь на бильярде?

— Иногда я заглядываю в «Бадминтон», — сказал Билл. — Он вон в том углу. — Он ткнул пальцем.

— Вот здесь? — сказал Энтони, направляясь туда.

— Да. — Внезапно он поправился: — Нет-нет. Теперь он справа. Марк реорганизовал библиотеку примерно год назад. На это ушло больше недели, рассказал он нам. У него ведь жутко много книг, верно?

— Ну, вот это очень интересно, — сказал Энтони, сел и вновь набил трубку.

Книг действительно было «жутко много». Четыре стены библиотеки были залеплены ими от пола до потолка, исключая двери и два окна, настоявших, чтобы им позволили вести собственную жизнь, пусть и неграмотную. На взгляд Билла, более безнадежной комнаты для поисков потайного хода и придумать было нельзя.

— Нам же придется снять каждую книженцию, да благословит ее Бог, — сказал он, — прежде чем убедимся, что не прозевали его.

— Однако, — сказал Энтони, — если мы будем вынимать их по одной за раз, нас нельзя будет заподозрить в злокозненных замыслах. В конце-то концов, зачем ты идешь в библиотеку, если не для того, чтобы вынимать книги?

— Но их здесь жутко много.

Трубка Энтони теперь разожглась удовлетворительно, он встал и неторопливо направился к концу стены напротив двери.

— Ну-с, поглядим, — сказал он, — и проверим, такие ли они жуткие. Эгей, вот и твой «Бадминтон». Ты говоришь, что читал его часто?

— Если вообще читал.

— Да. — Он оглядел секцию вниз и вверх. — Главным образом спорт и путешествия. Люблю книги про путешествия, а ты?

— Вообще-то они занудны донельзя.

— Ну, многим они очень нравятся, — попенял Энтони. Он перешел к следующей секции. — Пьесы. Драматурги эпохи Реставрации. Без большинства их обойтись легко. Все же, как ты без труда заметишь, многие как будто их любят. Шоу, Уайльд, Робертсон — я люблю читать пьесы, Билл. Таких любителей немного, но зато они читают их взапой. Продвинемся еще.

— Послушай, у нас не так уж много времени, — сказал Билл с тревогой.

— Бесспорно. Потому-то мы и не тратим его попусту. Стихи. Кто теперь читает стихи? Билл, когда ты в последний раз читал «Потерянный рай»?

— Никогда.

— Я так и предполагал. А когда мисс Колледайн последний раз читала тебе вслух «Прогулку»?

— Фактически Бетти — мисс Колледайн — очень даже увлекается... как бишь фамилия этого типчика?

— Обойдемся без фамилии. Ты сказал вполне достаточно. Продвинемся дальше.

Он перешел к следующей секции.

— Биографии. В изобилии. Люблю биографии. Ты член «Клуба Джонсона»? А во Марк, уж конечно, член, держу пари. «Воспоминания о многих королевских дворах» — разумеется, миссис Колледайн это читает. Однако биографии интересны не более большинства романов, так зачем медлить? Продвигаемся. — Он подошел к следующей секции и вдруг присвистнул. — Эгей, эгей!

— Что там еще? — сказал, а точнее пробурчал Билл.

— Встань тут. Удерживай толпу, Билл. Мы в самой гуще. Проповеди, честное слово! Проповеди! Был отец Марка священником, или у Марка к ним врожденный интерес?

— Его отец, по-моему, был духовным лицом. Да, да, абсолютно.

— Ну, так значит, это отцовские книги. «Полчаса с Бесконечностью». Надо будет по возвращении заказать эти «Полчаса» в библиотеке. «Заблудшие овцы», «Джонс о Троице». Послания святого Павла в истолковании. Ага, Билл, мы в самой-самой гуще. «Узок путь, проповеди преп. Теодора Ашера»... Э-гей!

— Что такое?

— Уильям, на меня снизошло озарение. Будь на подхвате. — Он снял классический труд преподобного Теодора Ашера, секунду смотрел на него со счастливой улыбкой, а затем вручил Биллу. — На. Подержи.

Билл послушно взял книгу.

— Нет, отдай назад. Выйди в вестибюль и проверь, не услышишь ли где-нибудь Кейли. Если да, громко скажи «приветик!».

Билл быстро вышел, прислушался и вернулся.

— Порядок.

— Отлично. — Он снова снял книгу с полки. — Ну, можешь подержать Ашера. Держи в левой руке, вот так. Правой рукой, или десницей, крепко ухватись за эту полку вот так. Теперь, когда я скажу «потяни», тяни мало-помалу. Усек?

Билл кивнул. Его лицо пылало возбуждением.

— Отлично. — Энтони сунул руку в пустоту, оставленную толстым Ашером, и потрогал пальцами заднюю стенку полки. — Тяни, — сказал он.

Билл потянул.

— Теперь продолжай тянуть точно так же. Я сейчас доберусь. Не сильно, знаешь ли, а просто, сохраняя легкое усилие. — Его пальцы снова зашарили.

И внезапно вся секция полок от верхней до нижней тихо распахнулась перед ними.

— Господи Боже ты мой! — сказал Билл, от изумления отпустив полку.

Энтони толкнул секцию на место, изъясил Ашера из пальцев Билла, поставил его на полку, а затем, взяв Билла за локоть, подвел его к кушетке и водворил на нее. Стоя перед ним, он отвесил поклон.

— Детская игра, Ватсон, — сказал он. — Детская игра.

— Да каким образом...

Энтони радостно засмеялся и сел на кушетку рядом с ним.

— Тебе же на самом деле объяснение не требуется, — сказал он, похлопывая его по колену, — ты просто ватсонишь. Очень мило с твоей стороны, и я очень это ценю.

— Нет, честное слово, Тони.

— Ах, мой милый Билл! — Он молча покурил, а затем продолжал: — Как я недавно указывал, секрет остается секретом, пока ты его не раскрыл, а едва его раскрыв, ты уже не понимаешь, как он вообще мог быть секретом. Этот потайной ход был тут годы и годы, одним концом выводя в библиотеку, другим в сараюшку. Затем Марк его обнаруживает и немедленно чувствует, что ход должны тотчас обнаружить решительно все. А потому выход в сараюшку он дополнительно маскирует ящиком с принадлежностями для крокета, а это конец с помощью... — Он умолк и посмотрел на своего собеседника. — С помощью чего, Билл?

Но Билл ватсоничал:

— Так чего?

— Очевидно, расположив книги по-новому. Сам он, скажем, взял «Жизнь Нельсона» или «Трое в одной лодке» или что-нибудь такое, и по чистой случайности раскрыл секрет. Естественно, он почувствовал, что все остальные будут то и дело брать с полки «Жизнь Нельсона» или «Трое в одной лодке». Естественно, он почувствовал, что секрет будет в большей безопасности, если никто никогда к этой полке не прикоснется. Когда ты сказал, что книги были расставлены по-другому год назад, как раз когда появился крокетный ящик, разумеется, я догадался почему. И поискал самые скучные книги, какие только существуют, книги, которые никто не читает. Совершенно очевидно, именно коллекция проповедей средневикторианской эпохи должна была занимать полку, которая нам требовалась.

— Понятно. Но почему ты был так уверен, что это именно то место?

— Ну, ему требовалось пометить данное место какой-нибудь книгой. Я подумал, что шутка, заложенная в том, что «Узок путь» будет стоять прямо перед входом в потайной ход, могла прийти ему по вкусу. И, видимо, пришлась.

Билл несколько раз задумчиво кивнул, словно самому себе.

— Очень толково, — сказал он. — Умный ты черт, Тони.

Энтони засмеялся.

— Ты подбиваешь меня думать так, а это мне вредно, хотя и восхитительно.

— Ну, так идем, — сказал Билл, вскакивая и протягивая ему руку.

— Куда идем?

— Исследовать потайной ход, а то куда же?

Энтони покачал головой.

— Почему нет?

— Что ты думаешь найти там?

— Не знаю. Но ты вроде бы считал, что мы можем найти там что-нибудь полезное.

— Предположим, мы найдем Марка? — сказал Энтони негромко.

— Послушай, ты правда думаешь, что он там?

— А если?

— Ну, тогда черт его знает.

Энтони отошел к камину, выбил пепел из трубки и вернулся к Биллу. Он серьезно на него посмотрел, ничего не говоря.

— Что ты скажешь ему? — наконец сказал он.

— О чем ты?

— Ты собираешься арестовать его или помочь ему спастись?

— Я... я... ну, конечно, я... — заикаясь, начал Билл и неловко закончил: — Ну, не знаю.

— Вот именно. Нам пора принять решение, так ведь?

Билл не ответил. В полной растерянности он бродил по комнате, хмурясь, иногда останавливаясь перед новонайденной дверью и глядя на нее так, будто пытаясь узнать, что она скрывает. На чьей он стороне, если придется выбирать? Марка или закона?

— Знаешь, ты ведь не можешь просто сказать ему: «А... э... приветик!», — сказал Энтони, довольно уместно врываясь в его мысли.

Билл, вздрогнув, посмотрел на него.

— И, — продолжал Энтони, — ты не можешь сказать: «Это мой друг мистер Джиллингем, который гостит у вас. Мы просто собираемся покатать шары».

— Да, это чертовски трудно. Я не знаю, что сказать. Я немножко забыл про Марка. — Он добрел до окна и уставился на газоны. Садовник подстригал траву по краю. Почему, собственно, должны газоны выглядеть неприглядно, пусть хозяин дома и исчез? День обещал быть жарким, как вчерашний. Черт подери, конечно, он позабыл про Марка. Ну, может ли он думать о нем как о скрывающемся убийце, беглеце от правосудия, если все остается таким, каким было вчера, и солнце сияет, совсем как сияло, когда они все поехали играть в гольф всего лишь двадцать четыре часа назад? Как он может подавить чувство, что это вовсе не реальная трагедия, а всего лишь увлекательная детективная игра, затеянная Энтони вместе с ним?

Он обернулся к своему другу.

— И все-таки, — сказал он, — ты хотел найти потайной ход, и вот ты его нашел. И ты так в него и не войдешь?

Энтони взял его за локоть.

— Давай снова прогуляемся, — сказал он. — В любом случае сейчас мы войти в него не можем. Слишком рискованно, когда Кейли рядом. Билл, я чувствую то же, что ты. Немножко боюсь. Но чего боюсь, я толком не знаю. В любом случае ты хочешь продолжать, верно?

— Да, — категорически сказал Билл. — Мы должны продолжать.

— Тогда мы исследуем проход во второй половине дня, если нам представится шанс. А если не представится, тогда попытаемся сегодня ночью.

Они прошли через вестибюль и вновь вышли под солнечные лучи.

— Ты действительно думаешь, что Марк прячется там и мы можем на него наткнуться? — спросил Билл.

— Не исключено, — сказал Энтони. — Либо на Марка, либо... — Он быстро взял себя в руки. «Я не позволю себе думать так... пока еще. Слишком ужасно».

Глава XII

ТЕНЬ НА СТЕНЕ

На протяжении примерно двадцати часов в его распоряжении инспектор Берч был очень занят. Он протелеграфировал в Лондон полное описание Марка в коричневом костюме спортивного покроя, который был на нем, когда его видели в последний раз; он провел розыски в Стэнтоне, не был ли замечен там человек, соответствующий описанию, садящимся в поезд 4.20; и хотя добровольные свидетельства, им полученные, мало о чем говорили, они не исключали, что Марк действительно успел на этот поезд и оказался в Лондоне прежде, чем полиция на том конце была готова его принять. Однако день этот в Стэнтоне был рыночным, и городок много больше обычного заполняли приезжие, а это уменьшало вероятность, что отъезд Марка или приезд Роберта на поезде 2.10 могли привлечь внимание. Как Энтони сказал Кейли, всегда находятся люди, готовые сообщить полиции наиболее подробные сведения о передвижениях человека, ее интересующего.

То, что Роберт приехал на 2.10, казалось достаточно неоспоримым. А вот найти что-то еще о нем до расследования было затруднительно. Все, что было известно о нем в деревне, где прошло детство его и Марка, подтверждало показания Кейли. Он был дурным сыном, и его поторопились спровадить в Австралию; с тех пор его в деревне не видели. Имелись ли более существенные основания для ссоры между двумя братьями, кроме тех, что младший оставался на родине и преуспевал, а старший нуждался и жил в изгнании, известно не было, и, насколько мог судить инспектор, вряд ли могло проясниться до поимки Марка.

А пока значение имел только арест Марка. Протраливание пруда могло ничего не дать, но, бесспорно, завтра в суде создаст впечатление, что инспектор Берч усилий не жалеет. А если бы револьвер, орудие преступления, был извлечен на поверхность, его хлопоты вполне окупились бы. «Инспектор Берч предъявляет орудие преступления» послужит превосходной шапкой в местной газете.

Поэтому он был весьма доволен собой, пока шел к пруду, где его подчиненные ждали его, и вполне расположен побеседовать с мистером Джиллингемом и его другом мистером Беверли.

Он приветствовал их бодрим:

— Добрый день! — и добавил с улыбкой: — Пришли помочь нам?

— Мы ведь вам вовсе не нужны, — сказал Энтони, улыбаясь ему в ответ.

— Пройдите туда, если желаете.

Энтони слегка содрогнулся.

— Вы можете потом рассказать мне, что найдете, — сказал он. — Кстати, — добавил он, — надеюсь, хозяин «Георга» дал обо мне хороший отзыв?

Инспектор быстро посмотрел на него.

— Каким образом вы про это узнали?

Энтони вежливо поклонился ему.

— Просто я догадался, что вы весьма компетентный блюститель Закона.

Инспектор засмеялся.

— Ну, мистер Джиллингем, вы чисты. Никаких претензий к вам. Но я должен был справиться о вас.

— Разумеется. Ну, желаю вам удачи. Однако не думаю, что вы отыщете в пруду что-

либо интересное. Он же заметно в стороне, не правда ли, для кого-то, спасающегося бегством?

— Именно это я и сказал мистеру Кейли, когда он упомянул пруд. Однако проверить никогда не вредно. В подобном деле куда вероятнее неожиданности.

— Вы совершенно правы, инспектор. Ну, нам не следует вас задерживать. Всего хорошего. — И Энтони вежливо ему улыбнулся.

— Всего хорошего, сэр.

— Всего хорошего, — сказал Билл.

Энтони стоял, молча глядя вслед удалявшемуся инспектору, так долго, что Билл подергал его за руку и спросил довольно сердито, в чем дело.

Энтони медленно покачал головой из стороны в сторону.

— Не знаю. Нет, правда не знаю. То, что я думаю, это полная дьявольщина. Он не может быть настолько холодно бездушным.

— Кто?

Не отвечая, Энтони пошел назад к садовой скамье, на которой они сидели раньше. Он сел и зажал голову в ладонях.

— Надеюсь, они что-нибудь найдут, — пробормотал он. — Надеюсь, что так.

— В пруду?

— Да.

— Но что?

— Да что угодно, Билл, что угодно.

Билл рассердился.

— Послушай, Тони, так не пойдет. С какой стати такая чертовская таинственность? Что на тебя вдруг нашло?

Энтони удивленно поднял голову и посмотрел на него.

— Разве ты не слышал, что он сказал?

— Что именно?

— Что протралить пруд была идея Кейли.

— О! Вот что? — Билл вновь пришел в возбуждение. — Ты хочешь сказать, он что-то там спрятал? Какую-нибудь фальшивую улику, и хочет, чтобы полиция ее нашла?

— Надеюсь, что так, — сказал Энтони с горячностью, — но я боюсь... — Он оборвал фразу.

— Чего боишься?

— Боюсь, что он ничего там не спрятал. Боюсь, что...

— Да ну же!

— Какое самое безопасное место, чтобы спрятать что-нибудь важное?

— Где-нибудь, где никто не догадается искать.

— Есть место и получше.

— Какое?

— Где уже искали.

— То есть, черт подери, ты хочешь сказать, что едва пруд протралят, Кейли в нем что-то спрячет?

— Да, боюсь, что так.

— Но почему боишься?

— Потому что, думаю, это должно быть чем-то очень важным, чем-то, которое трудно

спрятать где-нибудь еще.

— Так что же? — возбужденно спросил Билл.

Энтони покачал головой.

— Нет, я пока не собираюсь говорить об этом. Подождем, посмотрим, что найдет инспектор. Он может что-то найти. Но если нет, значит, Кейли собирается что-то там спрятать сегодня ночью.

— Но что? — снова спросил Билл.

— Увидишь, Билл, потому что мы будем там.

— Будем следить за ним?

— Да. Если инспектор ничего не найдет.

— Отлично, — сказал Билл.

Если возникал вопрос: Кейли или блюстители Закона, он уже твердо решил, на чью сторону встанет. До вчерашней трагедии он хорошо ладил с обоими кузенами, не сходясь близко ни с тем, ни с другим. Собственно говоря, из них двоих он, пожалуй, предпочитал молчаливого солидного Кейли более переменчивому Марку. Качества Кейли, как они представлялись Биллу, могли в основном быть пассивными. Тем не менее его великим достоинством был факт, что он никогда не давал воли слабостям, возможно, ему присущим. Превосходное качество в собрате-госте (или, если хотите, в собрате-хозяине, чьим гостеприимством вы пользуетесь) в доме, где часто гостишь. С другой стороны, слабости Марка прямо-таки выставлялись напоказ, и Билл на них насмотрелся.

Да, хотя утром он колебался определить свою позицию в отношении Марка, он без колебаний стал на сторону блюстителей Закона против Кейли. Марк, в конце-то концов, ничего дурного ему не сделал. Кейли же был повинен в непростительном поступке, тайном подслушивании частного разговора между ним и Тони. Пусть Кейли повесят, если того потребует Закон.

Энтони взглянул на свои часы и встал.

— Пошли, — сказал он. — Настало время для той работки, про которую я упоминал.

— Потайной ход? — возбужденно осведомился Билл.

— Нет. То, что я, как упоминал, назначил сделать во второй половине дня.

— А, да, конечно. Так что же это?

Ничего не говоря, Энтони вошел в дом и направился к кабинету.

Было три часа, а в три часа накануне Энтони и Кейли нашли труп. Через несколько минут после трех он смотрел из окна соседней комнаты и был внезапно удивлен, обнаружив, что дверь открыта, а Кейли стоит позади него. Он тогда же мимоходом подумал, что дверь вроде бы должна быть закрыта. Однако тогда у него не было времени разбираться в этом, и он обещал себе рассмотреть это попозже, в свободные минуты. Возможно, это ничего не значило; возможно, если это что-то значило, он мог бы узнать, что именно, посетив кабинет с утра. Но он рассудил, что скорее уловит вчерашнее впечатление, если сумеет провести свой эксперимент в условиях, наиболее близких к тогдашним. А потому решил, что в три часа сегодня окажется в кабинете.

Когда он вошел туда в сопровождении Билла, то ощутил почти шок, потому что тело Роберта уже не лежало между двумя дверями. Однако темное пятно указывало, где находилась голова мертвеца, и Энтони опустился там на колени, как опустился двадцать четыре часа назад.

— Я хочу повторить все снова, — сказал он. — Тебе придется быть Кейли. Кейли

сказал, что принесет воды. Помнится, я подумал, что мертвецу от воды толку никакого не будет, и, вероятно, он предпочитает что-то делать, чем стоять сложа руки. Он вернулся с мокрой губкой и носовым платком. Полагаю, платок он достал из комода... Погоди немного.

Он встал, прошел в соседнюю комнату, огляделся, выдвинул пару ящичков и, закрыв все двери, вернулся в кабинет.

— Губка там, а в верхнем правом ящичке лежат носовые платки. Теперь, Билл, притворись, будто ты Кейли. Ты только что сказал что-то про воду и встал.

Ощущая некоторую жуть, Билл, стоявший на коленях рядом со своим другом, встал и вышел. Энтони, как накануне, смотрел ему вслед. Билл свернул в комнату справа, открыл ящик комода, достал платок, смочил губку и вернулся назад.

— Ну? — сказал он с недоуменным любопытством.

Энтони покачал головой.

— Все иначе, — сказал он. — Например, ты чертовски шумел в отличие от Кейли.

— Может, ты не слушал, когда Кейли ходил туда?

— Да. Но я должен был бы слышать его, если бы мог его слышать, и помнил бы об этом.

— Может, Кейли закрыл за собой дверь.

— Погоди!

Он прижал ладонь к глазам и задумался. Нет, не то, что он слышал, но что-то, что он видел. Он отчаянно пытался увидеть это снова... Он увидел, как Кейли встает, открывает дверь из кабинета, оставляет ее открытой и идет по коридорчику к двери направо, открывает ее, входит внутрь и тогда... Что увидели его глаза затем? Если бы они сказали ему это снова!

Внезапно он вскочил, просияв.

— Билл, я вспомнил!

— Что?

— Тень на стене! Я глядел на тень на стене! Осел, стократный осел!

Билл смотрел на него, ничего не понимая. Энтони взял его за локоть и указал на стену в коридорчике.

— Видишь солнечный свет на ней? — сказал он. — Потому что ты оставил дверь открытой. Солнце светит прямо в окна. Теперь я закрою дверь. Смотри! Видишь, как скользит тень? Вот, что я увидел — скользющую тень, когда дверь закрылась за ним. Билл, иди туда и закрой за собой дверь — поестественнее. Быстрее!

Билл вышел, а Энтони упал на колени, напряженно следя за ним.

— Так я и думал! — вскричал он. — Я знал, что это не могло быть.

— Что произошло? — спросил Билл, возвращаясь.

— Именно то, чего ты ожидал бы. Снова солнечный свет и тень вернулись назад — все в едином движении.

— А что произошло вчера?

— Солнечный свет остался там, а затем появилась тень очень медленно, и ни малейшего шороха закрывающейся двери.

Билл посмотрел на него вспыхнувшими глазами.

— Черт подери! То есть Кейли потом закрыл дверь — спохватившись — и очень тихо, чтобы ты не услышал.

Энтони кивнул.

— Да. Вот и объяснение, почему я потом удивился, когда вошел в комнату и обнаружил,

что дверь позади меня открыта. Ты знаешь, как закрываются двери с пружинами?

— Такие, какими обзаводятся старички, опасаясь сквозняков?

— Да. Сначала они почти не движутся, а затем медленно-медленно закрываются. Именно так двигалась тень, и, должно быть, я подсознательно ассоциировал ее с движением такой двери. Черт подери! — Он встал и почистил колени. — Теперь, Билл, для проверки пойдти туда и закрой дверь подобным образом, понимаешь? Будто спохватившись, и очень тихо, так, чтобы я не услышал, как она щелкнет.

Билл выполнил его инструкции и затем возбужденно высунул голову, торопясь узнать, как все сошло.

— Именно! — сказал Энтони с абсолютной уверенностью. — Как раз то, что я видел вчера. — Он вышел из кабинета и присоединился к Биллу в маленькой комнате.

— А теперь, — сказал он, — давай попробуем выяснить, что делал тут мистер Кейли и почему он соблюдал такую осторожность, чтобы его друг мистер Джиллингем его не слышал.

Глава XIII

ОТКРЫТОЕ ОКНО

Первой мыслью Энтони было, что Кейли что-то спрятал, что-то, возможно, найденное возле тела и... абсурд! За имевшееся в его распоряжении время он только-только успел бы убрать находку в какой-нибудь ящик, где Энтони было бы гораздо легче ее обнаружить, чем если бы он оставил это у себя в кармане. В любом случае он уже забрал бы это и спрятал в каком-нибудь более надежном тайнике. К тому же, зачем в таком случае тратить силы на возню с дверью?

Билл открыл ящик комода и посмотрел внутрь.

— По-твоему, есть смысл покопаться в них? — спросил он.

Энтони посмотрел через его плечо.

— Почему он вообще хранил тут одежду? — спросил он. — Он когда-нибудь переодевался здесь внизу?

— Мой дорогой Тони, одежды у него было больше, чем у кого-либо еще в мире. Думается, он держал ее тут на всякий случай. Когда мы с тобой отправляемся из Лондона в деревню, мы захватываем нашу одежду с собой. Марк так никогда не поступал. В лондонской квартире у него был полный комплект всего, что имеется тут. Такое его хобби, коллекционировать одежду. Будь у него полдюжины домов, во всех них хранились бы костюмы и все прочее, что может понадобиться джентльмену в городе и за городом.

— Понятно.

— Конечно, иногда это могло оказаться полезным; если он был занят в соседней комнате, не подниматься же наверх за носовым платком и более удобным пиджаком.

— Понимаю. Да. — Отвечая, он начал обходить комнату, поднял крышку бельевой корзины, которая стояла возле раковины, и заглянул в нее. — Он, видимо, заходил сюда недавно за воротничком.

Билл прищурился. На дне корзины лежал один воротничок.

— Да, вполне вероятно, — согласился он. — Если вдруг обнаружил, что воротничок, который на нем, чуть-чуть жмет шею или капельку грязноват. До жути взыскателен.

Энтони наклонился и выудил воротничок.

— Этот, видимо, жал, — сказал он, внимательно исследовав воротничок. — Чище он быть никак не может. — Он уронил его назад в корзину. — В любом случае он сюда заходил?

— Ну да. Конечно.

— Да, но Кейли-то для чего заходил сюда так скрытно?

— Зачем ему понадобилось закрывать дверь? — сказал Билл. — Вот чего я не понимаю. Тебе ведь в любом случае он виден не был.

— Нет. Из чего следует, что я мог бы его услышать. Он намеревался заняться чем-то, чего я не должен был слышать.

— Черт побери, вот именно! — сказал Билл возбужденно.

— Да, но чем именно?

Билл с надеждой наморщил лоб, но вдохновение не снизошло.

— Ну, впустим-ка сюда немножко воздуха, — наконец сказал он, совсем вымотавшись, подошел к окну, открыл его и выглянул наружу. Затем его осенила мысль, он обернулся к

Энтони и сказал: — Как, по-твоему, не сходить ли мне к пруду удостовериться, что они еще возятся там? Ведь... — Он внезапно умолк, до того Энтони изменился в лице.

— Ах, идиот, идиот! — вскричал Энтони. — О сверхпревосходнейший из Ватсонов! Ты агнец, ты благословение Божье! Ах, Джиллингом, несравненный осел!

— Да что случилось?

— Окно! Окно! — вскричал Энтони, тыча пальцем.

Билл обернулся к окну, ожидая, не скажет ли оно что-нибудь. Поскольку оно промолчало, он опять посмотрел на Энтони.

— Он открывал окно! — возопил Энтони.

— Кто?

— Да Кейли же! — Очень серьезно и медленно Энтони объяснил: — Он идет сюда, чтобы открыть окно. Закрывает дверь, чтобы я не услышал, как он открывает окно. Он открывает окно. Я вхожу, чтобы помочь, и нахожу окно открытым. Я говорю: «Это окно открыто». Мои изумительные аналитические способности подсказывают мне, что убийца должен был сбежать через окно. «О, — говорит Кейли, поднимая брови. — Ну, — говорит он, — полагаю, вы должны быть правы». И я говорю гордо: «Безусловно. Потому что окно открыто», — говорю я. Ах ты, бесподобный осел!

Теперь он понял. Многое, ставившее его в тупик, прояснилось.

Он попытался вообразить себя на месте Кейли... Кейли, когда Энтони наткнулся на него, барабанил в дверь и кричал: «Открой дверь!» Что бы ни происходило внутри кабинета, кто бы ни убил Роберта, Кейли знал об этом все, и знал, что Марка внутри нет, и что он не сбежал. Но для плана Кейли — плана Марка, если они действовали совместно, требовалось, чтобы казалось, будто он бежал. Значит, в какой-то момент, пока он барабанил (а ключ лежал у него в кармане!), он должен был внезапно вспомнить — и с каким ошеломлением! — что допущена ошибка. Стеклопанная дверь не была оставлена открытой!

Вероятно, поначалу это было не более чем жутким сомнением. *Была* ли открыта стеклянная дверь в кабинете? Ну, конечно же, *была* открыта... Но была ли? Хватит ли времени отпереть дверь из вестибюля, проскользнуть внутрь, открыть стеклянную дверь и ускользнуть? Нет. В любую секунду могут появиться слуги. Слишком рискованно. Гибельно, если его заметят. Но слуги глупы. Можно без опаски открыть стеклянную дверь, пока они будут толпиться у трупа. Они ничего не заметят. Уж как-нибудь он умудрится.

А затем внезапно появляется Энтони! Непредвиденное осложнение. И Энтони говорит про стеклянную дверь! А как раз дверь никак нельзя было трогать. Неудивительно, что он поначалу выглядел таким растерянным. А! Наконец-то объясняется, почему был выбран самый длинный кружной путь, но они все-таки бежали. Единственный шанс Кейли опередить Энтони, первым добраться до стеклянной двери и каким-то образом открыть ее прежде, чем Энтони его догонит. Даже будь это невозможно, он все-таки должен быть там первым, чтобы удостовериться. А вдруг она все-таки *открыта*. Он должен оторваться от Энтони и поглядеть. А если она закрыта, безнадежно закрыта, ему необходима секунда одиночества, секунда, чтобы придумать другой план и избежать краха, столь внезапно нависшего над ним.

И потому он побежал. Но Энтони держался наравне с ним. Они вместе взломали стеклянную дверь и вошли в кабинет. Однако Кейли еще не сдался. Оставалось окно гардеробной! Но тихонько, тихонько, Энтони не должен слышать.

И Энтони не услышал. Он даже великолепно подыграл Кейли. Не только привлек

внимание к открытому окну, но даже подробно объяснил Кейли, почему Марк предпочел именно это окно стеклянной двери в кабинете. И Кейли согласился, что причина была, вероятно, именно в этом. Как должно быть он смеялся про себя! Однако он все еще чуточку боялся. Боялся, что Энтони обьщет кусты. Почему? Да очевидно же! Ничто в кустах не указывало, что кто-то продирался сквозь них. Несомненно, Кейли затем обеспечил такие признаки и помог инспектору найти их. Рискнул ли он оставить отпечатки следов — в ботинках Марка? Энтони улыбнулся, вообразив, как могучий Кейли пытается втиснуть ступни в обувь низенького щеголя Марка. Наверное, Кейли был рад, что отпечатки следов не так уж требовались.

Нет, открытого окна было достаточно; открытого окна и нескольких сломанных веток. Но тихонько, тихонько, Энтони не должен слышать. Однако он увидел тень на стене.

Теперь они вновь были снаружи на газоне, Билл и Энтони, и Билл, разинув рот, слушал теорию своего друга о вчерашних событиях. Она соединяла, она объясняла, но их-то не продвигала вперед ни на шаг. Только предлагала еще одну тайну для разгадки.

— Какую? — спросил Энтони.

— Марк. Где Марк? Если он вообще не заходил в кабинет, то где он теперь?

— Я ведь не утверждаю, что он вообще в кабинет не заходил. Собственно говоря, зайти туда он был должен. Элиси же слышала его. — Он умолк и медленно повторил: — Она слышала его, по крайней мере говорит, что слышала. Но если он был там, то вышел опять через дверь.

— Ну, и к чему это тебя приводит?

— Туда же, куда и Марка. В потайной ход.

— То есть, по-твоему, он все время прячется там?

Энтони молчал, пока Билл не повторил вопрос, а тогда, с большим усилием отвлекшись от своих мыслей, он ответил:

— Не знаю. Но послушай, есть возможное объяснение. Я не знаю, верное ли оно. Я не знаю, Билл. Я боюсь. Боюсь того, что могло произойти, того, что может произойти. Тем не менее вот объяснение. Попробуй найти в нем погрешности.

Вытянув ноги, сунув руки в карманы, откинувшись на спинку скамьи, он глядел на голубое летнее небо над собой, будто видел там проигрывание событий вчерашнего дня, и медленно перечислял их Биллу по мере того, как они происходили.

— Начнем с того момента, когда Марк застреливает Роберта. Назовем это непреднамеренной случайностью, вероятно, так оно и было. Марк в любом случае скажет так. Он в панике, что вполне естественно. Но он не запирает дверь и не убегает. Во-первых, ключ снаружи двери, во-вторых, он не настолько глуп. Однако он в жутком положении. Известно, что с братом он был в плохих отношениях; он только что выкрикнул дурацкую угрозу, которая могла быть услышана. Что делать? Он поступает наиболее для себя естественно, как всегда в подобных обстоятельствах. Он советуется с Кейли, бесценным неизбежным Кейли.

Кейли как раз снаружи, Кейли, должно быть, услышал выстрел. Кейли скажет ему, что делать. Он быстро объясняет. «Что делать, Кей? Что делать? Это произошло случайно. Клянусь, это произошло случайно. Он угрожал мне. Он бы застрелил меня, я сопротивлялся. Придумай что-нибудь и побыстрее!»

Кейли придумывает что-то. «Предоставь это мне. А сам исчезни отсюда. Если хочешь, его застрелил я. Все объяснения я беру на себя. Беги. Спрячься. Никто не видел, как ты

входил сюда. В потайной ход! Немедленно. Я приду к тебе, чуть смогу».

Надежный Кейли. Верный Кейли! Мужество возвращается к Марку. Кейли все объяснит. Кейли скажет слугам, что это был несчастный случай. Он позвонит в полицию. Никто не заподозрит Кейли — Кейли с Робертом не ссорился. А затем Кейли придет в потайной ход и скажет ему, что все в порядке. Марк выйдет с другого конца и неторопливо вернется назад в дом. Кто-нибудь из слуг сообщит ему о произошедшем. Роберт случайно застрелен? Великий Боже!

Совсем успокоившись, Марк идет в библиотеку. А Кейли идет к двери кабинета и... запирает ее. Затем барабанит в дверь и кричит: «Открой дверь!»

Энтони умолк. Билл посмотрел на него и покачал головой.

— Да, Тони. Только я смысла не вижу. Зачем Кейли вести себя так?

Энтони пожал плечами и ничего не сказал.

— А что произошло с Марком после?

Энтони снова пожал плечами.

— Ну, чем скорее мы спустимся в этот проход, тем лучше, — сказал Билл.

— Ты готов?

— Абсолютно, — с удивлением ответил Билл.

— Ты абсолютно готов к тому, что мы можем там найти?

— Ты чертовски загадочен, старина.

— Знаю, знаю. — Он чуть засмеялся и продолжал: — Возможно, я просто осел. Мелодраматичный осел. Ну, надеюсь, что так. — Он взглянул на свои часы.

— Это же безопасно, ведь так? Они все еще толкутся у пруда.

— Лучше удостовериться. Билл, ты можешь стать ищейкой, одной из тех, что передвигаются ползком совершенно беззвучно? То есть, сумеешь ли ты подобраться к пруду достаточно близко и проверить, там ли еще Кейли, так, чтобы он тебя не заметил?

— Более чем! — Он возбужденно вскочил. — Вот погоди!

Голова Энтони внезапно дернулась.

— Так ведь это сказал Марк! — вскричал он.

— Марк?

— Да. То, что слышала Элси.

— А, это...

— Полагаю, она не могла ошибиться, Билл? И слышала его?

— Спутать его голос она не могла, если ты об этом.

— О?

— Голос Марка на редкость своеобразен.

— О!

— Довольно высокий, знаешь ли, и... ну, объяснить это невозможно, однако...

— Да?

— Ну, примерно такой, знаешь ли, или даже сверх того. — Он протрещал эти слова довольно монотонным пронзительным голосом Марка, а затем рассмеялся и добавил своим обычным голосом: — Послушай, а получилось очень даже неплохо.

Энтони быстро кивнул.

— Похоже?

— Точь в точь.

— Так-так. — Он встал и стиснул локоть Билла. — Ну, сходи проверь Кейли. И тогда

мы начнем действовать. Я буду в библиотеке.

— Ладненко.

Билл кивнул и направился к пруду. Приключение что надо! Жизнь на полную катушку! Предстоящая программа никак не могла быть лучше. В первую очередь выследить Кейли. Над прудом примерно в ста ярдах от него есть рошица. Он войдет в нее с противоположной стороны, осторожно прокрадется между деревьями, следя, чтобы ни единый прутик не хрустнул, а затем на животе подползет к краю обрывчика и прищурится на происходящее внизу. В книгах люди все время проделывали подобное, и он испытывал к ним беспомощную зависть. Ну, а теперь он сам проделает все это. Приключение — лучше не бывает!

А затем, когда он вернется незамеченным в дом и отрапортует Энтони, они исследуют потайной ход! Опять-таки приключение что надо! Даже если ты ничего не найдешь, факт останется фактом; потайной ход — это потайной ход, и в нем может случиться что угодно. Но даже и тут этому волнительному дню не придет конец. Ночью они будут наблюдать за прудом, будут следить за Кейли в лунном свете, увидят, как он швырнет в пруд... что? Револьвер? В любом случае они будут следить за ним. Приключение что надо!

Энтони, который был старше и понимал, в какой трясине они могут увязнуть, не находил то, что им предстояло, увлекательным приключением. Но было это поразительно интересным. Он увидел так много, и все-таки что-то оставалось не в фокусе. Будто смотришь на опал и при каждом его движении замечаешь какой-то новый оттенок, какой-то новый отблеск отраженного света, и все же не видишь опала по-настоящему, как нечто целое. Он не то слишком близко, не то слишком далеко. Энтони напрягал глаза и давал глазам отдохнуть. Бесполезно. Его мозг не был в состоянии запечатлеть это.

Но были моменты, когда он почти улавливал... и тут же отворачивался. В жизни он видел больше, чем Билл, но никогда прежде не видел убийства. И нечто, которое маячило в его сознании теперь, к которому он боялся прислушаться, не было совершено в горячем запале, какому может поддаться любой человек, потерявший контроль над собой. Это было нечто несравненно более ужасное. Слишком ужасное, чтобы быть правдой. Так пусть он опять поглядит в поисках правды. Он опять поглядел... но все оставалось не в фокусе.

— Я НЕ буду глядеть опять, — сказал он вслух, когда пошел к дому. — Во всяком случае, пока еще.

Он и дальше будет собирать факты и впечатления. Быть может, какой-то факт явится сам собой и прояснит остальное.

Глава XIV

МИСТЕР БЕВЕРЛИ БЛИСТАЕТ СЦЕНИЧЕСКИМ ТАЛАНТОМ

Билл вернулся и отрапортовал, слегка запыхавшись, что Кейли все еще у пруда.

— Но, по-моему, они ничего, кроме ила, оттуда не выгребают, — сказал он. — Почти всю дорогу назад я бежал, чтобы выиграть для нас побольше времени, насколько получится.

Энтони кивнул.

— Ну, так идем, — сказал он. — Чем раньше, тем быстрее.

Они стояли перед строем проповедей. Энтони извлек прославленный труд преподобного Теодора Ашера и нащупал пружину. Билл потянул, секция распахнулась перед ними.

— Черт побери! — сказал Билл. — Ну и узкий же путь!

Перед ними был проем в квадратный ярд, смахивающий на кирпичный камин, приподнятый над полом примерно на два фута. Но, если не считать одного ряда кирпичей, вместо пола зияла пустота. Энтони вынул из кармана фонарик и осветил в черноту.

— Смотри! — шепнул он возбужденному Биллу. — Там начинаются ступеньки. Ниже в шести футах.

Он опять осветил фонариком. В кирпичах перед ними тянулся железный поручень, будто огромная железная скрепка.

— На нем повисают, — сказал Билл. — По крайней мере мне так представляется. Интересно, как Рут Норрис это понравилось?

— Полагаю, ей помог Кейли... Странно!

— Первым полезу я? — спросил Билл с явным нетерпением.

Энтони с улыбкой покачал головой.

— Если ты не очень против, спущусь я, Билл. На всякий случай.

— На случай чего?

— Ну-у... на всякий случай.

Биллу пришлось удовлетвориться этим, но он был слишком взволнован, чтобы задумываться над словами Энтони.

— Ладненько, — сказал он. — Валяй.

— Сначала убедимся, что сможем вернуться. Будет нечестно по отношению к инспектору, если мы застрянем там до конца наших дней. Ему и так хватает хлопот с поисками Марка, и если он должен будет еще разыскивать тебя и меня...

— Но мы же всегда можем вылезти с того конца.

— Абсолютной уверенности у нас нет. Думаю, мне следует спуститься и вернуться. Свято обещаю исследованиями не заниматься.

— Ладненько.

Энтони сел на кирпичный порожек, перекинул через него ноги и свесил их вниз. Вновь осветил фонариком в темноту, проверяя, где начинаются ступеньки, затем вернул фонарик в карман, ухватился за поручень перед собой и повис. Его подошвы коснулись ступеньки, и он отпустил руку.

— Все в порядке? — с тревогой спросил Билл.

— В полном. Я просто спущусь до конца ступенек и сразу вернусь. Оставайся там.

Фонарик освещал его ноги. Голова постепенно скрывалась из вида. Билл, вытягивая шею, несколько секунд продолжал видеть слабые брызги света и слышать медленные неуверенные шаги. Еще минуту он воображал, будто все еще видит и слышит их, затем остался совсем один.

Ну, не совсем один. Неожиданно в вестибюле снаружи раздался голос.

— Господи Боже! — сказал Билли, вздрогнув, и обернулся к двери. — Кейли!

Пусть он не соображал так быстро, как Энтони, но действовал быстро. Сейчас соображать не требовалось. Закрывать потайную дверь плотно, но бесшумно, удостовериться, что книги на своих местах, отойти к другой секции, чтобы быть застигнутым с «Бадминтоном» или «Бедекером», или с кем-нибудь еще, кого добрые боги пошлют ему на выручку, в руках. — Трудность заключалась не в том, чтобы решать, что делать, но сделать все это за пять секунд, а не за шесть.

— А! Вот вы где, — сказал Кейли с порога.

— Приветик! — удивленно сказал Билл, поднимая голову от четвертого тома «Жизни и творчества Самюэля Тейлора Кольриджа». — Так они закончили?

— Что закончили?

— Да с прудом, — сказал Билл, прикидывая, почему он читает про Кольриджа в такой прекрасный день. Он отчаянно попытался найти этому убедительную причину... проверяет цитату, из-за которой поспорил с Энтони. Сойдет. Но КАКУЮ цитату?

— Нет, они все еще там. А где Джиллингем?

«Старый моряк»... вода, вода везде... или что-то другое? И где Джиллингем? Вода, вода, одна вода...

— Тони? Да где-нибудь тут. Мы как раз собираемся в деревню. В пруду они ничего не нашли, или как?

— Нет. Но им правится его проверять. Им станет легче, когда они смогут сказать, что проверили его.

Билл, погруженный в свою книгу, поднял голову и сказал «да» и снова погрузился в книгу. Он как раз добрался до нужного места.

— А что это за книга? — сказал Кейли, подходя к нему. Подходя, он скосил глаза на полку с проповедями. Билл заметил этот взгляд и забеспокоился. Что-нибудь там выдаст его секрет?

— Просто искал цитату, — протянул он. — Мы с Тони поспорили. Знаете вот это, про... э... вода, вода, одна вода и... э... нечего нам пить.

— «Мы ничего не пьем», если быть точнее.

Билл посмотрел на него с изумлением. И тут счастливая улыбка озарила его лицо.

— Вы уверены?

— Конечно.

— Тогда вы избавили меня от занудных поисков. — Он захлопнул книгу, поставил на полку и начал нашаривать трубку и табак. — Я был идиотом, что заключил с Тони пари, — добавил он. — Он всегда знает про всякое такое.

Пока неплохо. Однако Кейли все еще торчит в библиотеке, а Энтони в проходе ни о чем не подозревает. Когда Энтони вернется, он не удивится, что дверь закрыта, ведь он полез туда, чтобы проверить, сумеет ли он открыть ее изнутри без труда. В любую секунду секция могла повернуться, а в просвете — Энтони! Приятнейший сюрприз для Кейли!

— Пойдете с нами? — спросил он небрежно, чиркая спичкой. И энергично затянулся, разжигая огонек в ожидании ответа, надеясь скрыть свою тревогу. Ведь если Кейли примет приглашение, ему конец!

— Мне надо съездить в Стэнтон.

Билл выпустил огромное облако дыма с громким выдохом, который, кроме того, замаскировал прочувствованный вздох облегчения.

— Какая жалость! Полагаю, вы возьмете автомобиль?

— Да. Он вот-вот подъедет. Но сначала я должен написать письмо.

Он сел к письменному столу и вынул лист почтовой бумаги.

Сидел он лицом к потайной двери; он увидит, если она откроется. А открыться она может в любую секунду.

Билл упал в кресло и задумался. Необходимо предостеречь Энтони. Это-то очевидно, но как? Каким образом один сигналит другому? С помощью азбуки. Азбуки Морзе. Знает ли ее Энтони? А сам Билл, если на то пошло? Он немножко ознакомился с ней в армии, но, конечно, не настолько, чтобы отправлять сообщения. Ни о каких сообщениях вообще и речи быть не может Кейли же услышит, как он выстукивает свое предупреждение. Нет, одну букву, не больше. Какие буквы он знает? И какая буква подскажет что-то Энтони? Он сделал затяжку, переводя взгляд от Кейли к преподобному отцу Ашеру на его полке. Какая буква?

«К» для Кейли? Поймет ли Энтони? Вероятно, нет, но попытаться стоит. А как выстукивается «К»? Тире, точка, тире. «Каак-же-таак». Так ли? «К» — да, это было «К». Он абсолютно уверен. «Каак-же-таак».

Сунув руки в карманы, он встал и принялся бродить по комнате, напевая себе под нос. Ни дать ни взять, человек, ожидающий, чтобы другой человек (например, его друг Джиллингом) вошел бы и увел бы его погулять или для чего-нибудь еще. Он свернул к книгам за спиной Кейли и начал рассеянно постукивать по полкам, читая названия на корешках. «Каак-же-таак». Не то чтобы это получалось. Вначале ему никак не удавалось выдержать ритм.

«КААК-ЖЕ-ТААК». Уже похоже. Теперь он вернулся к Кольриджу Самюэлю Тейлору Энтони вот-вот его услышит. «КААК-же-ТААК»; всего лишь рассеянное постукивание человека, который прикидывает, какую книгу взять, чтобы почитать на садовой скамье. Услышит ли Энтони? Всегда ведь слышишь, как сосед за стеной выбивает свою трубку. Поймет ли Энтони? «КААК-же-ТААК». «К», то есть Кейли, Энтони. Кейли здесь. Бога ради подожди.

— Бог мой! Проповеди! — сказал Билл с громким смехом. («КААК-же-ТААК»). — Когда-нибудь читали их, Кейли?

— Что? — Кейли внезапно поднял голову. Спина Билла медленно двигалась вдоль полок, его пальцы выбивали на них дробь.

— Э... нет, — сказал Кейли со смешком. Неловким, неуютным смешком, как показалось Биллу.

— Вот и я нет. — Он уже прошел мимо проповедей — мимо потайной двери, но все так же рассеянно постукивал пальцами.

— Бога ради, сядьте! — взорвался Кейли. — Или идите на воздух, раз вам приспичило ходить взад-вперед.

Билл изумленно обернулся.

— Э-эй, в чем дело?

Кейли слегка устыдился своей вспышки.

— Простите, Билл, — извинился он. — Нервы у меня никуда. Ваше непрерывное постукивание и мельтешение...

— Постукивание? — сказал Билл с видом полнейшего удивления.

— Постукивание по полкам и бормотание. Простите, это действует мне на нервы.

— Мой дорогой старикан, я жутко извиняюсь. Ухожу в вестибюль.

— Не стоит извинений, — сказал Кейли и вернулся к своему письму.

Билл снова сел в свое кресло. Понял ли Энтони? Ну, во всяком случае, теперь остается ждать, чтобы Кейли ушел. «А если вы спросите меня, — сказал себе Билл, крайне довольный, — то мне следует играть на сцене. Вот, где мое место. Актер с головы до пят».

Минута, две минуты, три минуты... пять минут. Все в порядке. Энтони догадался.

— Это автомобиль? — спросил Кейли, запечатывая письмо.

Билл неторопливо вышел в вестибюль, ответил «да» и прошел наружу поговорить с шофером. Они постояли там минуту-другую.

— Привет, — раздался приятный голос позади них. Они обернулись и увидели Энтони.

— Извини, Билл, что заставил тебя ждать.

Колоссальным усилием Билл скрыл свои чувства и достаточно небрежно ответил, что ничего страшного.

— Ну, мне пора, — сказал Кейли. — Направляйтесь в деревню?

— Да, вроде бы.

— А не могли бы вы оказать мне услугу занести письмо в «Джелленд»?

— Разумеется.

— Большое спасибо. Ну, увидимся позже.

Он кивнул и сел в автомобиль.

Едва они остались одни, как Билл возбужденно обернулся к своему другу.

— Ну? — сказал он вне себя от предвкушения.

— Пойдем в библиотеку.

Там Энтони рухнул в кресло.

— Дай дух перевести, — сказал он, почти задыхаясь. — Бежал со всех ног.

— Бежал?

— Естественно. Как, по-твоему, я вернулся сюда?

— То есть ты вылез с того конца?

Энтони кивнул.

— А ты слышал, как я стучал?

— Еще бы! Билл, ты гений.

Билл порозовел.

— Я знал, что ты поймешь, — сказал он. — Ты догадался, что я сигналю про Кейли?

— Угу. Наименьшее, чем я мог ответить на твою находчивость. Ты, видимо, провел волнующие полчаса.

— Волнующие? Господи Боже, еще бы!

— Так рассказывай.

Со всей возможной скромностью мистер Беверли объяснил свое право играть на театральной сцене.

— Молодчага! — сказал Энтони в заключение. — Ты идеальнейший Ватсон из всех, когда-либо живших. Билл, мой мальчик, — продолжал он драматично, вставая и беря руку

Билла в свои, — чего только не могли бы мы достичь, пораскинув вместе мозгами.

— Осел ты старый!

— Ты всегда так говоришь, когда я серьезен. Ну, как бы то ни было, я жутко благодарен.

Ты действительно спас нас.

— Ты возвращался?

— Да. То есть, полагаю, что да. Я как раз прикидывал, когда услышал твои стуки. То, что дверь оказалась закрытой, было некоторой неожиданностью. Конечно, вся идея заключалась в проверке, легко ли она открывается с той стороны, однако я почувствовал, что ты не стал бы ее закрывать до самой последней секунды — пока не увидел бы, что я возвращаюсь. Ну, затем я услышал постукивания и понял, что они должны что-то означать, а потому затаился. Потом, когда начало повторяться «К», я сказал: «Кейли, черт подери!» и припустил к другому концу что было сил. Подумал, что ты можешь запутаться, объясняя, где я и все прочее.

— Значит, Марка ты не видел?

— Нет. Ни его... Нет, я ничего не видел.

— Ни его... что?

Энтони секунду помолчал.

— Я ничего не видел, Билл. Вернее, кое-что я увидел. Я увидел дверь в стене. Стенной шкаф. И он был заперт. Так что, если мы можем найти что-нибудь, то оно там.

— А Марк мог прятаться в нем?

— Я окликнул в замочную скважину шепотом: «Марк, ты тут?» Он бы подумал, что это Кейли. Никакого ответа.

— Ну, так спустимся и попытаемся еще раз. Наверное, сумеем открыть эту дверь.

Энтони покачал головой.

— Так я вообще туда не спущусь? — сказал Билл с огромным разочарованием.

В ответ Энтони задал новый вопрос:

— Кейли умеет управлять автомобилем?

— Да, конечно. А что?

— Значит, он может спокойно высадить шофера и поехать в Стэнтон один, или куда-нибудь еще, если бы захотел?

— Наверное... Если бы захотел.

— Да. — Энтони встал. — Вот что. Поскольку мы сказали, что идем в деревню и поскольку мы обещали занести это письмо, мне кажется, нам следует и пойти, и занести.

— А!

— «Джелленд». Что ты мне объяснял? Ах, да. Вдова Норбери.

— Точно. Кейли очень интересовался дочкой. Письмо ей.

— Да. Ну что же, занесем. Просто, чтобы все было в ажуре.

— А для меня потайной ход вообще под запретом? — сказал Билл сердито.

— Там правда не на что смотреть. Честное слово.

— Такая загадочность! Что тебя расстроило? Ты там что-то видел, верно? Я в этом уверен.

— Да. И я тебе сказал.

— Вот и нет. Ты просто сказал мне про дверь в стене.

— Вот именно, Билл. И она заперта. И меня пугает то, что может быть за ней.

— Но мы же так никогда и не узнаем, что это может быть, если не пойдем на разведку.

— Узнаем сегодня ночью, — сказал Энтони, беря Билла за локоть и ведя его в вестибюль, — наблюдая, что наш дорогой друг Кейли бросит в пруд.

Глава XV

МИССИС НОРБЕРИ ДОВЕРЯЕТСЯ МИЛОМУ МИСТЕРУ ДЖИЛЛИНГЕМУ

Они свернули с тракта и пошли по проселку через луга, которые покато спускались к «Джелленду». Энтони молчал, а поскольку долго поддерживать разговор с молчащим собеседником нелегко, Билл тоже умолк, а точнее, принялся напевать себе под нос, сбивать тростью головки репейников среди травы и производить неизящные звуки своей трубкой. Однако он заметил, что его спутник то и дело оглядывается через плечо, словно хочет запомнить на будущее путь, который они выбрали. Хотя никаких трудностей он не таил, поскольку тракт все время оставался виден, и строй деревьев над длинной оградой парка по ту сторону тракта четко рисовался на фоне неба.

Энтони, вновь оглянувшись, расплылся в улыбке.

— И в чем шутка? — спросил Билл, обрадовавшись предлогу пообщаться.

— Кейли. Разве ты не заметил?

— Чего не заметил?

— Автомобиля. Проехал мимо по дороге.

— Ах, ВОТ, что ты высматривал. У тебя чертовски острые глаза, мой мальчик, раз ты узнаешь автомобиль с такого расстояния, хотя видел его всего два раза.

— Ну, глаза у меня, и правда, чертовски острые.

— Я думал, он едет в Стэнтон.

— Он явно надеялся, что ты будешь так думать. Это очевидно.

— Ну, и куда же он едет?

— В библиотеку, вероятно. Проконсультироваться с нашим другом Ашером. Но сначала удостоверившись, что его друзья Беверли и Джиллингем и *в самом деле* идут в «Джелленд», как сказали.

Билл внезапно остановился посреди луга.

— Ты правда так считаешь?

Энтони пожал плечами.

— Чему тут удивляться? Мы должны причинять ему дьявольские неудобства, ошиваясь в доме. Любое время, когда он может быть уверен, что мы определенно где-то еще, должно быть ему крайне полезно.

— Полезно для чего?

— Ну, во всяком случае, для его нервов, если не для чего-нибудь еще. Мы знаем, что он замешан в этом деле; мы знаем, что он скрывает секрет-другой. Даже если он не подозревает, что мы идем по его следу, он должен опасаться, что в любой момент мы наткнемся на что-то.

Билл утвердительно буркнул, и они медленно пошли дальше.

— А как насчет ночи? — сказал он после того, как тщетно попытался продуть свою трубку.

— Попробуй травинкой, — посоветовал Энтони, протягивая ему стебелек.

Билл засунул стебелек в мундштук, снова подул, сказал «так-то лучше» и вернул трубку в карман.

— А как мы выберемся из дома, чтобы Кейли не узнал?

— Ну, это надо обмозговать. Придется трудновато. Жаль, что мы не ночуем в гостинице. А это, случайно, не мисс Норбери?

Билл быстро поднял голову. Они уже почти подошли к «Джелленду», старому фермерскому дому, крытому соломой, который после столетий глубокого сна пробудился в новом мире и тут же отрастил крылья; однако крылья настолько скромные, что они не принесли с собой никаких явных перемен в характере, и «Джелленд» даже с сортиром все еще был «Джеллендом». Во всяком случае, снаружи. Внутри он, с несомненностью, отражал миссис Норбери.

— Да. Анджела Норбери, — прошептал Билл. — И недурна, верно?

Девушка, которая стояла у маленькой белой калитки «Джелленда», была отнюдь не просто «недурна», но в этом вопросе Билл приберегал свои превосходные степени для другой. В глазах Билла ее следовало судить и осудить за все, отличавшее ее от Бетти Колледайн. Энтони, не стесненному этими мерками сравнений, она показалась попросту говоря настоящей красавицей.

— Кейли попросил нас занести письмо, — объяснил Билл по завершении обязательных рукопожатий и представлений. — Вот, пожалуйста.

— Вы передадите ему, не правда ли, как я сожалею о... о том, что случилось? Так трудно сказать что-то, так трудно даже поверить. Если то, что мы слышали, правда.

Билл кратко изложил в общих чертах события вчерашнего дня.

— Да... И мистера Эблетта еще не нашли?

— Нет.

Она расстроено покачала головой.

— И все-таки кажется, будто случилось это с кем-то другим, с кем-то вовсе нам не знакомым. — Затем с внезапной серьезной улыбкой, включавшей их обоих: — Но вы должны войти и выпить чаю.

— Жутко любезно с вашей стороны, — сказал Билл неловко, — но мы... э...

— Но ведь вы зайдете, правда? — сказала она Энтони.

— Большое спасибо.

Миссис Норбери была в восторге видеть их у себя, как всегда бывала в восторге видеть в своем доме любого мужчину, который подходил под определение «хорошая партия». Когда труд ее жизни завершится и суммируется в этих прекрасных словах: «Брак объявлен и скоро будет заключен между Анджелой Норбери, дочерью покойного Джона Норбери...», тогда она произнесет с благодарностью «Nunc dimittis»^[6] и в покое удалится... в мир иной, если Небеса настоят, но предпочтительнее в более достойный дом своего нового зятя. Ведь, без сомнения, «хорошая партия» имеет и иные толкования.

Однако визитеры из Красного Дома были приняты сегодня с таким энтузиазмом вовсе не как «хорошие партии», и хотя на ее губах присутствовала особая улыбка, предназначенная для «возможных», была она скорее инстинктивной, чем осознанной. В этот момент миссис Норбери хотела лишь узнать новости — новости о Марке. Потому что наконец-то она преуспела, и если бы столбцы помолвок в «Морнинг пост» предварялись бюллетенями, как столбцы извещений о кончинах, то вчерашнее объявление победоносно бы прокричало всему миру — или значимой его части — «Брак устроен (миссис Норбери) и, безусловно, будет заключен между Анджелой Норбери, дочерью покойного Джона Норбери, и Марком Эблеттом, владельцем Красного Дома». И, наткнувшись на него по пути к спортивным

страницам, Билл удивился бы. Ведь он думал, что это должен был быть Кейли.

А для девушки это был не тот и не другой. Ее часто забавляли ухищрения ее маменьки; иногда она стыдилась их, иногда они ее угнетали. Заигрывания с Марком Эблеттом действовали на нее особенно угнетающе, поскольку Марк так очевидно был в союзе с ее маменькой против нее. Другие претенденты, которым ее маменька улыбалась, были озадачены такой рьяной поддержкой. Сам Марк, казалось, полагался на нее не меньше, чем на собственные достоинства, какими бы замечательными он их ни считал. Они вместе занимались ухаживанием. И было чистым удовольствием общаться с Кейли, который вообще как партия не котировался.

Но увы! Кейли понял ее неправильно. Она даже вообразить не могла Кейли влюбленным, пока не заметила его заблуждение и не попыталась слишком поздно положить этому конец. Случилось это четыре дня назад. С тех пор она его больше не видела, а теперь вот это письмо. Она боялась его вскрыть. И было большим облегчением, что у нее хотя бы есть предлог не вскрывать его, пока их гости не уйдут.

Миссис Норбери немедленно сообразила, что в Энтони найдет более сочувственного слушателя и, когда чай был допит и Билл с Анджелой отправлены в сад с незамедлительностью и компетентностью знатока своего дела, милый мистер Джиллингем оказался на кушетке рядом с ней, слушая много всякой всячины, которая была ему куда интереснее, чем она могла бы надеяться.

— Ужасно, ужасно, — сказала она. — И предположить, что милый мистер Эблетт...

Энтони издал требуемые звуки.

— Вы же сами видели мистера Эблетта. Более доброго, более сердечного человека...

Энтони объяснил, что сам он мистера Эблетта не видел.

— Ах да, конечно! Я запомню. Но поверьте мне, мистер Джиллингем, в подобных делах вы можете положиться на женскую интуицию.

Энтони сказал, что уверен в этом.

— Подумайте о моих чувствах как матери.

Энтони думал о чувствах мисс Норбери и прикидывал, догадывается ли она, что в эти минуты ее личная жизнь обсуждается с совершенно посторонним человеком. И все же что он мог поделаться? Что, собственно, он предпочел бы делать, кроме как сидеть и слушать в надежде узнать что-то? Марк помолвлен или вот-вот должен был быть помолвлен? Имеет ли это какую-то связь со вчерашними событиями? Что, например, подумала бы миссис Норбери о братце Роберте, этом семейном скелете? Не было ли это еще одной причиной пожелать избавиться от брата Роберта?

— Мне он никогда не нравился, никогда.

— Никогда не нравился?.. — повторил Энтони в полном недоумении.

— Этот его кузен, мистер Кейли.

— А!

— Скажите, мистер Джиллингем, разве я такая женщина, чтобы доверить мою девочку человеку, который взял бы и застрелил своего единственного брата?

— Я убежден, что нет, миссис Норбери.

— Если и стреляли, конечно, это был кто-то другой.

Он вопросительно посмотрел на нее.

— Мне он никогда не нравился, — сказала миссис Норбери категорически. — Никогда.

Однако, сказал себе Энтони, это еще не делает Кейли убийцей.

— А как мисс Норбери относилась к нему? — спросил он осторожно.

— В этом не было абсолютно *ничего*, — сказала мать мисс Норбери с ударением, — *ничего*! Я повторю это кому угодно.

— О! Прошу у вас прощения. Я вовсе не имел в виду...

— Абсолютно ничего. Я могу сказать это за милую Анджелу с совершенной уверенностью. Всякий раз, когда он делал ей авансы... — Она умолкла, пожав пухлыми плечами.

Энтони неторопливо ждал продолжения.

— Натурально, они встречались. Возможно, он даже... не знаю. Но мой долг как матери был ясен, мистер Джиллингем.

Мистер Джиллингем ограничился ни к чему не обязывающим звуком.

— Я сказала ему совершенно откровенно... Как бишь я выразилась? Что он позволяет себе лишнее. Тактично, конечно, но откровенно.

— То есть, — сказал Энтони, пытаясь выдержать нейтральный тон, — вы поставили его в известность, что... э... мистер Эблетт и ваша дочь...

Миссис Норбери закивала.

— Вот именно. Долг матери, мистер Джиллингем.

— Я убежден, миссис Норбери, что ничто не воспрепятствует вам исполнить ваш долг. Но это не могло не быть тягостным. Особенно, если вы не были всецело уверены...

— Он был увлечен, мистер Джиллингем. Явно увлечен.

— Но кто не был бы? — сказал Энтони с чарующей улыбкой. — Для него, наверное, явилось большим ударом, что...

— Как раз поэтому я и была рада, что высказалась. Я сразу увидела, что откладывать было никак нельзя.

— Наверное, при следующей встрече... — намекнул Энтони.

— Натурально, его ноги больше здесь не было. Без сомнения, им пришлось бы встретиться в Красном Доме рано или поздно.

— А, так значит, это произошло совсем недавно?

— На прошлой неделе, мистер Джиллингем. Я успела как раз вовремя.

— А! — сказал Энтони про себя. Именно этого он и ждал.

Он предпочел бы уйти, чтобы обдумать эту новую ситуацию наедине с собой, или, пожалуй, предпочтительнее было бы обменяться собеседницами с Биллом. Мисс Норбери вряд ли была готова довериться постороннему человеку с готовностью ее маменьки, но он мог бы что-то узнать, просто слушая ее. К кому из них она питала большее чувство — к Кейли или к Марку? Любила ли она кого-то из них, или ни того и ни другого? Надежной свидетельницей миссис Норбери была лишь в том, что касалось ее собственных действий или мыслей. Касательно них он узнал все, что требовалось, и сказать ему что-то полезное могла теперь только дочь. Но миссис Норбери продолжала говорить.

— Девочки так глупы, мистер Джиллингем, — говорила она. — К счастью, у них есть матери, чтобы руководить ими. Для меня с самого начала было очевидно, что милый мистер Эблетт — самый подходящий муж для моей дочурки. Вы никогда с ним не встречались?

Энтони вновь повторил, что никогда не видел мистера Эблетта.

— Такой джентльмен. Так очаровательно выглядевший на свой артистический лад. Чистый Веласкес... мне бы следовало сказать Ван-Дейк. Анджела твердила, что никогда не выйдет замуж за мужчину с бородой. Как будто *это* имеет значение, когда... — Она

замолчала, и Энтони закончил за нее:

— Красный Дом бесспорно очарователен.

— Очарователен. Абсолютно очарователен. И внешность мистера Эблетта ни в чем не могла заслужить упрек. Напротив. Я уверена, вы согласны со мной?

Энтони сказал, что он не имел удовольствия видеть мистера Эблетта.

— Да. И в самом центре литературного и артистического мира. Такой привлекательный во всех отношениях.

Она испустила глубокий вдох и пообщалась сама с собой. Энтони собрался воспользоваться удобным случаем и откланяться, но миссис Норбери вновь заговорила.

— А затем появление этого его брата. Он был со мной совершенно откровенен, мистер Джиллингем. Всегда. Он рассказал мне про этого брата, и я заверила его, что, по моему твердому убеждению, это никак не повлияет на чувства моей дочери к нему... В конце-то концов, брат был в Австралии.

— Когда это было? Вчера? — Энтони почувствовал, что, если Марк упомянул об этом только после того, как его брат предупредил о своем визите в Красный Дом, за его абсолютной откровенностью крылась немалая мудрость.

— Это не могло быть вчера, мистер Джиллингем. Вчера... — Она содрогнулась и покачала головой.

— Я подумал, может быть, он побывал у вас утром.

— О, нет! Ведь, мистер Джиллингем, можно быть чересчур настойчивым поклонником. Утром — о, нет! Мы были согласны, что милая Анджела... О, нет! Нет. Позавчера, когда он заглянул примерно к чаю.

Энтони пришло в голову, что миссис Норбери заметно отклонилась от своего первоначального утверждения, будто Марк и мисс Норбери были практически помолвлены. Она теперь проговорила, что милую Анджелу нельзя было торопить, что у милой Анджелы не было ни малейшего желания вступить в этот брак.

— Позавчера. Случайно милой Анджелы не оказалось дома. Не то чтобы это имело значение. Он направлялся в Миддлстон. У него еле хватило времени на чашку чая, так что, даже будь она дома...

Энтони рассеянно кивнул. Что-то новенькое. Зачем Марк ездил в Миддлстон позавчера? Но, в конце-то концов, почему бы и нет? Туда его могли привести сотни причин, никак не связанных со смертью Роберта.

Он встал, чтобы уйти. Ему хотелось побыть одному — одному, пусть и с Биллом. Миссис Норбери дала ему большую пищу для размышлений, но важнейший всплывший факт заключался в том, что у Кейли была причина ненавидеть Марка. Эту причину дала ему миссис Норбери. Ненавидеть? Ну, во всяком случае, ревновать. Но и этого было достаточно.

— Видишь ли, — сказал он Биллу, когда они возвращались, — мы знаем, что Кейли дает ложные показания, ставя себя под угрозу, и быть это может по одной из двух причин: чтобы спасти Марка или чтобы навлечь на него опасность. Иными словами, он либо целиком за него, либо целиком против. Ну, так теперь мы знаем, что он против него, бесспорно против.

— Но, послушай, знаешь ли, — запротестовал Билл, — вовсе не обязательно пытаться погубить своего соперника в любви.

— Неужели? — сказал Энтони, обращившись к нему с улыбкой.

Билл порозовел.

— Ну, конечно, знать заранее нельзя, но я имел в виду...

— Возможно, ты не попытаешься погубить его, Билл, но ты не станешь лжесвидетельствовать, чтобы вызволить его из беды, которую он сам на себя навлек.

— Господи! Конечно, нет!

Они уже подошли к калитке последнего луга, которая отделяла их от тракта, и, пройдя ее, повернулись и облокотились на нее, чтобы перевести дух и посмотреть вниз на дом, который только что покинули.

— Чертовски милый домик, верно? — сказал Билл.

— Очень, но довольно таинственный.

— В каком смысле?

— Где, например, парадная дверь?

— Парадная дверь? Так ты же только что вышел из нее.

— Но к ней нет ни подъездной аллеи, ни дороги, вообще ничего.

Билл засмеялся.

— Да. В том-то и смак для некоторых людей. И вот почему дом так дешев и Норбери, полагаю, могут себе его позволить. Они не слишком состоятельны.

— Но как насчет багажа и торговцев, и тому подобного?

— Ну, проселок-то имеется. Однако автомобили дальше тракта проехать не могут. — Он обернулся и показал: — Вон там. Так что миллионеры приобретать его на уик-энды не станут. Разве что решат соорудить подъездную дорогу и гараж, и все прочее.

— Угу, — сказал Энтони небрежно. Они повернулись и зашагали дальше по тракту. Но позднее он припомнил этот случайный разговор у калитки и понял всю его важность.

Глава XVI

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К НОЧИ

Что Кейли собирается припрятать ночью в пруду? Энтони полагал, что уже знает это. Труп Марка.

С самого начала он видел неизбежность этого ответа и пятился от него. Ведь если Марк был убит, это выглядело таким хладнокровным убийством! По плечу ли оно Кейли? Билл сказал бы: «Нет!» Но потому лишь, что он завтракал с Кейли, разделял с ним ланч и обедал с ним; поддразнивал его и играл с ним в разные игры. Билл сказал бы: «Нет!», потому что сам он никого хладнокровно не убил бы, и потому, что считал само собой разумеющимся, что другие люди ведут себя примерно так же, как он.

Но у Энтони подобных иллюзий не было. Убийства совершались, убийство было совершено здесь, что подтверждалось трупом Роберта. Так почему бы и не еще одно убийство?

Был ли Марк вообще в кабинете в то время? Единственным свидетельством (помимо показаний Кейли, которые в счет не шли) был рассказ Элси. Элси была неколебимо убеждена, что слышала его голос. Предположим, в тот час у Кейли вспыхнула ссора с кузеном из-за девушки, которая нравилась обоим? Предположим, Кейли убил Марка либо сознательно в припадке гнева, либо случайно, намереваясь только оглушить его. Предположим, произошло это в потайном проходе, скажем, в два часа дня, так как либо Кейли сознательно заманил его туда, либо Марк сам предложил спуститься туда. (Было нетрудно вообразить, что Марк постоянно смаковал наличие потайного хода в его доме). Вообразим Кейли там с трупом у его ног, ощущающего петлю на шее. Его мысли мечутся туда-сюда, отчаянно ища спасительный выход из положения; и вообразим, что внезапно и вне всякой связи с происшедшим он вспоминает, что днем в три часа в дом явится Роберт... Машинально он взглядывает на свои часы... через полчаса.

Через полчаса. Необходимо что-то придумать... быстрее, быстрее. Схоронить ли труп тут и создать впечатление, будто Марк сбежал, напуганный одной только мыслью о приезде брата? Но в столовой за завтраком Марк, казалось, был раздосадован воскрешением черной овцы, однако испуганным ничуть не выглядел. Нет, теория, шитая белыми нитками. Но, предположим, Марк действительно увиделся с братом и поссорился с ним; предположим, это могло быть представлено так, будто Роберт убил Марка... Энтони вообразил Кейли стоящим над мертвым телом своего кузена. Как представить Роберта убийцей, если Роберт был бы жив и отрицал бы это? Но, предположим, Роберт тоже был бы мертв?

Он опять смотрит на свои часы. (Только двадцать пять минут теперь.) Предположим, Роберт тоже был бы мертв? Роберт мертвый в кабинете, и Марк мертвый в проходе — чем это поможет? Безумие! Но если трупы каким-то образом совместить... А смерть Роберта выглядела бы самоубийством?.. Осуществимо ли это?

Опять-таки безумие. Слишком трудно. (Теперь только двадцать минут.) Слишком трудно устроить все это за двадцать минут. Невозможно изобразить самоубийство. Слишком трудно... только девятнадцать минут...

И тут внезапное озарение! Роберт мертвый в кабинете, тело Марка спрятано в проходе. Невозможно представить Роберта убийцей, но Марка — так просто! Роберт мертв, а Марка нигде нет... Это же сразу само собой напрашивается. Марк убил Роберта — случайно; да, так

более правдоподобно — и затем скрылся. Внезапная паника... (Он опять смотрит на свои часы. Пятнадцать минут, но теперь времени хоть отбавляй. Все устраивается само собой.)

Это разгадка, прикидывал Энтони. Она словно бы согласуется с фактами, насколько они им известны; однако с ними согласовывалась и другая теория, которую он изложил Биллу утром.

— Так какая же? — сказал Билл.

Они вернулись из «Джелленда» через парк и сидели в рощице над прудом, от которого инспектор и его рыболовы наконец удалились. Билл с открытым ртом выслушал теорию Энтони, причем, если не считать отдельных «черт подери!», выслушал в молчании. «Большой ловкач, Кейли» — вот все, что он сказал под конец.

— А другая теория?

— Марк убил Роберта случайно и воззвал к Кейли о помощи, и Кейли, спрятав его в проходе, запер дверь кабинета снаружи и принялся барабанить в нее.

— Да, но ты был дьявольски таинственным. Я спросил тебя, в чем тут смысл, а ты ни в какую. — Он призадумался, затем продолжал: — Значит, ты считал, что Кейли сознательно предал Марка и попытайся изобразить его убийцей.

— Я хотел предостеречь тебя, что мы, вероятно, найдем в проходе Марка, живого или мертвого.

— А теперь ты так не думаешь?

— Теперь я думаю, что там его труп.

— То есть Кейли спустился туда и убил его потом — после того, как появился ты, после прибытия полиции?

— Ну, это то, что меня пугает, Билл. Такое жуткое хладнокровие. Возможно, Кейли на него способен, только мне невыносимо думать так.

— Но, черт подери, в твоём втором предположении хладнокровия хватает с избытком. По-твоему, он идет в кабинет и обдуманно застреливает человека, с которым не ссорился, которого не видел пятнадцать лет!

— Да, но ради спасения собственной шеи. Это большая разница. По этой моей теории он яростно поссорился с Марком из-за этой девушки и убил его во внезапном припадке гнева. Все дальнейшее превращается в самозащиту. То есть я этого не извиняю, но я это понимаю. И я думаю, что труп Марка сейчас скрыт в проходе и находится там, скажем, с половины третьего вчерашнего дня. А нынче ночью Кейли намерен спрятать его в пруду.

Билл дергал мох рядом с собой, отшвырнул пару горстей и сказал медленно:

— Может, ты и прав, но все это только догадка, знаешь ли.

Энтони засмеялся.

— Господи, конечно, так, — сказал он. — И сегодня ночью мы узнаем, правильная она или неправильная.

Билл внезапно повеселел.

— Сегодня ночью, — сказал он. — Послушай, а ночка будет та еще. Что мы будем делать?

Энтони помолчал.

— Конечно, — сказал он наконец, — нам следует известить полицию, чтобы они могли ночью явиться сюда и понаблюдать за прудом.

— Конечно, — ухмыльнулся Билл.

— Но я думаю, что еще рановато знакомить их с нашими теориями.

— Я думаю, пожалуй, так и есть, — сказал Билл истово.

Энтони поглядел на него снизу вверх с внезапной улыбкой.

— Билл, старый ты прохвост!

— Так, черт подери, это же *наша* игра. Не вижу, почему нам нельзя извлечь из нее немножко развлечения.

— И я не вижу. Ладно, обойдемся нынче ночью без полиции.

— Нам будет их не хватать, — сказал Билл печально, — но так лучше.

Перед ними маячили две проблемы: во-первых, проблема, как выскользнуть из дома, чтобы Кейли этого не заметил, и, во-вторых, проблема, как извлечь из пруда то, что Кейли бросит туда в эту ночь.

— Давай взглянем на это с точки зрения Кейли, — сказал Энтони. — Он может и не знать, что мы идем по его следу, но волей-неволей должен относиться к нам с подозрением. Он должен относиться с подозрением ко всем в доме и особенно к нам, ведь, предположительно, мы умнее остальных.

На секунду он остановился зажечь трубку, и Билл воспользовался паузой, чтобы выглядеть поумнее миссис Стивенс.

— Так вот, нынче ночью ему надо кое-что припрятать, и уж он позаботится, чтобы мы за ним не следили. Ну, так что он сделает?

— Прежде чем уйти, убедится, что мы спим.

— Да. Придет и укутает нас, присмотрит, чтобы нам было удобно и уютно.

— Да, это не просто, — сказал Билл. — Но мы запрем свои двери, и он не узнает, что нас там нет.

— Ты хоть раз запирал свою дверь?

— Никогда.

— Да, и можешь побиться об заклад, что Кейли это знает. В любом случае он забарабанит в нее, а ты не отзовешься. И что он тогда подумает?

Билл помолчал, полностью сокрушенный.

— Ну, так я не представляю, как мы это устроим, — сказал он после глубокого раздумья. — Он, совершенно очевидно, заглянет к нам перед тем как уйти, и у нас не останется времени добраться к пруду раньше него.

— Давай поставим себя на его место, — сказал Энтони, медленно попыхивая трубкой. — У него труп или еще что-то в проходе. Он не поднимется по лестнице, таща это, поглядеть на наши двери, проверяя не проснулись ли мы. Ему придется сначала нас проверить, а за трупом спуститься потом. И это обеспечивает нам немножко времени.

— Д-да, — сказал Билл с сомнением. — Мы можем уложиться, только надо будет припустить во весь дух.

— Но погоди. Когда он спустится в проход к трупу, что он сделает затем?

— Снова вылезет, — сказал Билл, подсобляя.

— Да, но с какого конца?

Билл подскочил.

— Черт подери, ты хочешь сказать, что с дальнего, у лужайки для боулинга?

— А ты как думаешь? Представь себе, как он идет по газону на виду у всего дома в полночь с трупом в объятиях. Подумай о жутком ощущении у него в затылке при мысли, что кто-нибудь, кому не спится, выбрал именно эту минуту, чтобы подойти к окну и выглянуть в ночь. Нет уж, если он способен этому воспрепятствовать. Но он же может выйти у лужайки

для боулинга и оттуда дойти до пруда надежно загороженным со стороны дома.

— Ты прав. И это обеспечит нам достаточно времени. Ладненько. А что затем?

— А затем надо пометить точное место, где он бросит в пруд... то, что он бросит.

— Чтобы мы могли это выудить.

— Если мы сумеем разглядеть, что это такое, то выуживать нам не понадобится.

Полиция может заняться этим завтра. Однако если с расстояния мы не сумеем это определить, тогда нам придется заняться выуживанием, чтобы проверить, стоит ли сообщать полиции.

— Д-да, — сказал Билл, наморщив лоб. — Беда с водой в том, что один ее участок выглядит точь-в-точь, как другой. Не знаю, подумал ли ты об этом.

— Подумал, — улыбнулся Энтони. — Пойдем поглядим на него.

Они прошли к краю рощицы и молча легли, глядя на пруд внизу.

— Видишь что-нибудь? — наконец сказал Энтони.

— Что?

— Изгородь на том берегу.

— Ну и что?

— Она довольно полезна, только и всего.

— Загадочно сказал Шерлок Холмс, — продолжил Билл. — Секунду спустя его друг Ватсон швырнул его в пруд.

Энтони засмеялся.

— Мне нравится шерлокничать, — сказал он. — Очень нечестно, что ты мне не подыгрываешь.

— Почему эта изгородь полезна, мой дорогой Холмс? — послушно сказал Билл.

— Потому что она может послужить ориентиром для тебя. Понимаешь...

— Да, тебе незачем тратить время, объясняя мне, что такое ориентир.

— Я и не собирался. Но ты лежишь здесь, — он посмотрел вверх, — под этой сосной. Кейли выплывает в старой лодке и сбрасывает свой груз. Ты проводишь мысленную линию на лодку отсюда и метишь ее на изгороди там. Скажем, пятый столб от конца. Ну, затем я провожу линию от МОЕГО дерева — мы подыщем какое-нибудь для меня теперь же, и она выйдет, например, на двадцатый столб. И где эти две линии скрестятся, там соберутся орлы. Что и требовалось доказать. И там, я чуть не забыл упомянуть, более высокий орел, Беверли по имени, исполнит свой знаменитый номер ныряния. Выполняемый ежевечерне на Ипподроме.

Билл посмотрел на него с тревогой.

— Послушай, нет, право же! Вода тут жутко грязная, знаешь ли.

— Боюсь, что так, Билл. Ибо так написано в Книге Праведного.

— Конечно, я знал, что одному из нас придется... но я надеялся... А, ладно, ночь теплая.

— Самая ночь, чтобы искупаться, — согласился Энтони, вставая. — Ну, а теперь поищем мое дерево.

Они спустились к пруду и поглядели назад. Дерево Билла выделялось, повелевая вечером, — высокое и безошибочно узнаваемое, на пятьдесят футов ближе к небесам, чем все его соседи. Однако у него был собрат у другого края рощицы, возможно, чуть пониже, но равно броский.

— Вот, где буду я, — сказал Энтони, указывая на него. — А теперь, Бога ради, отсчитай

свои столбы точно.

— Огромное спасибо, но сделаю я это ради самого себя, — сказал Билл с чувством. — Я не хочу провести всю ночь, ныряя.

— Мысленно проведи линию от себя до всплеска и отметь, до какого столба она доходит, а затем отсчитывай назад к концу изгороди.

— Ладненько, старина. Предоставь это мне. Я справлюсь, даже стоя на голове.

— Именно так тебе придется проделать заключительную часть, — сказал Энтони с улыбкой.

Он поглядел на свои часы. Почти подошло время переодеться к обеду. Они вместе зашагали к дому.

— Одно меня немножко беспокоит, — сказал Энтони. — Где Кейли спит?

— Дверь в дверь со мной. А что?

— Ну, не исключено, что он захочет проверить тебя, вернувшись с пруда. Не думаю, чтобы он стал беспокоиться при обычном ходе вещей, но, оказавшись перед твоей дверью, он может и заглянуть внутрь.

— Меня там не будет. Я буду глотать ил на дне пруда.

— Да... А ты не мог бы оставить в своей постели что-то, смахивающее в темноте на тебя? Валик, обернутый пижамой, один рукав поверх одеяла и пара носков или чего-то вроде взамен головы. Ну, ты понимаешь. Думается, ему будет приятно почувствовать, что ты все еще мирно спишь.

Билл хихикнул.

— Угу. Я в этом мастак. Состряпаю для него что надо. Ну, а как насчет тебя?

— Я в другом конце дома; он навряд ли второй раз побеспокоится из-за меня. А я буду очень крепко спать при его первом посещении. Тем не менее... почему бы и не обезопаситься.

Они вошли в дом. Кейли был в вестибюле. Он кивнул и вынул свои часы.

— Время переодеться? — сказал он.

— Вот-вот, — сказал Билл.

— Вы не забыли про письмо?

— Нет. Собственно говоря, мы пили там чай.

— А! — Он отвел глаза и сказал небрежно: — И как они там?

— Просили передать вам всякого рода соболезнования и... все такое прочее.

— А, да.

Билл подождал, не скажет ли Кейли чего-нибудь еще, а затем, так как ничего не последовало, обернулся, сказал «идем, Тони» и первым начал подниматься по лестнице.

— У тебя есть все необходимое? — спросил он на верхней площадке.

— Думаю, да. Загляни ко мне, прежде чем пойдешь в столовую.

— Ладненько.

Энтони закрыл за собой дверь своей спальни и подошел к окну. Открыл его и выглянул наружу. Его спальня находилась как раз над задней дверью дома. Стена кабинета, вторгавшаяся на газон, находилась слева от него. Он мог сойти на верх двери и легко спрыгнуть на землю. Вернуться будет немногим труднее с услужливой помощью удобно расположенной водосточной трубы.

Он как раз кончил переодеваться, когда вошел Билл.

— Последние инструкции? — спросил он, садясь на кровать. — Кстати, как мы будем

развлекаться после обеда? То есть сразу же после обеда?

— Бильярд?

— Ладненько. Выбор за тобой.

— Не говори слишком громко, — сказал Энтони, понижая голос. — Мы ведь практически над вестибюлем, а Кейли, возможно, там. — Он подвел его к окну. — Ночью выбираемся отсюда. Спускаться в вестибюль слишком рискованно. Это будет нетрудно. Лучше надень теннисные туфли.

— Ладненько. Послушай. На случай, если у меня не будет шанса еще раз поговорить с тобой без свидетелей. Как мне себя вести, когда Кейли заглянет побаяюкать меня?

— Трудно сказать. Будь как можно более естественным. То есть, если он слегка постучит и заглянет внутрь, крепко спи. Не переборщи с храпением. Но если он поднимет чертовский шум, тебе придется проснуться и протереть глаза, и удивиться, какого дьявола он вообще делает в твоей комнате. Ну, да ты сам знаешь.

— Ладненько. А насчет чучелка. Я сооружу его, как только мы поднимемся наверх и спрячу под кроватью.

— Да... Думаю, лучше, чтобы мы легли в постель по-настоящему. Одеться снова не потребует и минуты, а это даст ему время безопасно спуститься в потайной ход. А тогда иди в мою комнату.

— Ладненько... Ты готов?

— Да.

Они вместе спустились вниз.

Глава XVII

МИСТЕР БЕВЕРЛИ УПИВАЕТСЯ ВОДОЙ

В этот вечер Кейли словно бы проникся к ним особой привязанностью. После обеда он предложил прогуляться. Они расхаживали взад-вперед по гравии перед домом, почти не разговаривая, и Билл наконец не выдержал. Последние двадцать оборотов он с надеждой замедлял шаги всякий раз, когда они приближались к двери, однако остальные двое оставляли его намек без внимания, и каждый раз следовал еще один оборот. Но в конце концов он проявил твердость.

— Как насчет бильярда? — сказал он, отделяясь от них.

— Сыграете партию? — осведомился Энтони у Кейли.

— Я погляжу на вас, — сказал тот и с решимостью глядел, пока партия, а затем и следующая партия не завершились.

Они вышли в вестибюль и набросились на напитки.

— Благодарение Небу за постель, — сказал Билл, поставив свою стопку. — Вы идете?

— Да, — сказал Энтони и допил свою. Он посмотрел на Кейли.

— Мне надо доделать кое-что, — сказал Кейли, — и я последую вашему примеру.

— Ну, так спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — отозвался Билл с полпути вверх по лестнице. — Спокойной ночи, Тони.

— Спокойной ночи.

Билл взглянул на свои часы. Половина двенадцатого. Не слишком много шансов, чтобы что-то произошло в ближайший час. Он выдвинул ящик комода, прикидывая, как одеться для их экспедиции. Серые фланелевые брюки, фланелевая рубашка и темный пиджак; пожалуй, свитер, ведь лежать в рощице им, возможно, придется долго. И — отличная мысль! — полотенце. Оно понадобится ему позднее, а пока он обмотает его вокруг талии... Теннисные туфли... Ну, вот! Все готово. А теперь — чучелко.

Прежде чем улечься в постель, он снова поглядел на часы. Двенадцать пятнадцать. Сколько понадобится ждать до появления Кейли?

Он погасил свет, а затем, стоя у двери в пижаме, подождал, чтобы его глаза свыклись с новой темнотой... Он еле-еле различал кровать в углу комнаты. Кейли понадобится больше света, чтобы от двери убедиться, что кровать занята. Он чуточку отдернул занавеску. Так-то лучше. Проверить позже, когда чучелко будет уложено в постель.

Долго ли ждать, прежде чем придет Кейли? Он ведь хочет не того, чтобы его друзья Беверли и Джиллингем уснули прежде, чем он отправится по своему делу к пруду; хочет он всего лишь удостовериться, что они безопасны в своих спальнях. Дело Кейли не произведет шума, ничем не даст о себе знать самым бессонным обитателям дома при условии, что обитатели дома действительно находятся внутри дома. Но если он хочет успокоить себя касательно своих гостей, ему придется ждать, пока они настолько погрузятся в сон, что он не потревожит их, когда придет, чтобы успокоить себя. В сущности, все это сводится к одному: он будет ждать, пока они не уснут... пока они не уснут... уснут...

С величайшим усилием Билл вернул себе власть над своими блуждающими мыслями и

вновь проснулся. Так не пойдет. Крах, если он уснет... если он уснет... уснет... И тут во мгновение ока он абсолютно пробудился. А что, если Кейли вообще не придет!

Предположим, что Кейли настолько чужд подозрений, что, едва они поднялись наверх, как он нырнул в проход и занялся своим делом. Предположим, сейчас он у пруда и бросает в него этот свой секрет. Господи Боже, какие же мы идиоты! Как мог Энтони настолько рисковать? Поставь себя на место Кейли, сказал он. Но как это возможно? Они же не Кейли. Кейли сейчас у пруда. Они никогда не узнают, что он туда бросил.

Слушай!.. Кто-то у двери. Он спит. Теперь совершенно естественно. Дыши, пожалуй, чуточку громче. Он спит... дверь открывается. Он чувствует, как она открывается у него за спиной... Господи Боже, предположим, Кейли *на самом деле* убийца! Ведь даже сейчас он может... нет, нельзя думать о таком. Если он будет думать о таком, ему придется перевернуться на другой бок. Он спит, попросту мирно спит. Но почему дверь не закрылась? Где сейчас Кейли? Стоит над ним? И в руке у него... нет, он не должен думать о таком. Он спит. Но почему дверь не закрылась?

Дверь закрывается. Вздох спящего на кровати, вздох облегчения, невольно у него вырвавшийся. Но это вполне естественный звук — глубокий вздох крепко спящего. Он добавил к нему еще один, чтобы прибавить естественности. Дверь закрылась.

Билл медленно сосчитал до ста, а затем вскочил. Быстро и бесшумно, насколько возможно, он оделся в темноте. Положил чучелко на кровать, расположил одеяло так, чтобы оно было видно достаточно, но не чересчур, и встал у двери, глядя на него. Для взгляда мимоходом комната освещена в самый раз. Затем очень тихо, очень медленно он открыл дверь. Полная тишина. Из-под двери Кейли не пробивалась полоска света. Очень тихо, очень осторожно он прокрался по коридору к комнате Энтони. Открыл дверь и вошел.

Энтони все еще был в постели. Билл направился разбудить его и вдруг застыл на месте, а его сердце ударилось о ребра. В комнате был кто-то еще.

— Все в порядке, Билл, — сказал шепчущий голос, и из-за занавески вышел Энтони.

Билл смотрел на него, ничего не говоря.

— Неплохо, а? — сказал Энтони, подходя ближе и указывая на кровать. — Давай! Теперь чем скорее мы выберемся отсюда, тем лучше.

Он возглавил путь из окна, безмолвный Билл последовал за ним. Они оказались внизу благополучно и бесшумно, быстро перешли газон и дальше за ограду в парк. Только когда дом оказался далеко позади, Билл счел, что может заговорить без опаски.

— Я подумал, что на кровати ты, — сказал он.

— Я так и надеялся и буду разочарован, если Кейли снова не заглянет. Напрасная трагедия шедевра.

— Так сейчас он приходил?

— Более чем. А как насчет тебя?

Билл живописно поведал о своих переживаниях.

— Ему не было никакого смысла убивать тебя, — сказал Энтони прозаично. — Да и слишком рискованно.

— О! — сказал Билл. А затем: — А я-то надеялся, что его удержала любовь ко мне.

Энтони засмеялся.

— Сильно сомневаюсь... Ты не зажигал света, когда одевался?

— Господи помилуй, нет! А ты хотел, чтобы я...

Энтони снова засмеялся и взял его за локоть.

— Ты бесподобный заговорщик, Билл. Ты и я вместе могли бы взяться за что угодно.

Пруд ждал их, более торжественно мрачный в лунном свете. Деревья, венчавшие откос на той его стороне, были таинственно безмолвны.

Казалось, они прибрали мир к ветвям.

Почти бессознательно Энтони заговорил шепотом:

— Вон твое дерево, вон мое. Если ты не пошевелишься, у него нет никаких шансов заметить тебя. После того как он уйдет, не вставай, пока я не встану. Он пробудет здесь не дольше четверти часа или около того, так что не изнывай от нетерпения.

— Ладненько, — прошептал Билл.

Энтони одарил его кивком и улыбкой, и они разошлись по своим постам.

Минуты тянулись медленно. Энтони, лежавший в укрытии поросли у комля своего дерева, обдумывал новую проблему. Предположим, Кейли в эту ночь проделает путь к пруду не один раз? Он может вернуться и увидеть их в лодке, а одного из них — так и в воде. А если они решат подождать в укрытии, на случай, если Кейли вернется, какой минимум времени могут они отвести на ожидание? Может, лучше вернуться к дому и подождать его возвращения туда, света в его спальне, прежде чем начать розыски в пруду. Но тогда они рискуют не заметить его второго возвращения, если он вернется вторично.

Да, хорошенькая дилемма.

Пока он обдумывал все это, его глаза были прикованы к лодке, и внезапно, будто из ничего, у лодки возник Кейли. В руке у него была коричневая сумка.

Кейли положил сумку на дно лодки, вошел в нее и, используя весло как шест, медленно оттолкнулся. Затем совсем беззвучно он погреб к середине пруда.

Остановился. Весла покоились на воде. Он поднял сумку, зажатую между ступней, наклонился над носом лодки и секунду подержал ее на воде. Затем выпустил. Сумка медленно утонула. Кейли подождал, глядя на воду, возможно, опасаясь, что сумка может всплыть.

Энтони начал считать.

А Кейли уже вернулся к месту, откуда отчалил. Он привязал лодку, огляделся, тщательно проверяя, не оставил ли каких-либо следов, а затем вновь повернулся к воде. Он стоял там долго-долго, как чудилось наблюдателям, очень крупный, очень тихий в лунном свете. Наконец он, казалось, был удовлетворен. Чем бы ни был его секрет, он его спрятал. С легким вздохом, абсолютно несомненным для Энтони, пусть он его и не слышал, Кейли повернулся и исчез так же бесшумно, как появился.

Энтони дал ему три минуты и вышел из-за деревьев. Он подождал, чтобы к нему присоединился Билл.

— Шесть, — шепнул Билл.

Энтони кивнул.

— Я пойду к дому, а ты возвращайся к своему дереву и следи, на случай, если Кейли опять придет. Твоя спальня последняя слева, а спальня Кейли предпоследняя? Верно?

Билл кивнул.

— Отлично. Прячься, пока я не вернусь. Я не знаю, на сколько задержусь, но сохраняй терпение. Тебе будет казаться, будто времени прошло больше, чем на самом деле. — Он похлопал Билла по плечу и с улыбкой и кивком оставил его ждать.

Что было в сумке? Что Кейли могло понадобиться спрятать, помимо ключа и револьвера? Ключи и револьверы тонут сами по себе. Нет нужды сначала класть их в сумку.

Так что же скрыто в сумке? Что-то, само собой не утонувшее бы, что-то, чему надо подсобить камнями, прежде чем его надежно укроет ил.

Ну, они это узнают. Нет смысла гадать об этом сейчас. Билла ждет грязная работенка. Но где же труп, в котором Энтони был так уверен. Или, если трупа вообще нет, где Марк?

Но, что более неотложно, где сейчас Кейли? Как мог быстрее, Энтони добрался до места, откуда был дом, и теперь лежал в кустах, окаймлявших газон, ожидая, чтобы в окне Кейли вспыхнул свет. Если он вспыхнет в окне Билла, значит они изобличены. То есть Кейли заглянул в спальню Билла, не был обманут чучелком в кровати и включил свет, чтобы окончательно убедиться. После этого между ними возможна только война. Но если он вспыхнет в комнате Кейли...

Свет загорелся. Энтони ощутил прилив внезапного волнения. Окно Билла. Война!

Свет не гаснул и засиял ярче, так как поднявшийся ветер загнал луну за облако и погрузил в тень остальную часть дома. Билл оставил занавески не задернутыми. Большая небрежность, первый глупый промах, который он совершил, но...

Луна выскользнула на свободу... и Энтони в кустах засмеялся про себя. За окном Кейли было еще окно, и в нем не было света. Объявление войны откладывалось.

Энтони лежал там, дожидаясь, чтобы Кейли лег спать. В конце-то концов было только вежливо отплатить Кейли заботливостью за его заботливость в начале ночи. Вежливость воспрещала развлекаться на пруду, пока твои друзья не отойдут уютно ко сну.

Тем временем Билл все больше уставал ждать. Пуще всего он боялся, что испортит все, позабыв число «шесть». Это был шестой столб. Шесть. Он сломал веточку и разделил ее на шесть частей. Их он разложил на земле перед собой. Шесть. Он поглядел на пруд, отсчитал до шестого столба и вновь буркнул «шесть» себе под нос. Затем поглядел на обломки веточки. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. *Семь!* Так это семь? Или седьмой обломок веточки — случайный обломок, давно валявшийся на земле? Конечно же, это было шесть! Сказал ли он Энтони «шесть»? Если да, то Энтони не забудет, и все будет в ажуре. Шесть! Он отбросил седьмой обломок, а остальные шесть собрал вместе. Может, им будет безопаснее у него в кармане? Шесть. Рост высокого мужчины — его собственный рост. Шесть футов. Да, лучший способ запомнить. Почувствовав себя более уверенно в этом отношении, он начал раздумывать о сумке, гадая, что скажет Энтони, какой может быть глубина воды и ила на дне. И он все еще гадал и повторял «Господи Боже, вот это жизнь!», когда появился Энтони.

Билл встал и спустился по откосу ему навстречу.

— Шесть, — сказал он категорично. — Шестой столб с конца.

— Отлично, — улыбнулся Энтони. — Мой восемнадцатый... чуточку за ним.

— А зачем ты уходил?

— Присмотреть, чтобы Кейли лег спать.

— И все в порядке?

— Да. Повесь-ка свой пиджак на шестой столб, так нам будет легче его видеть. А я повешу мой на восемнадцатый. Ты разденешься здесь или в лодке?

— Частично здесь и частично в лодке. Ты совершенно уверен, что не предпочтешь понырять сам?

— Абсолютно.

Они прошли на противоположный берег пруда. Подойдя к шестому столбу изгороди, Билл снял пиджак, расположил его на столбе, а затем разделся до конца, пока Энтони ходил

пометить восемнадцатый столб. Подготовившись, они забрались в лодку. Энтони сел на весла.

— Теперь, Билл, сообщи мне, когда я окажусь на линии с двумя твоими ориентирами.

Он медленно греб к середине пруда.

— Ты примерно тут, — наконец сказал Билл.

Энтони перестал грести и осмотрелся.

— Да, правильной некуда. — Он поворачивал лодку, пока нос не указал на сосну, под которой лежал Билл. — Видишь мое дерево и другой пиджак?

— Да, — сказал Билл.

— Отлично. Теперь я буду грести еле-еле по этой линии, пока мы не окажемся точно между ними двумя. Определи как можно точнее — ради себя же самого.

— Держи так, — сказал Билл предостерегающе. — Чуть-чуть назад... еще чуть-чуть... чуточек вперед... Точно.

Энтони оставил весла лежать на воде и огляделся. Насколько он мог судить, они находились точно в месте пересечения линий от обеих пар ориентиров.

— Ну, так, Билл, валяй!

Билл снял рубашку, брюки и выпрямился.

— С лодки нельзя нырять, старина, — поспешно сказал Энтони. — Ты нарушишь позицию. Соскользни за борт осторожно-осторожно.

Билл соскользнул с кормы и медленно поплыл вокруг Энтони.

— Как тебе? — сказал Энтони.

— Холодно. Ну, пожелаем удачи.

Он внезапно взбрыкнул, на секунду мелькнул в воде и исчез. Энтони уравновесил лодку и опять посмотрел на ориентиры.

Билл вынырнул позади него с громким всплеском.

— Грязно до чертиков, — запротестовал он.

— Водоросли?

— Нет, слава Богу.

— Ну, попробуй еще раз.

Билл снова взбрыкнул и исчез. Опять Энтони бережно вернул лодку на позицию, и опять Билл вынырнул, на этот раз перед ним.

— По-моему, если я брошу тебе сардинку, — сказал Энтони с улыбкой, — ты ее очень изящно поймаешь ртом.

— Жутко легко отпускать шуточки с лодки. Сколько еще должен я продолжать это?

Энтони взглянул на свои часы.

— Примерно три часа. Мы должны вернуться до рассвета. Но, если можно, пошевеливайся, а то я тут совсем замерз.

Билл швырнул в него пригоршню воды и снова исчез. На этот раз он пробыл под водой почти минуту, и на его лице была ухмылка, когда оно вновь появилось из воды.

— Нашел! Но поднять ее дьявольски трудно. Не уверен, что справлюсь с такой тяжестью.

— Ничего, — сказал Энтони и извлек из кармана клубок толстой бечевки. — Продень сквозь ручку, если сумеешь, тогда мы сможем потянуть вместе.

— Молодчага. — Билл подплыл к борту, взял конец бечевки и поплыл назад. — Ну вот!

Две минуты спустя сумка благополучно очутилась в лодке. Билл забрался следом за ней,

и Энтони погреб назад.

— Отлично проделано, Ватсон, — сказал он, когда они вышли на берег.

Он забрал их пиджаки и с сумкой в руках стоял и ждал, пока Билл вытирался и одевался. Едва эти процедуры завершились, он взял его за локоть и повел в рощицу. Положил сумку и пошарил в кармане.

— Я закурю трубку, прежде чем открыть ее, — сказал он. — А ты?

— Да.

С большим тщанием они набили и закурили свои трубки. Рука Билла слегка дрожала. Энтони заметил это и ободряюще ему улыбнулся.

— Готов?

— Да.

Они сели, и, поставив сумку между коленями, Энтони нажал на замочек и открыл ее.

— Одежда! — сказал Билл.

Энтони вытащил лежащее сверху, встряхнул и расправил. Мокрый коричневый фланелевый пиджак.

— Узнаешь? — спросил он.

— Коричневый костюм Марка.

— Тот, в котором, согласно объявлению, он бежал?

— Да. Выглядит похожим. Но, конечно, костюмов у него было чертовски много.

Энтони засунул пальцы в нагрудный карман и извлек какие-то письма. Несколько секунд он с сомнением рассматривал их.

— Полагаю, мне следует прочесть их, — сказал он. — Только, чтобы узнать... — Он вопросительно поглядел на Билла. Тот кивнул.

Энтони посветил на них фонариком. Билл нетерпеливо ждал.

— Да. Марк... Эгей!

— Что-что?

— Письмо, про которое Кейли говорил инспектору. От Роберта. «Марк, твой любящий брат приедет повидаться с тобой...» Да, полагаю, мне лучше побережь его. Ну, это его пиджак. Давай поглядим на остальное. — Он вытащил из сумки разные предметы одежды и разложил их.

— Тут все, — сказал Билл. — Рубашка, галстук, носки, нижнее белье, туфли. Да, полный набор.

— Все, что было на нем вчера?

— Да.

— Как ты это понимаешь?

Билл покачал головой и задал другой вопрос:

— Это то, чего ты ожидал?

Энтони внезапно рассмеялся.

— Нелепо донельзя, — сказал он. — Я ожидал... ну, ты знаешь, чего я ожидал. Тело. Тело в костюме. Ну, может быть, разумнее припрятать их отдельно. Тело здесь, а предметы одежды в проходе, где они никогда бы не выдали себя. А он, невзирая на всяческие затруднения, теперь прячет одежду здесь, а о теле нисколько не заботится. — Он покачал головой. — Сейчас я в некоторой растерянности, и это факт.

— Есть там еще что-нибудь?

Энтони пошарил в сумке.

— Камни и... да, что-то еще. — Он вынул находку и поднял повыше. — Вот так-то, Билл.

Это был ключ от кабинета.

— Черт подери, ты был прав.

Энтони снова пошарил в сумке, а потом бережно вытряс ее содержимое на траву. Десяток камней и что-то еще. Он осветил фонариком.

— Еще один ключ, — сказал он.

Он положил оба ключа в карман и долгое время молчал, размышляя. Билл тоже молчал, не желая мешать его размышлениям, но затем сказал:

— Мне убрать все это назад в сумку?

Энтони посмотрел на него, вздрогнув от неожиданности.

— Что? А, да. Нет, я их сам уложу. Посвети мне, хорошо?

Очень бережно и медленно он укладывал предметы одежды назад в сумку, задерживаясь на каждом в уверенности, как казалось Биллу, что мог бы извлечь из него что-то, если бы знал как. Когда последний предмет вернулся в сумку, Энтони все еще продолжал стоять на коленях и думать.

— Весь набор, — сказал Билл.

— Дай-ка мне на минутку фонарик. — Взяв его, он осветил землю между ними. — Да, весь набор. Странно! — Он встал, держа сумку в руках. — А теперь давай подыщем тайник для нее, а тогда... — Больше он ничего не сказал и зашагал между деревьями. Билл покорно шел следом.

Едва они избавились от сумки и вышли из рощицы, Энтони стал более общителен. Он вынул оба ключа из кармана.

— Один, я полагаю, от кабинета, а второй — ключ к шкафу в проходе. И я подумал, не заглянуть ли нам в шкаф.

— Послушай, ты правда так думаешь?

— Ну, не представляю, от чего другого он может быть.

— Но почему он решил его выбросить?

— Потому что этот ключ исчерпал свою полезность, в чем бы она ни заключалась, и он хочет умыть руки от всего, что связано с потайным ходом. Он бы выбросил в пруд потайной ход, если бы мог. Не думаю, что он ему интересен сам по себе, и я не ожидаю, что в шкафу что-то есть, но, по-моему, заглянуть в него нам следует.

— Ты по-прежнему думаешь, что тело Марка может быть там?

— Нет. Однако где еще оно может быть? Разве что я безнадежно заблуждаюсь, и Кейли вообще его не убивал.

Билл поколебался, взвешивая, решиться ли ему предложить свою теорию.

— Я знаю, ты подумаешь, что я полный осел...

— Мой милый Билл, я сам такой очевидный осел, что буду в восторге, если и ты им окажешься.

— Ну, так предположим, что Марк все-таки убил Роберта, и Кейли помог ему скрыться, как мы предполагали вначале. Я знаю, ты потом доказал, что это было невозможно, но, предположим, произошло это в обстоятельствах нам неизвестных и по причинам тоже нам неизвестным. Я хочу сказать, во всем этом столько странностей, что произойти могло все, что угодно.

— Ты абсолютно прав. Ну и?

— Ну, так эта одежда. Разве она не подтверждает теорию бегства? Коричневый костюм Марка известен полиции. Так не мог ли Кейли принести ему в проход другой для бегства, а затем остаться с коричневым на руках? И решить, что безопаснее всего утопить его в пруду?

— Да, — сказал Энтони, прикидывая. Затем: — Продолжай!

Билл увлеченно продолжил:

— Все согласуется, знаешь ли. Даже с твоей первой теорией, что Марк убил его случайно и прибег к помощи Кейли. Конечно, играй Кейли честно, он бы сказал Марку, что ему нечего бояться. Но он не играет честно, он хочет убрать Марка с дороги из-за этой девушки. И вот его шанс. Он запугивает Марка насколько может, внушает ему, что у него одна надежда — сбежать. Ну, естественно, он делает все, что может, лишь бы убрать его подальше. Ведь если Марка поймают, вся история предательства Кейли выплывет наружу.

— Да. Но не слишком ли Кейли перегнул палку, заставляя его сменить нижнее белье и прочее? Напрасная трата времени, знаешь ли.

Билл получил по лапам и сказал «о!» с великим разочарованием.

— Нет, это вовсе не так плохо, Билл, — сказал Энтони с улыбкой. — Пожалуй, нижнее белье поддается объяснению. Но трудность вот в чем. Зачем Марку понадобилось менять коричневый на синий или какой-то там еще, раз Кейли был единственным, кто видел его в коричневом?

— В полицейском описании указано, что на нем был коричневый костюм.

— Да, потому что так сказал полиции Кейли. Понимаешь, даже если Марк был за ланчем в коричневом костюме и слуги это заметили, Кейли всегда мог бы заявить, будто после ланча он переоделся в синий, ведь после ланча его видел только Кейли. Следовательно, скажи Кейли инспектору, что костюм был синим, Марк мог бы спокойно сбежать в коричневом, вообще не затрудняя себя переодеванием.

— Но он как раз это и сделал! — торжествующе воскликнул Билл. — Ну и дураки же мы!

Энтони удивленно посмотрел на него, а затем покачал головой.

— Да-да! — настаивал Билл. — Ну конечно же! Как ты не понимаешь! Марк действительно переоделся после ланча и, чтобы дать ему лишний шанс спастись, Кейли солгал, будто на нем был коричневый костюм, в котором его видели слуги. Ну, затем он испугался, что полиция может осмотреть костюмы Марка и обнаружить, что коричневый все еще здесь. Поэтому он его спрятал, а потом утопил в пруду.

Он с надеждой уставился на своего друга, но Энтони ничего не сказал. Билл был заговорил, но был тут же прерван повелительным жестом.

— Больше ничего не говори, старина, ты дал мне достаточно, над чем задуматься. Мы только заглянем в этот шкаф и отправимся спать.

Однако в эту ночь шкафу было нечего сказать им. Он оказался пуст, если не считать нескольких старых бутылок.

— Вот так, — сказал Билл.

Но Энтони на коленях с фонариком в руке продолжал что-то искать.

— Чего ты ищешь? — спросил Билл наконец.

— Что-то, чего тут нет, — сказал Энтони, вставая и отряхивая брюки. И он снова запер дверь.

Глава XVIII

ДОГАДКИ

Расследование было назначено на три часа, а после него Энтони уже не мог оставаться под гостеприимным кровом Красного Дома. К десяти часам его саквояж был упакован и ожидал доставки в «Георг». Билла, поднявшегося наверх после завтрака, длившегося дольше обычного, такие хлопоты спозаранку немного удивили.

— Что за спешка? — спросил он.

— Никакой. Но нам незачем возвращаться сюда после расследования. Собери свои вещи сейчас, и остальное утро будет в нашем распоряжении.

— Ладненько. — Он повернулся, чтобы пойти в свою комнату, и тут же вернулся. — Послушай, а мы скажем Кейли, что остановимся в «Георге»?

— Ты не остановишься в «Георге», Билл, — во всяком случае, официально. Ты возвращаешься в Лондон.

— О!

— Да. Попроси Кейли отправить твой багаж в Стэнтон, чтобы ты мог забрать его, когда будешь садиться там в поезд после расследования. Можешь сказать ему, что тебе необходимо немедленно увидеться с епископом Лондонским. Тот факт, что ты торопишься в Лондон для конфирмации, придаст большую естественность тому, что я возобновлю мое прерванное одиночество в «Георге», едва ты уедешь.

— Так где я ночую сегодня?

— Официально, полагаю, в Фулемском дворце, резиденции епископа; неофициально, полагаю, в моей кровати, если только в «Георге» не найдется еще одного свободного номера. Я уложу для тебя твоё конфирмационное одеяние, то есть твою пижаму и щетки, и прочее в мой саквояж. Есть еще, что ты хотел бы узнать? Нет. Тогда иди и пакуйся. И встретить меня в половине одиннадцатого под расколотым молнией дубом, или в вестибюле, или где-нибудь еще. Я хочу говорить, и говорить, и говорить, и мне необходим мой Ватсон.

— Ладненько, — сказал Билл и отправился в свою комнату.

Час спустя, сообщив свои официальные планы Кейли, они вместе неторопливо пошли в парк.

— Ну? — сказал Билл, когда они сели под удобным деревом. — Давай говори.

— Сегодня утром в ванной у меня было много блистательных мыслей, — начал Энтони. — И самая блистательная сводится к тому, что мы были последними дураками и взялись за это дело совершенно не с того конца.

— Ну, это очень полезно.

— Конечно, очень несподручно быть детективом, если понятия не имеешь, как детективничать, и когда никто не знает, что ты детективничаешь, и ты не можешь подвергать людей перекрестным допросам, и у тебя нет ни энергии, ни средств производить настоящие розыски; и, короче говоря, все делаешь дилетантски, тяп-ляпски.

— Для дилетантов, по-моему, мы все делаем не так уж плохо, — запротестовал Билл.

— Да. Для дилетантов. Но будь мы профессионалами, по-моему, мы бы взялись за это с другого конца. С Робертовского конца. Все это время мы примерялись к Марку и Кейли, а теперь давай немножко попримериваемся к Роберту.

— Мы знаем о нем слишком мало.

— Так давай посмотрим, что именно мы знаем. Ну, в первую очередь, мы примерно знаем, что он был негодяем — того рода братом, которого замалчивают при посторонних.

— Да.

— Мы знаем, что он предупредил Марка о своем намеченном приезде довольно неприятным письмом, которое у меня в кармане.

— Да.

— А кроме того, мы знаем довольно любопытную вещь. Мы знаем, что Марк сказал вам всем об ожидаемом приезде этого негодяя. Так почему он вам сказал?

Билл на секунду задумался.

— Полагаю, — сказал он медленно, — он понимал, что мы обязательно его увидим, и подумал, что разумнее всего рассказать про него откровенно.

— Но обязательно ли вы его увидели бы? Вы же все отправились играть в гольф.

— Мы бы обязательно его увидели, если бы он остался переночевать.

— Очень хорошо. Вот что мы установили: Марк знал, что Роберт останется в доме переночевать. Или сформулируем это по-другому: он знал, что нет никаких шансов сразу избавиться от Роберта.

Билл возбужденно посмотрел на своего друга.

— Продолжай! — сказал он. — Это становится интересным.

— И он знал что-то еще, — продолжал Энтони. — Он знал, что Роберт покажет вам себя во всей красе, едва познакомится с вами. Он не мог представить его вам как брата заездом в Англии из доминионов, возможно, говорящего с легким акцентом; он вынужден был сказать вам сразу же, так как вам следовало понять, что Роберт — пройдоха.

— Да. Звучит здраво.

— Так вот, не кажется ли тебе, что Марк принял свое решение чересчур быстро?

— То есть?

— Письмо он получил за завтраком. Прочел его; и, едва дочитав, тут же доверился вам всем. Иными словами, за одну секунду он все обдумал и принял решение — два решения. Взвесил возможность избавиться от Роберта до вашего возвращения и сделал вывод, что это нереально. Он взвесил возможность, что в кругу посторонних Роберт будет вести себя как нормальный порядочный человек, и сделал вывод, что это маловероятно. Он сделал эти два вывода во мгновение ока, пока читал письмо. Не слишком ли быстро?

— Ну, а объяснение?

Энтони помедлил с ответом, набивая и раскуривая трубку.

— Объяснение? Ну, пока оставим его, и снова поглядим на двух братьев. На этот раз в сопоставлении с миссис Норбери.

— Миссис Норбери? — удивленно сказал Билл.

— Да. Марк надеялся жениться на мисс Норбери. Так если Роберт действительно был пятном на фамильной чести, Марк принял бы одно из двух решений: либо полностью скрыть его существование от обеих Норбери, либо, окажись первое невозможным, самому рассказать им прежде, чем до них дойдут слухи. Ну, он рассказал им. Однако странность в том, что рассказал он за день до того, как пришло письмо Роберта. Роберт приехал и был убит позавчера — во вторник. Марк рассказал миссис Норбери про него в понедельник. Как ты это объяснишь?

— Совпадение, — ответил Билл после тщательного взвешивания. — Он с самого начала намеревался ей рассказать, его ухаживания обещали успех, и перед самым их завершением

он рассказывает ей. Происходит это в понедельник. Во вторник он получает письмо Роберта и чертовски рад, что рассказал ей вовремя.

— Ну, могло быть и так, но совпадение довольно-таки странное. А вот еще кое-что, делающее его страннее дальше некуда. Меня это осенило только сегодня утром в ванне. Вдохновительное местечко — ванная. Так вот, он рассказал ей в понедельник утром на пути в Миддлстон в автомобиле.

— Ну и?

— Ну и вот.

— Извини, Тони, я нынче утром туповат.

— В автомобиле, Билл. А как близко автомобиль может подъехать к «Джелленд»?

— Примерно на шестьсот ярдов.

— Да. И по пути в Миддлстон по какому-то делу Марк останавливает автомобиль, проходит шестьсот ярдов вниз по склону в «Джелленд», говорит «Да, кстати, миссис Норбери, кажется, я никогда не говорил вам, что у меня есть нехороший брат по имени Роберт», поднимается шестьсот ярдов вверх по склону, садится в автомобиль и едет в Миддлстон. Правдоподобно?

Билл насупился.

— Нет. Однако я не вижу, к чему ты клонишь. Правдоподобно — неправдоподобно, но мы знаем, что поступил он именно так.

— Конечно, он поступил так. Я говорю только, что у него должна была быть какая-то веская причина сообщить это миссис Норбери незамедлительно. И причина эта, полагаю, заключалась в том, что утром — в понедельник, а не во вторник! — он знал, что Роберт едет к нему и что надо первым сообщить об этом.

— Но... но...

— И это объясняет второй момент, его мгновенное решение за завтраком рассказать вам всем про своего брата. Он знал в понедельник о приезде Роберта и решил, что вам всем следует узнать про него.

— Так как же ты объяснишь письмо?

— Ну, давай-ка заглянем в него.

Энтони вытащил письмо из кармана и разложил его на траве между ними.

«Марк, твой любящий брат приедет повидаться с тобой завтра прямо из Австралии. Предупреждаю тебя заранее для того, чтобы ты мог скрыть изумление, но, надеюсь, не радость. Жди его в три или около того».

— Как видишь, никакого упоминания даты, — сказал Энтони. — «Завтра», и ничего больше.

— Но он получил его во вторник.

— Так ли?

— Ну, он прочел его нам во вторник.

— О, да! Он прочел его вам.

Билл перечел письмо, а затем перевернул листок и посмотрел на обратную сторону. Обратной стороне было нечего сказать ему.

— Ну, а как насчет марки? — спросил он.

— К сожалению, конверта у нас нет.

— И ты думаешь, он его получил в понедельник?

— Я склонен думать именно так, Билл. В любом случае я думаю — я почти уверен, —

что в понедельник он уже знал о приезде брата.

— Это нам сильно поможет?

— Нет. Только затруднит. Во всем этом есть что-то запредельное. Я этого не понимаю. — Он помолчал, а потом добавил: — Не знаю, но вдруг нам поможет расследование?

— А как насчет прошлой ночи? Мне не терпится услышать, как ты ее оцениваешь? Ты вообще про нее думал?

— Вчерашняя ночь? — сказал Энтони задумчиво, будто самому себе. — Да, вчерашняя ночь нуждается в некоторых объяснениях.

Билл с надеждой ждал объяснения. Чего, например, Энтони искал в шкафу?

— Я думаю, — начал Энтони медленно, — что после вчерашней ночи мы должны отбросить идею, что Марк убит, то есть, что его убил Кейли, имею я в виду. Не верю, что кто-то затеет такие хлопоты, если у него на руках труп. Труп выглядел бы куда более важным. По-моему, теперь мы можем твердо считать, что Кейли должен был спрятать только одежду.

— Но почему не оставить ее в проходе?

— Проход его страшит. Мисс Норрис знает про проход.

— Ну, а в его собственной спальне или даже в спальне Марка? Ведь насколько известно тебе, мне и всем остальным, Марк вполне мог иметь два коричневых костюма. Да, наверное, и имел, так мне кажется.

— Вполне вероятно. Но сомневаюсь, что это успокоило бы Кейли. Коричневый костюм прятал какой-то секрет, а потому коричневый костюм требовалось спрятать. Теоретически мы все знаем, что безопаснейшее место, чтобы прятать, это наиболее очевидное, но на практике мало у кого хватит духа так рисковать.

Билл выглядел крайне разочарованным.

— Значит, мы просто вернулись к тому, с чего начали, — пожаловался он. — Марк убил брата, и Кейли помог ему сбежать по потайному ходу, то ли чтобы скомпрометировать его, то ли потому, что другого выбора не было. И он помог ему, соврав про коричневый костюм.

Энтони улыбнулся, будто отличной шутке.

— Такое невезение, Билл! — сказал он сочувственно. — В конце-то концов всего одно убийство. Я жутко сожалею. Я виноват, что...

— Заткнись, осел! Ты знаешь, я этого не подразумевал.

— Ну, ты выглядишь жутко разочарованным.

Билл некоторое время молчал, а потом с неожиданным смехом сознался:

— Вчера все было до жути здорово, — сказал он виновато. — И мы словно бы разобрались во всем, открыли самые удивительные секреты, а сегодня...

— А сегодня?

— Ну, куда более обыденно.

Энтони ответил взрывом хохота.

— Обыденно! — вскричал он. — Обыденно! Черт меня подери! Обыденно! Если хотя бы *одно* оказалось обыденным, мы могли бы что-то предпринять, но смехотворно *все*.

Билл снова посветлел.

— Смехотворно? Каким образом?

— Да любым. Возьми эти смехотворные предметы одежды, которые мы нашли вчера ночью. Ты можешь объяснить коричневый костюм, но почему нижнее белье? Ты можешь

объяснить нижнее белье очередной нелепостью, если хочешь. Например, можешь сказать, что Марк всегда менял нижнее белье перед свиданием с кем-либо из Австралии, но в этом случае, почему, мой дорогой Ватсон, *почему* он не сменил воротничок?

— Воротничок? — сказал Билл в изумлении.

— Воротничок, мой дорогой Ватсон.

— Не понимаю.

— До того обыденно! — съязвил Энтони.

— Извини, Тони. Я имел в виду не это. Объясни про воротничок.

— Собственно, это все. В сумке вчера ночью воротничка не было. Рубашка, носки, галстук — ну, все, кроме воротничка. Почему?

— Значит, это его ты искал в шкафу? — сказал Билл возбужденно.

— Конечно. «Почему нет воротничка?» — сказал я. По какой-то причине Кейли счел необходимым спрятать всю одежду Марка. Не просто костюм, но все, что было на нем, или предположительно было, в момент убийства. Но он не спрятал воротничок. Почему? Оставил по ошибке? Поэтому я заглянул в шкаф. Его там не было. Оставил он его нарочно? Если так, то почему? И где он? Естественно, я начал спрашивать себя «где в последнее время я видел воротничок? Воротничок сам по себе?» И я вспомнил... что я вспомнил, Билл?

Билл насупился и помотал головой.

— Не спрашивай меня, Тони. Я не могу... Черт подери! — Он вскинул голову. — В бельевой корзине в спальне при кабинете!

— Точно.

— Но тот ли он самый?

— Тот, который сопутствовал остальной одежде? Не знаю. Но где еще может он быть?

А если так, почему небрежно отправить этот воротничок в стирку обычным порядком и с такими трудностями прятать все остальное? Почему? Почему? Почему?

Билл стиснул зубами мундштук трубки, но не нашел, что сказать.

— В любом случае, — сказал Энтони, беспокойно вставая, — Марк знал в понедельник, что Роберт едет сюда.

Глава XIX

РАССЛЕДОВАНИЕ

Коронер после нескольких положенных слов об ужасном характере трагедии, которую им предстоит расследовать сегодня днем, перешел к ознакомлению присяжных с делом. Будут вызваны свидетели для опознания покойного как Роберта Эблетта, брата владельца Красного Дома Марка Эблетта. Будет представлено, что он отличался неподобающим поведением и большую часть жизни провел в Австралии, а также, что в письме, которое почти можно назвать угрожающим, он сообщил о своем намерении посетить брата днем в тот день. Будут представлены свидетельства его приезда, его препровождения на место трагедии — комнату в Красном Доме, обычно называемую «кабинет», и о приходе его брата в эту комнату. Присяжные должны будут составить собственное мнение о том, что произошло там. Но, чтобы ни произошло, произошло почти немедленно. В пределах двух минут после вхождения Марка Эблетта в кабинет, как будет засвидетельствовано, был услышан выстрел, а когда — предположительно пять минут спустя — дверь в комнату была взломана, было обнаружено мертвое тело Роберта Эблетта, распростертое на полу. Что до Марка Эблетта, никто не видел его с того момента, как он вошел в комнату, но будут предъявлены доказательства, что при нем тогда была сумма денег, достаточная, чтобы уехать в другую часть страны, и что мужчина, отвечающий его описанию, был замечен на платформе стэнтонского вокзала, видимо, с намерением сесть в поезд три пятьдесят пять на Лондон. Как следует учесть присяжным, подобные опознания не всегда достоверны. Исчезнувшие люди имеют обыкновение опознаваться в десятках разных мест одновременно. В любом случае в данный момент сомнений, что Марк Эблетт исчез, нет никаких.

— Как будто здравомыслящий типус, — шепнул Энтони Биллу. — Лишних слов не тратит.

Энтони не предполагал извлечь много нового из показаний — к этому моменту факты дела он знал досконально, — но вот не родились ли у инспектора Берча какие-нибудь новые теории? Если да, то они проявятся в допросах коронера, поскольку коронер, без сомнения, был проинструктирован полицией, какие важные факты следует извлекать из каждого свидетеля. Билл был первым, подвергнутым извлечению.

— Касательно этого письма, мистер Беверли? — был он спрошен, когда завершил свои главные показания. — Вы сами его видели?

— Написанных строчек я не видел. Я видел только обратную сторону. Марк держал его поднятым, когда рассказывал про своего брата.

— Следовательно, вы не знаете, что было в нем?

Билл испытал внезапный шок. Он прочитал это письмо не далее, чем утром. И прекрасно знал, что оно содержало. Но признаться в этом было никак нельзя. И тут как раз, когда он приготовился лжесвидетельствовать, он вспомнил, что Энтони слышал, как Кейли сообщил содержание письма инспектору.

— Узнал позднее. Мне сказали. Но Марк за завтраком вслух его не читал.

— Однако вы поняли, что письмо было неприятным?

— О, да!

— Вы бы сказали, что Марка оно испугало?

— Не испугало. Он словно был сильно раздосадован, но смирился с неизбежным. Что-

то вроде: «О Господи! Опять начинается!»

Кое-где раздались смешки. Коронер улыбнулся и попытался сделать вид, будто и не думал улыбаться.

— Благодарю вас, мистер Беверли.

Следующим свидетелем был некий Эндрю Эймс. И Энтони встрепенулся, прикидывая кто он такой.

— Он живет во внутренней сторожке, — шепнул ему Билл.

Все, что имел сказать Эймс, исчерпывалось следующим: в тот день незадолго до трех мимо его сторожки прошел неизвестный мужчина и заговорил с ним. Он видел тело и узнал в нем этого человека.

— Что он сказал?

— «К Красному Дому сюда?» — или что-то вроде.

— Что сказали вы?

— Я сказал: «Это Красный Дом. Кого вы хотите видеть?» Выглядел он таким неотесанным, знаете ли, сэр, и я не понимал, что ему тут нужно.

— Ну и?

— Ну, сэр, он сказал: «Мистер Марк Эблетт дома?» Так оно вроде бы и ничего, сэр, но только мне не понравилось, как он это сказал. А потому я встал перед ним и сказал: «Чего вам надо, э?» А он вроде как хихикнул и сказал: «Мне надо увидеть моего дорогого брата Марка». Ну, тогда я всмотрелся в него и увидел, что, может, он и брат, а потому сказал: «Коли вы пойдете по подъездной аллее, сэр, то выйдете к дому. Конечно, я не могу знать, дома ли мистер Эблетт». А он вроде как опять засмеялся по-вредному и сказал: «Отличной усадьбой обзавелся мистер Марк Эблетт. Денег куры не клюют, э?» Ну, тут я снова в него всмотрелся, сэр, потому как джентльмены так не разговаривают, а если он брат мистера Эблетта... Но прежде чем я что-то решил, он захохотал и пошел дальше. Вот все, что я могу сказать вам, сэр.

Эндрю Эймс спустился с возвышения для свидетелей и направился в глубину зала. Энтони не спускал с него глаз, пока не убедился, что Эймс намерен оставаться тут до конца расследования.

— С кем Эймс разговаривает сейчас? — шепнул он Биллу.

— С Парсонсом. Одним из садовников. Он живет в наружной сторожке на дороге в Стэнтон. Они сейчас все тут. Что-то вроде праздника для них.

«Интересно, будет ли он давать показания?» — подумал Энтони.

Да. Следом за Эймсом. Он работал на газоне перед домом и видел, как прибыл Роберт Эблетт. Выстрела он не слышал. А может, не заметил. Он чуток глуховат. И еще он видел, как через пять минут после мистера Роберта пришел еще один джентльмен.

— Вы не видите его сейчас в суде? — спросил коронер.

Парсонс медленно повернул голову. Энтони перехватил его взгляд и улыбнулся.

— Вон он, — сказал Парсонс, тыча пальцем.

Все уставились на Энтони.

— Это было примерно пять минут спустя?

— Вроде так, сэр.

— Кто-нибудь выходил из дома перед тем, как прибыл этот джентльмен?

— Нет, сэр. То есть я не видел, чтоб кто-то выходил.

Следующей была очередь Стивенс. Показания она давала примерно так же, как раньше

инспектору. Ее допрос не выявил ничего нового. Ее сменила Элли. Репортеры, записывая, что она услышала, добавили в скобках «сенсация» в первый раз за все время расследования.

— Как скоро после того, как вы услышали все это, раздался выстрел?

— Почти сразу, сэр.

— Через минуту?

— Не могу сказать, сэр. Так все было быстро.

— Вы все еще были в вестибюле?

— Ох, нет, сэр. Я была у самой двери комнаты миссис Стивенс. Экономки, сэр.

— Вы не подумали о том, чтобы вернуться в вестибюль и выяснить, что произошло?

— Ох, нет, сэр. Я просто вошла к миссис Стивенс и сказала: «Ох, да что это было?» — испуганно так. И я сказала: «Это было в доме, миссис Стивенс, в доме». Ну, прямо, будто что взорвалось.

— Благодарю вас, — сказал коронер.

Новый взрыв эмоционального волнения в зале, когда место на возвышении занял Кейли; не «сенсация» на этот раз, но живой и, как показалось Энтони, сочувственный интерес.

Он давал показания взвешенно, не проявляя никаких чувств — ложь звучала с такой же размеренностью, как и правда. Энтони напряженно следил за ним, прикидывая, в чем заключается его странная привлекательность. Ведь Энтони, знавший, что он лжет, и лжет (как он полагал) не ради Марка, а ради себя, тем не менее в какой-то мере невольно разделял это общее сочувствие ему.

— У Марка когда-нибудь был револьвер? — спросил коронер.

— Нет, насколько мне известно. Думаю, я знал бы, если бы он у него был.

— Вы были наедине с ним все утро. Он не упомянул об ожидаемом приезде Роберта?

— Утром я почти не видел его. Я работал в моей комнате и снаружи, и так далее. Мы встретились за ланчем, и тогда он кое-что сказал.

— Что именно?

— Н-у... — Он поколебался, а затем продолжил: — Не могу найти более подходящего слова, чем «брюзгливо». Иногда он повторял: «Как ты думаешь, что ему нужно?», или: «Мне не нравится тон его письма. Ты думаешь, он что-то задумал?» Ну, и тому подобное.

— Выразил ли он удивление, что его брат в Англии?

— Думаю, он всегда опасался, что Роберт рано или поздно объявится.

— Так... Вы не слышали какого-нибудь разговора братьев, когда они были вместе в кабинете?

— Нет. Сразу после прихода Марка я направился в библиотеку и не выходил из нее.

— Дверь в библиотеку была открыта?

— О, да.

— Вы не видели и не слышали последнюю свидетельницу?

— Нет.

— Если кто-нибудь вышел бы из кабинета, пока вы были в библиотеке, вы услышали бы это?

— Думаю, да. Конечно, если бы они не старались двигаться бесшумно.

— Так... Вы назвали бы Марка вспыльчивым?

Кейли тщательно обдумал вопрос, прежде чем ответить.

— Вспыльчивым — да, — сказал он. — Но не склонным к насилию.

— Был ли он атлетически развит? Активным и быстрым?

— Активным и быстрым — да. Но не особенно сильным.

— Так... Еще один вопрос. Была ли у Марка привычка иметь при себе большие суммы денег?

— Да. У него с собой всегда была стофунтовая банкнота, а вдобавок, возможно, еще фунтов десять — двадцать.

— Благодарю вас, мистер Кейли.

Кейли тяжелой походкой вернулся на свое место.

«Черт подери, — сказал Энтони себе, — ну почему он мне нравится?»

— Энтони Джиллингем!

Вновь можно было ощутить живое любопытство зала. Кто этот незнакомец, так таинственно оказавшийся причастным к происшедшему?

Энтони улыбнулся Биллу и поднялся на возвышение давать показания.

Он объяснил, по какой причине остановился в «Георге» в Вудхеме; как он услышал, что Красный Дом совсем близко оттуда; как он пошел навестить своего друга Беверли и пришел как раз после трагедии. Обдумывая случившееся после, он сделал вывод, что слышал выстрел, но в тот момент не придал этому звуку никакого значения. К дому он подошел со стороны Вудхема, а потому не видел Роберта Эблетта, опережавшего его на несколько минут. Далее его показания совпадали с показаниями Кейли.

— Вы и последний свидетель вместе подошли к стеклянным дверям и обнаружили, что они заперты?

— Да.

— Вы взломали их и подошли к телу. Разумеется, вы понятия не имели, чье это тело?

— Нет.

— Сказал ли мистер Кейли что-либо?

— Он перевернул тело так, чтобы увидеть лицо. А когда увидел, то сказал: «Слава Богу».

Вновь репортеры написали «сенсация».

— Вы поняли, что он подразумевал?

— Я спросил его, кто это, и он сказал, что это Роберт Эблетт. Затем объяснил, что сначала испугался, что это был его кузен, у которого он живет. Марк.

— Так. Он выглядел взволнованным?

— Сначала очень сильно. Но затем слегка успокоился, убедившись, что это был не Марк.

Внезапно нервный джентльмен среди толпы в глубине зала захихикал.

Коронер надел очки и сурово поглядел туда, откуда донеслось хихиканье. Нервный джентльмен решил, что самая пора затянуть шнурок башмака. Коронер снял очки и продолжал:

— Кто-нибудь выходил из дома, пока вы шли к нему по подъездной аллее?

— Нет.

— Благодарю вас, мистер Джиллингем.

За ним последовал инспектор Берч. Инспектор, сознавая, что это его день и что глаза всего мира прикованы к нему, предъявил план дома и указал расположение разных комнат. Затем план был передан присяжным.

Инспектор Берч, так он поведал миру, прибыл в Красный Дом в четыре часа сорок две минуты того дня, о котором идет речь. Его принял мистер Мэтью Кейли, который сделан

ему краткое заявление, и затем он направился исследовать место преступления. Стекло двери были взломаны снаружи. Дверь в вестибюль была заперта; он досконально обыскал комнату и не обнаружил никаких следов ключа. В спальне за кабинетом он нашел открытое окно. На окне не было никаких следов, но расположено оно низко и, как он установил экспериментально, было очень легко перешагнуть через подоконник, не коснувшись его подошвами. В нескольких ярдах за окном начинается кустарник. За окном не было никаких свежих следов, но земля там очень твердая ввиду отсутствия дождей. В кустах, однако, он нашел несколько сломанных веток, а также и другие признаки, что какое-то тело пробиралось через них. Он допросил всех, имеющих какое-либо отношение к усадьбе, и никто из них в недавнее время в кусты не заходил. Пробираясь через кусты, человек может обойти дом стороной и выйти к Стэнтонской опушке парка, оставаясь невидимым со стороны дома.

Он навел справки о покойном. Покойный уехал в Австралию примерно пятнадцать лет назад из-за каких-то финансовых затруднений дома. В деревне, из которой происходили он и его брат, о нем отзывались дурно. Покойный и его брат никогда не были в хороших отношениях, и тот факт, что Марк Эблетт разбогател, стал причиной ожесточенной неприязни между ними. И в Австралию Роберт уехал вскоре после этого.

Он навел справки на вокзале в Стэнтоне. Это был рыночный день в Стэнтоне, и вокзал более обычного был заполнен. Никто конкретно не заметил приезда Роберта Эблетта; в этот день большое число пассажиров сошло с поезда два десять, поезда, на котором Роберт, несомненно, приехал из Лондона. Однако свидетель покажет, что в тот день в три пятьдесят три пополудни он заметил на вокзале мужчину, похожего на Марка Эблетта; и что этот мужчина сел в поезд три пятьдесят пять на Лондон.

На землях Красного Дома имеется пруд. Он его протралил, но безрезультатно.

Энтони слушал его невнимательно, все это время думая о своем. Последовало медицинское заключение, но оно не могло ничего подсказать. Он чувствовал, что близок к истине. В любую секунду что-то могло оказаться тем намеком, в котором нуждался его мозг. Инспектор всего лишь копался в обыденности. А дело могло быть чем угодно, только не обыденным. В нем крылось что-то запредельное.

Показания давал Джон Борден. Во вторник днем он был на платформе, провожая друга, уезжавшего на поезде три пятьдесят пять. Он заметил на платформе мужчину с поднятым воротником пальто и кашне вокруг подбородка. Он удивился, почему мужчина кутается в такой жаркий день. Мужчина, казалось, старался остаться незамеченным. Едва поезд остановился, как он кинулся в вагон. И так далее.

«В деле об убийстве всегда находится свой Джон Борден», — сказал себе Энтони.

— Вы когда-нибудь видели Марка Эблетта?

— Раза два, сэр.

— Это был он?

— Я его как следует не разглядел, сэр. Из-за поднятого воротника, кашне и вообще. Но чуть я услышал про это прискорбное дело, и что мистер Эблетт исчез, я сказал миссис Борден: «А не мистера ли Эблетта я видел на вокзале?» Ну, тогда мы это обсудили и порешили, что надо сообщить инспектору Берчу. Рост был точно как у мистера Эблетта, сэр.

Энтони погрузился в свои мысли.

Коронер суммировал:

— Присяжные, — сказал он, — теперь выслушали все свидетельства и должны будут

решить, что произошло в комнате между двумя братьями. В чем была причина смерти покойного. Медицинское заключение, вероятно, убедит их, что мистер Эблетт умер в результате пулевого ранения головы. Кто выпустил эту пулю? Если Роберт Эблетт сам выпустил пулю, они, несомненно, вынесут вердикт «самоубийство», но если так, где находится револьвер, выстреливший ею? И что случилось с Марком Эблеттом? Если они не верят в возможность самоубийства, что остается? Смерть в результате несчастного случая, оправданная самозащита и убийство. Могли покойный быть убитым случайно? Это было возможным, но сбежал ли бы тогда Марк Эблетт? Свидетельства, что он сбежал с места преступления, были очень весомы. Его кузен видел, как он входил в комнату. Горничная Элси Вуд слышала, как он ссорился с братом в этой комнате. Дверь была заперта изнутри, и имелись признаки, что снаружи открытого окна кто-то недавно пробирался через кусты. Кто, если не Марк? Тогда им надо будет взвесить, сбежал бы он, если не был виновен в смерти брата? Без сомнения, невинные люди иногда теряют голову, поддавшись панике. Возможно, что будь впоследствии доказано, что Марк Эблетт застрелил своего брата, также может быть доказано, что он был вынужден поступить так и что, когда он сбежал от трупа своего брата, в действительности ему не надо было бояться рук Закона. В такой связи ему вряд ли нужно напоминать присяжным, что они не высший трибунал и что если они найдут Марка Эблетта виновным в убийстве, это никак не повлияет на суд над ним, если и когда он будет арестован... Присяжные могут обсудить свой вердикт.

Они его обсудили. Они объявили, что покойный умер в результате пулевого ранения, и что пуля была выпущена его братом Марком Эблеттом.

Билл повернулся к Энтони сбоку от себя. Но Энтони там не оказалось. По ту сторону зала он увидел Эндрю Эймоса и Парсонса, выходящих в дверь вместе, а между ними шел Энтони.

Глава XX

МИСТЕР БЕВЕРЛИ БЕЗУПРЕЧНО ТАКТИЧЕН

Расследование проводилось в «Агнце» в Стэнтоне; в Стэнтоне же на следующий день должен был быть погребен Роберт Эблетт. Билл ждал своего друга снаружи, недоумевая, куда он пропал. Затем, сообразив, что Кейли вот-вот выйдет к своему автомобилю и что прощальный разговор с Кейли будет чуточку неловким, он удалился за угол во двор гостиницы, закурил сигарету и стоял, рассматривая рваную, натерпевшуюся от непогоды афишу на стене конюшни. «ТЕАТРАЛЬНОЕ ГАЛА-ПРЕДС, — возвещала она, — имее место быть в среду декаб». Билл тихо улыбнулся, глядя на нее, так как роль Джо, болтливого почтальона, играл «Уильям Б. Беверл», как все еще утверждали останки афиши, а он был куда менее болтлив, чем предполагал автор, поскольку начисто позабыл все реплики, но тем не менее преотличное развлечение. И тут он перестал улыбаться, потому что теперь в Красном Доме больше развлечений не будет.

— Извини, что заставил тебя ждать, — раздался у него за спиной голос Энтони. — Мои старые друзья, Эймос и Парсонс, настояли на том, чтобы поставить мне выпивку.

Он просунул руку под локоть Билла и улыбнулся ему счастливой улыбкой.

— Почему ты ими так заинтересовался? — спросил Билл с некоторой обидой. — Я понять не мог, куда ты подевался.

Энтони ничего не ответил. Он уставился на афишу.

— Когда это было? — спросил он.

— Что было?

Энтони указал на афишу.

— Ах, это! В прошлое Рождество. Преотличное развлечение.

Энтони засмеялся своим мыслям.

— Ты был хорош?

— Никуда не годен. Я не претендую быть актером.

— Марк был хорош?

— Очень даже. Он это обожал.

— Преподобный Генри Заикинг — мистер Мэтью Кейли, — прочел Энтони. — Наш друг Кейли?

— Да.

— И как?

— Ну, гораздо лучше, чем я ожидал. Он не очень хотел, но Марк его заставил.

— Мисс Норрис не участвовала, как я вижу.

— Мой дорогой Тони, она же профессиональная актриса. Конечно, она не участвовала.

Энтони снова засмеялся.

— Огромный успех, а?

— Да, порядочный.

— Я дурак и чертов дурак, — торжественно объявил Энтони. — И чертов дурак, — повторил он шепотом, уводя Билла от афиши и со двора на дорогу. — И чертов дурак. Даже сейчас... — Он умолк, а потом спросил внезапно: — У Марка когда-нибудь были неприятности с зубами?

— Он часто навещал своего дантиста. Но при чем...

Энтони засмеялся в третий раз.

— Какая удача! Но откуда ты знаешь?

— Это и мой дантист. Его мне рекомендовал Марк. Картрайт на Уимпол-стрит.

— Картрайт на Уимпол-стрит, — повторил Энтони задумчиво. — Да, я сумею это запомнить. Картрайт на Уимпол-стрит. А Кейли, случаем, тоже у него лечится?

— Наверное. Ах да, точно. Но какого черта...

— А каким было здоровье Марка в целом? Он часто навещал врача?

— Практически никогда, по-моему. Рано утром он проделывал всякие упражнения, которые, предположительно, должны были обеспечить ему бодрость и хорошее настроение за завтраком. Этого они не обеспечивали, но как будто поддерживали его в хорошей форме. Тони, я бы хотел, чтобы ты...

Энтони поднял ладонь и принудил его замолчать.

— Еще один вопрос, — сказал он. — Марк любил плавать?

— Нет. Терпеть не мог. Не думаю, чтобы он вообще УМЕЛ плавать. Тони, кто сошел с ума? Ты или я? Или это новая игра?

Энтони стиснул его локоть.

— Милый старина Билл, — сказал он. — Это игра. И какая игра! А ответ — Картрайт на Уимпл-стрит.

Они в молчании прошли полмили или около того по дороге в Вудхем. Билл два-три раза попытался завести разговор, но Энтони только буркал в ответ нечто нечленораздельное. Билл как раз собрался сделать еще попытку, но тут Энтони внезапно остановился и с тревогой обернулся к нему.

— Ты не сделал бы для меня кое-что? — сказал он, глядя на него с некоторым сомнением.

— А что именно?

— Ну, по правде сказать, это дьявольски важно. Единственное, что теперь мне требуется.

Билл внезапно вновь проникся энтузиазмом.

— Послушай, ты правда во всем разобрался?

Энтони кивнул.

— По крайней мере я уже почти у цели, Билл. Остается только это одно. И, значит, тебе придется вернуться в Стэнтон. Ну, ушли мы не слишком далеко, и у тебя это много времени не займет. Ты не против?

— Мой дорогой Холмс, я к вашим услугам.

Энтони ответил ему улыбкой и промолчал, размышляя.

— В Стэнтоне есть еще гостиница? Поближе к вокзалу?

— «Плуг и лошади». На самом углу, где улица ведет к вокзалу. Ты про нее?

— Подходит. Думаю, ты не прочь выпить, верно?

— Еще бы! — сказал Билл с ухмылкой.

— Отлично. Ну, так выпей в «Плуге и лошадях». Повтори, если захочешь, и поговори с хозяином или с хозяйкой, или с тем, кто тебя обслужит. Я хочу, чтобы ты узнал, останавливался ли кто-нибудь там на ночь в понедельник.

— Роберт? — сказал Билл возбужденно.

— Я не сказал «Роберт», — сказал Энтони, улыбаясь. — Я просто хочу, чтобы ты узнал, был ли у них постоялец в ночь на понедельник. Незнакомый. Если так, то любые

подробности, которые ты сумеешь узнать про него, не дав хозяину заподозрить, что ты интересуешься...

— Предоставь это мне, — перебил Билл. — Я знаю, что тебе требуется.

— Не считай заранее, будто это был Роберт или еще кто-либо. Пусть они опишут тебе этого человека. Не повлияй на них нечаянно, предположив, что он был низкого роста или высокого. Просто дай им говорить. А если это будет хозяин, поставь ему выпить разок-другой.

— Ладненько, — сказал Билл неколебимо. — Где я найду тебя потом?

— Вероятно, в «Георге». Если окажешься там раньше меня, то можешь заказать обед на восемь часов. Во всяком случае, встретимся в восемь, если не раньше.

— Отлично! — Он кивнул Энтони и бодро зашагал назад к Стэнтону.

Энтони стоял, глядя ему вслед и чуточку улыбаясь его энтузиазму. Потом медленно посмотрел по сторонам, словно ища чего-то. Внезапно он увидел то, что хотел увидеть. В двадцати ярдах дальше оказался проселок, сворачивавший влево, и немного дальше по правую руку виднелся низкий шлагбаум. Набивая трубку, Энтони направился туда. Он раскурил трубку, уселся на шлагбаум и зажал голову в ладонях.

— Ну, вот, — сказал он себе, — давай начнем сначала.

Было почти восемь, когда Уильям Беверли, знаменитая ищейка, усталый и пропыленный подошел к «Георгу» и увидел, что Энтони, совсем не потный и чистый стоит без шляпы у дверей и ждет его.

— Обед готов? — были первые слова Билла.

— Да.

— Ну, тогда мне остается только вымыться. Господи, ну и устал же я!

— Мне не следовало утруждать тебя, — сказал Энтони раскаянно.

— Все в порядке. Я и минуты не задержусь. — На полпути вверх по ступенькам он обернулся и спросил: — Я в твоём номере?

— Да. Дорогу знаешь?

— Да. Начни разрезать жаркое, ладно? И закажи побольше пива.

Он исчез наверху лестницы. Энтони медленно вошел внутрь.

Когда острота его аппетита притупилась, и он мог уделить немножко времени между плотками, Билл отчитался в своих приключениях. Хозяин «Плуга и лошадей» оказался тягучим, до жути тягучим — сначала Биллу не удавалось хоть что-то из него выжать. Но Билл был тактичен, господипомилуйнас, до чего тактичен он был!

— Он все дудел про расследование, и какое странное это дело, и так далее, и как однажды было расследование в семье его жены, которым он вроде бы очень гордится, а я все повторял: «По горло, думается, сейчас заняты, э?», а он тогда отзывался «средненько», и опять давай про Сьюзен — про ту, у которой было расследование, — он говорил так, будто это такая болезнь, а я тогда опять пробую и говорю: «Застойное, думается, сейчас времечко, э?» А он опять говорит «средненько», и тут настал момент угостить его второй раз, а я словно бы с места не сдвинулся. Но я все-таки поймал его на крючок. Спросил, знает ли он Джона Бордена — того человека, который сказал, что видел Марка на вокзале. Ну, прс Бордена он знал досконально, и когда рассказал мне все про семью жены Бордена, и как один из них чуть не сгорел заживо — пивка после тебя, спасибо — ну, тогда я сказал небрежно, что, должно быть, очень трудно запомнить кого-то, кого видел мимоходом один

раз, чтобы потом его опознать, и он согласился, что это будет «средненько», и тогда...

— Дай-ка мне угадать с трех раз, — перебил Энтони. — Ты спросил, помнит ли он всех, кто останавливался в его гостинице?

— Верно. Ловко, а?

— Блестяще. И каков был результат?

— Результатом была женщина.

— Женщина? — сказал Энтони возбужденно.

— Женщина! — сказал Билл внушительно. — Конечно, я думал, что это будет Роберт... как и ты, верно? Но это была женщина. Приехала очень поздно в понедельник вечером на автомобиле, сама за рулем, уехала рано на следующее утро.

— Он ее описал?

— Да. Она была средненькая. Средненький рост, средненький возраст, средненький цвет лица и так далее. Не слишком помогает, верно? Тем не менее — женщина! Это подрывает твою теорию?

— Нет, Билл, вовсе нет, — сказал Энтони.

— Ты все время знал? Или по крайней мере догадался?

— погоди до завтра. Я все расскажу тебе завтра.

— Завтра! — сказал Билл с великим разочарованием.

— Ну, одно я скажу тебе сейчас, если обещаешь не задавать мне других вопросов. Но вероятно, ты это уже знаешь.

— Что это?

— Всего лишь, что Марк Эблетт не убивал своего брата.

— И его убил Кейли?

— Это уже другой вопрос, Билл. Однако ответ, что и не Кейли.

— Ну так кто же, черт дерит...

— Выпей еще пивка, — сказал Энтони с улыбкой, и Билл был вынужден удовлетвориться этим.

В этот вечер они рано отправились спать, так как оба очень устали. Билл спал громко и вызывающе, но Энтони лежал без сна, прикидывая, что происходит сейчас в Красном Доме. Возможно, он услышит утром, возможно, получит письмо. Он заново перебрал в уме всю историю с самого начала — есть ли возможность ошибки? Как поступит полиция? Докопаются ли они когда-нибудь? Должен ли он сообщить им? Ну, пусть сами установят, это же их работа. Конечно же, он не мог ошибиться на этот раз. Но нет смысла прикидывать сейчас; утром он будет знать твердо.

Утром он получил письмо.

Глава XXI

ИЗВИНЕНИЯ КЕЙЛИ

«Мой дорогой мистер Джиллингем, из вашего письма я понял, что вы сделали некоторые открытия, которые можете счесть своим долгом сообщить полиции, и что в таком случае мой арест по обвинению в убийстве последует незамедлительно. Почему при таких обстоятельствах вы так загодя предупреждаете меня о своих намерениях, мне непонятно, если только вы немного мне не симпатизируете. Но симпатизируете вы или нет, вы захотите узнать — и я хочу, чтобы вы узнали, — как именно Эблетт встретил свою смерть, и причины, сделавшие эту смерть необходимой. Если полиции будет сообщено что-либо, я предпочту, чтобы и они узнали всю историю полностью. Они (и даже вы) могут назвать это убийством, но к тому времени меня уже больше не будет. Пусть называют чем пожелают.

Я должен начать, вернувшись с вами назад, в летний день, когда я был тринадцатилетним мальчиком, а Марк — молодым человеком двадцати пяти лет. Вся его жизнь была притворством, и тогда он как раз изображал себя филантропом. Он сидел в нашей маленькой гостиной, похлопывая перчатками тыльную сторону левой ладони, а моя мать, святая душа, думала, какой он благородный молодой джентльмен, а Филип и я, поспешно умытые и втиснутые в воротнички, стояли перед ним, подталкивая друг друга локтями и постукивая задниками каблуков, и от всего сердца проклиная его за то, что он помешал нам играть. Он решил взять одного из нас под свою опеку, добрый кузен Марк. Только Небесам известно, почему он выбрал меня. Филипу было одиннадцать — лишних два года ожидания. Возможно, вот почему.

Ну, Марк дал мне образование. Я учился в аристократической школе, затем в Кембридже, и стал его секретарем. Да, отнюдь не только секретарем, как ваш друг Беверли, возможно, сказал вам. Его управляющим, его финансовым консультантом, его курьером, его... — но, самое главное, его слушателем. Марк был не способен жить в одиночестве. Всегда требовался кто-то, чтобы слушать его. Полагаю, в глубине души он надеялся, что я стану его биографом на манер Босуэлла. Однажды он сказал мне, что назначил меня своим литературным душеприказчиком, бедняга. И он имел обыкновение писать мне нелепо длинные письма, когда я бывал в отъезде, письма, которые, прочитав, я тут же рвал. Пустопорожность этого человека!

Три года назад Филип попал в беду. После дешевой государственной школы он был торопливо засунут в лондонскую контору и обнаружил, что в этом мире на два фунта в неделю весело не поживешь. Однажды я получил от него отчаянное письмо — ему немедленно нужны сто фунтов или для него все будет кончено, и я попросил эти деньги у Марка. Только займы, вы понимаете; он платил мне хорошее жалованье, и я вернул бы эту сотню за три месяца. Но нет. Он, я полагаю, не увидел в этом ничего для себя — ни рукоплесканий, ни восхищения. Благодарен Филип был бы мне, а не ему. Я умолял, я угрожал, мы препирались, и, пока мы препирались, Филипа арестовали. Это убило мою мать — он всегда был ее любимцем, — но Марк, как обычно, извлек из этого похвалу для себя. Он упивался сознанием, что он такой тонкий судья характеров! Ведь двенадцать лет назад выбрал меня, а не Филипа!

Позже я извинился перед Марком за безрассудные вещи, которые наговорил ему, а он сыграл роль великодушного джентльмена с обычным своим искусством, однако, хотя внешне

между нами все словно было как прежде, с того дня и дальше, хотя тщеславие не позволяло ему увидеть это, но я стал самым лютым его врагом. Будь это все, не знаю, убил ли бы я его? Жить в подобии теснейшей дружбы с человеком, которого вы ненавидите, значит ставить вашего друга под постоянную угрозу. Из-за его веры в меня как в восхищающегося им и благодарного ему протеже и его веры в себя как в моего благодетеля, он оказался полностью в моей власти. Я мог не торопиться и ждать удобного случая. Может быть, я не убил бы его, но я поклялся отомстить — и он, жалкий тщеславный глупец, был у меня в руках. Я не торопился.

Два года спустя мне пришлось переоценить свое положение, поскольку мщение ускользало от меня. Марк начал пить. Мог бы я остановить его? Не думаю, но, к моему огромному изумлению, я поймал себя на том, что пытаюсь препятствовать ему. Инстинкт брал верх над рассудком? Либо я, положившись на рассудок, внушил себе, что, упейся он до смерти, я лишусь своего мщения? Честное слово, дать вам ответ я не могу. Однако какими бы ни были мои побуждения, я искренне старался положить конец его пьянству. Пьянство же такая мерзость!

Отучить его я не мог, но удерживал в определенных рамках, так что никто, кроме меня, не знал про этот его секрет. Да, я обеспечивал ему внешнюю приличность; и, быть может, я уподобился каннибалу, поддерживающему свои жертвы в хорошей форме ради собственных целей. Я злорадствовал, наблюдая Марка, думая, с какой полнотой я могу погубить его, как мне вздумается — финансово, нравственно, любым способом, который сулит мне наибольшее удовлетворение. Мне стоило только отнять мою руку, и он пошел бы на дно. Но, опять-таки, я не торопился.

Затем он убил себя. Этот пустопорожний пьянчужка, разъедаемый эгоизмом и тщеславием, предложил свою омерзительность самой лучшей, самой чистой женщине на земле. Вы видели ее, мистер Джиллингем, но вы не были знакомы с Марком Эблеттом. Даже не будь он пьяницей, не было никаких шансов, что она будет с ним счастлива. Я знал его много лет, но ни разу не видел, чтобы им руководила какая-либо достойная эмоция. Жизнь с этой иссохшей сморщенной душонкой обернулась бы для нее адом, и адом в тысячу раз худшим, когда он начал пить.

Итак, его необходимо было убить. Я остался единственным, кто мог защитить ее, ведь ее мать стакнулась с Марком, чтобы обречь ее на гибель. Ради нее я мог бы открыто застрелить его, и с какой радостью! Но я не был склонен принести себя в жертву без нужды. Он был в моей власти, лестью я мог подбить его на что угодно; и, конечно же, будет нетрудно обставить его смерть как несчастный случай.

Не стану отнимать у вас время, излагая множество планов, которые я разрабатывал и отвергал. Несколько дней я склонялся к несчастью с лодкой на пруду — Марк очень посредственный пловец, я — выбившийся из последних сил в героической попытке поддержать его на плаву. И тут он сам подал мне идею, он и мисс Норрис вместе, и, таким образом, он отдавал себя в мои руки; без риска разоблачения, сказал бы я, если бы вы меня не вычислили.

Мы разговаривали о привидениях. Марк был даже более тщеславен, напыщен и нелеп, чем всегда, и я заметил, как это раздражало мисс Норрис. После обеда она предложила переодеться привидением и напугать его. Я счел себя обязанным предупредить ее, что Марк не выносит шуток над собой, но она твердо решила сделать это. Я неохотно уступил. И столь же неохотно открыл ей секрет прохода (из библиотеки к лужайке для боулинга ведет тайный

подземный ход. Вам следует поднапрячь вашу проницательность, мистер Джиллингем, и попытаться его отыскать. Марк случайно обнаружил его год назад. Такая удача для него! Так удобно напиваться там в большой секретности. Но он не мог не рассказать мне про него. Ему требовался слушатель даже для его пороков.)

Итак, я рассказал мисс Норрис, потому что мой план требовал, чтобы Марк перепугался донельзя. Без этого прохода ей никогда бы не удалось подойти к лужайке достаточно близко, чтобы напугать его по-настоящему. Однако благодаря моему пособничеству ее появление было очень эффектным, и Марк впал в то состояние ярости и мстительности, которое требовалось мне. Мисс Норрис, как вы знаете, профессиональная актриса. Мне незачем объяснять, что ей казалось, будто мной руководит всего лишь мальчишеское желание весело подшутить над всеми остальными, а не только над Марком.

Он пришел ко мне в тот вечер, как я и ожидал, все еще трясась от негодования. Больше никогда не приглашать мисс Норрис в гости; я должен взять это на особую заметку — больше никогда. Это неслыханно! Если бы он не должен был поддерживать свою репутацию безупречного гостеприимства, утром он бы вышвырнул ее вон. Однако она может пока остаться, как того требует гостеприимство, но больше никогда она не переступит порог Красного Дома! Тут он был непоколебим. Я должен взять это на особую заметку.

Я утешил его. Я пригладил его взъерошенные перья. Она вела себя очень плохо, но он абсолютно прав. Он должен попытаться не показывать, насколько он ее не одобряет. И, конечно, она больше никогда не появится здесь, это разумеется само собой. И тут я внезапно засмеялся. Он посмотрел на меня негодуя.

— В чем шутка? — сказал он холодно.

Я вновь негромко засмеялся.

— Я просто подумал, как было бы забавно, если бы ты... отомстил бы ей.

— Отомстил? Как это?

— Ну, отплатил бы ей той же монетой.

— Ты хочешь сказать: напугать ее?

— Нет нет. Но переодеться и поводить ее за нос. Выставить ее душой перед всеми остальными. — Я снова засмеяло. — И поделом ей!

Он возбужденно подпрыгнул.

— Черт побери, Кей! — воскликнул он. — Если бы я мог! Но как? Придумай что-нибудь.

Не знаю, говорил ли вам Беверли про актерство Марка. Он пробовал себя во всех родах искусства и гордился своими талантишками, но актером он казался себе потрясающим. Бесспорно, он обладал некоторыми способностями для игры на сцене при условии, что на сцене он главный и играет перед восхищенными зрителями.

Как профессиональный актер в небольшой роли он был бы безнадежен, а как любитель, играющий главную роль, он заслуживал все, что местные газеты когда-либо писали про него. И потому мысль дать частное представление для посрамления профессиональной актрисы, посмеявшейся подшутить над ним, равно взывала и к его тщеславию, и к жажде мести. Если он, Марк Эблетт, своей бесподобной игрой поставит Рут Норрис в дурацкое положение перед всеми остальными, а к тому же сможет обмануть ее, а затем присоединиться к общему смеху над ней, его месть поистине будет достойной.

(Это кажется вам ребячеством, мистер Джиллингем? А, но вы же не были знакомы с Марком Эблеттом!)

— Как, Кей, как? — твердил он возбужденно.

— Ну, я же еще этого не обдумал, — запротестовал я. — Это же была только идея.

Он принялся придумывать сам.

— Я мог бы сыграть антрепренера, приехавшего заключить с ней контракт... но, наверное, она знает их всех. А если интервьюером?

— Это будет трудно, — сказал я взвешивающе. — У тебя довольно характерное лицо, знаешь ли. А твоя бородка?

— Я ее сбрею! — огрызнулся он.

— Мой дорогой Марк!

Он отвел глаза и замямлил:

— Я уже давно думал сбрить ее. А, к тому же, если я берусь за что-то, то по-настоящему.

— Да, ты всегда во всем артист, — сказал я с восхищением.

Он замурлыкал. Он больше всего жаждал называться артистом. Теперь я знал, что он у меня на крючке.

— Тем не менее, — продолжал я, — даже без бородки и усов тебя могут узнать. Разве... — Я замолчал.

— Разве что?

— ...ты притворишься Робертом. — Я опять рассмеялся. — Черт возьми! — сказал я. — А это неплохая идея. Притвориться Робертом, непутевым братом и шокировать мисс Норрис. Занять у нее деньги, например, и прочее в том же духе.

Он радостно закивал, его маленькие глазки заблестели.

— Роберт, — сказал он. — Да-да. Как мы это устроим?

Роберт действительно существовал, мистер Джиллингом, как вы и инспектор, несомненно, установили. И действительно был непутевым мотом и уехал в Австралию. Но он не входил в Красный Дом днем во вторник. Никак не мог войти, поскольку умер (неоплаканным) три года назад. Но об этом, кроме меня и Марка, не знал никто. Он был последним из их семьи. Его сестра умерла в прошлом году. Впрочем, сомневаюсь, чтобы она знала, жив Роберт или умер. О нем не упоминали.

Следующие два дня мы с Марком работали над нашими планами. Вы уже поняли, что наши цели не совпадали. Целью Марка было обеспечить продление своего обмана, скажем, на пару часов. Моей — чтобы обман этот сошел бы с ним в могилу нераскрытым. Ему требовалось обмануть только мисс Норрис и остальных гостей; мне требовалось обмануть весь мир. Я намеревался убить его, едва он переоденется Робертом. Роберт тогда будет мертв, Марк, разумеется, исчезнет. И все подумают, что Роберта убил Марк, не так ли? Но вы видите, как важно было, чтобы Марк со всем тщанием отнесся к самому своему последнему переодеванию?

Вы скажете, что придать абсолютную достоверность этому перевоплощению было невозможно. Я вновь отвечу, что вы не знали Марка. Он ощущал себя тем, кем хотел быть больше всего — артистом. Никакой Отелло не чернил себя с ног до головы с таким энтузиазмом, как Марк. Бородка убиралась в любом случае — возможно, тут помогла какая-нибудь случайная фраза мисс Норбери. Ей бороды не нравились. Но огромную важность представляли руки мертвеца, которым не следовало быть наманикюренными руками джентльмена. Пять минут игры на тщеславии Марка покончили с его руками. Он позволил ногтям отрасти, а потом подстриг их кое-как.

— Мисс Норрис сразу обратит внимание на твои руки, — сказал я. — К тому же для артиста...

То же и с его нижним бельем. Едва ли надо было напоминать ему, что его брючины могли вздернуться над носками. Как артист он уже остановил выбор на Робертских брюках. Их и другие вещи для него я купил в Лондоне. Даже если бы я тщательно не уничтожил все, что могло указать на изготовителя, он бы инстинктивно сделал это сам. Австралиец и артист, он не мог иметь адрес Восточного Лондона на своем нижнем белье. Да, мы были тщательны, мы оба; он — как артист, я — как... ну, вы можете сказать „убийца“, если хотите. Теперь это меня вряд ли будет заботить.

Наши планы были выработаны. Я уехал в Лондон в понедельник и написал ему письмо от Роберта. (Снова артистический штрих.) Кроме того, я купил револьвер. Утром во вторник он объявил за завтраком о приезде Роберта. Теперь Роберт был жив — у нас имелись свидетели в доказательство этого; шесть свидетелей, знавших, что он придет в середине дня. Согласно нашему частному плану, Роберт должен был явиться в три часа перед возвращением игроков в гольф. Горничная отправится на поиски Марка и, не найдя его, вернется в кабинет и увидит, что я занимаю Роберта в отсутствие Марка. Я объясню, что Марк отсутствует по какому-то делу, и я сам представлю непутевого брата за чайным столом. Отсутствие Марка не вызовет никакого недоумения, поскольку все сочтут — а Роберт так скажет напрямик, — что он испугался этой встречи с братом. Тогда Роберт примется оскорблять гостей, а особенно, разумеется, мисс Норрис, пока не сочтет, что шутка зашла достаточно далеко.

Таков был наш частный план. Точнее, мне следует сказать, что это был частный план Марка. Мой собственный был иным.

Оповещение за завтраком прошло отлично. Когда игроки в гольф отбыли, у нас в распоряжении было утро, чтобы завершить наши приготовления. Меня больше всего заботило, как достовернее создать личность Роберта. Поэтому я посоветовал Марку, чтобы, переодевшись, он вышел бы потайным ходом к лужайке для боулинга и вернулся назад по подъездной аллее, обязательно вступив в разговор со сторожем в сторожке. Таким образом я обеспечивал еще двух свидетелей прихода Роберта — во-первых, сторож, а во-вторых, садовник, которого я отряжу работать на газоне перед фасадом. Марк, разумеется, охотно согласился. Он был не прочь попрактиковать на стороже свой австралийский акцент. Было забавно наблюдать, как легко он попал в мою ловушку. Никогда еще будущий убитый так тщательно не подготавливал свою гибель.

Он переделался в белье и костюм Роберта в спальне при кабинете — так было безопаснее для нас обоих. Он позвал меня, когда был готов, и я оглядел его. Просто поразительно, насколько идеально он выглядел для этой роли. Конечно, пьянство уже наложило отпечатки на его лице, но до сих пор их прятали усы и бородка. Теперь же, когда он побрился, они стали явными для всего света, от которого мы их так старательно скрывали, и он выглядел настоящим непутевым полубродягой, которого изображал.

— Черт побери, ты изумителен! — сказал я.

Он ухмыльнулся и продемонстрировал мне разные артистические штрихи, на случай, если я их не замечу.

— Изумителен, — повторил я себе. — Никто не сможет догадаться.

Я выглянул в вестибюль. Он был пуст. Мы бросились в библиотеку, он спустился в потайной ход и ушел, а я вернулся в спальню, собрал всю его снятую одежду, связал в узел и

спустился с ним в проход. Затем я сел в вестибюле и стал ждать.

Вы слышали показания Стивенс, горничной. Едва она направилась в Храм на поиски Марка, я вошел в кабинет. Моя рука была в боковом кармане, а в руке был револьвер.

Он тут же начал говорить в своей роли Роберта — какую-то чушь, как он отработывал свой проезд из Австралии, небольшое представление для моего назидания. Затем своим естественным голосом позлорадствовал, смакуя отместку мисс Норрис, взорвался: „Теперь мой черед! Вот погоди!“ То, что слышала Элси. Ей не полагалось быть там, и она вполне могла бы все погубить, но обернулось это редкостной удачей. Так как выглядело именно тем свидетельством, которое мне требовалось: показание, помимо моего, что Марк и Роберт были в кабинете вместе.

Я ничего не сказал. Я не собирался рисковать, что кто-нибудь услышит мой голос там. Я только улыбнулся жалкому дуралею, вытащил револьвер и застрелил его. Затем я вернулся в библиотеку и начал ждать, как и сказал в моих показаниях.

Можете ли вы вообразить, мистер Джиллингем, шок, который я испытал при вашем внезапном появлении? Можете ли вы вообразить чувства „убийцы“, который (как он думает) предусмотрел все случайности, а затем внезапно сталкивается с абсолютно новой проблемой? Что изменит ваше появление? Я не знал. Может быть, ничего, может быть, все. А я забыл открыть стеклянную дверь!

Не знаю, сочтете ли вы мой план убить Марка умным. Возможно, нет. Но в этом деле, если я заслуживаю какой-то похвалы, полагаю, заслужил я ее тем, как сумел собраться в момент нежданной катастрофы вашего появления. Да, я сумел открыть окно, мистер Джиллингем, прямо у вас подносом; и к тому же правильное окно, как вы любезно сказали. И ключи — да, вы были тут сообразительны, но, думаю, я был сообразительнее. С ключами я вас провел, мистер Джиллингем, как я узнал, когда позволил себе вольность подслушать разговор между вами и вашим другом Беверли на лужайке для боулинга. Где был я? А! Вам следует поискать этот потайной ход, мистер Джиллингем.

Но что я такое говорю? Я хоть в чем-то обманул вас? Вы открыли тайну — что Роберт был Марком, — и значение имеет только это. Как вы ее открыли? Теперь я этого никогда не узнаю. Где я допустил промах? Возможно, вы обманывали меня с самого начала. Возможно, вы знали про ключи, про окно, даже про потайной ход. Вы очень умный человек, мистер Джиллингем.

У меня на руках была одежда Марка. Я мог бы оставить ее в проходе, но тайны прохода больше не существовало. Мисс Норрис знала про него. Это было уязвимым моментом моего плана, пожалуй, — то, что мисс Норрис должна была узнать ее. А потому я спрятал все в пруду, когда инспектор любезно его прежде для меня протралил. Два ключа добавились к одежде, но револьвер я приберег, мистер Джиллингем.

Не думаю, что мне остается что-либо добавить. Это длинное письмо, но, с другой стороны, оно последнее в моей жизни. Было время, когда я надеялся, что меня может ожидать счастливое будущее — не в Красном Доме, не в одиночестве. Возможно, это были лишь пустые грезы, ведь я не более достоин ее, чем был Марк. Но я мог бы сделать ее счастливой, мистер Джиллингем. Бог мой, как я трудился бы, чтобы сделать ее счастливой! Но теперь это невозможно. Предложить ей руку убийцы было бы ничем не лучше, чем предложить ей руку пьяницы. Марк умер поэтому. Я видел ее нынче утром. Она была очень мила. Трудно понять этот мир.

Ну-ну, вот нас больше и нет — Эблеттов и Кейли. Интересно, что думает обо всем этом

старый дедушка Кейли. Может быть, и к лучшему, что мы вымерли. Не то, чтобы можно было в чем-то упрекнуть Сару — кроме ее характера. И у нее был эблеттовский нос, с ним мало чего можно достичь.

Прощайте, мистер Джиллингем. Сожалею, что ваше пребывание у нас было не слишком приятным, но вы понимаете трудность положения, в котором я оказался. Не допустите, чтобы Билл думал обо мне слишком дурно. Он хороший мальчик; присмотрите за ним. Он будет удивлен. Юные всегда удивляются. И благодарю вас, что вы позволили мне кончить на мой лад. Думаю, вы мне все-таки чуточку симпатизировали, знаете ли. В другом мире мы могли бы стать друзьями — вы и я, и я и она. Скажите ей то, что сочтете нужным. Все или ничего. Вы будете знать, что выбрать. Прощайте, мистер Джиллингем.

Мэтью Кейли.

Нынче вечером мне одиноко без Марка. Странно, не правда ли?»

Глава XXII

МИСТЕР БЕВЕРЛИ НЕ СТОИТ НА МЕСТЕ

— Господи Боже, — сказал Билл, откладывая письмо.

— Я так и думал, что ты скажешь именно это, — пробормотал Энтони.

— Тони, ты хочешь сказать, что знал все это?

— Кое о чем догадался. Но, конечно, я не вполне знал все это.

— Господи Боже, — снова сказал Билл и вернулся к письму. Почти сразу он оторвался от него. — Что ты написал ему? Это было вчера вечером? После того, как я ушел в Стэнтон?

— Да.

— Так что ты написал? Что, по твоему убеждению, Марк был Робертом?

— Да. Во всяком случае, я написал, что сегодня утром, вероятно, телеграфирую мистеру Картрайту на Уимпол-стрит и попрошу его...

Билл возбужденно прервал его фразу:

— Да! И в чем тут соль? Вчера ты вдруг ни с того ни с сего дьявольски зашерлокился. Все это время мы действовали вместе, и ты рассказывал мне все, а потом — бац! — ты становишься жутко таинственным и отгороженным и говоришь энигматически о дантистах, плавании и о «Плуге и лошадях» и... ну, так причем тут все это? Ты попросту скрылся из вида; я понятия не имел, о чем мы, собственно, говорили.

Энтони испустил смешок и извинился.

— Извини, Билл. На меня вдруг нашло. Всего за последние полчаса, просто, чтобы поставить точку. Сейчас я расскажу тебе все. Хотя рассказывать, собственно, нечего. Стоит понять, и все выглядит так просто, так очевидно. Ну, а мистер Картрайт с Уимпол-стрит? Естественно, он понадобился только, чтобы опознать тело.

— Но почему для этой цели ты подумал о дантисте?

— А кто мог бы сделать это надежнее? Мог бы *ты* это сделать? Никак не мог бы. Ты никогда не купался с Марком, никогда не видел его раздетым. Он не плавал. Мог бы сделать это его доктор? Нет, если только он не перенес какую-либо характерную операцию, но и тогда не обязательно. Но вот его дантист мог — в любой момент, всегда, если он посещал дантиста достаточно часто. Вот почему мистер Картрайт с Уимпол-стрит.

Билл задумчиво кивнул и вновь вернулся к письму.

— Понимаю. И ты сообщил Кейли, что телеграфируешь Картрайту об опознании тела.

— Да. И тогда, естественно, для него все было кончено. Стоило нам узнать, что Роберт был Марком, мы узнали бы все.

— Но ты-то как узнал?

Энтони встал из-за стола с завтраком и начал набивать трубку.

— Я не уверен, как объяснить, Билл. Знаешь эти алгебраические задачки, где ты говоришь: «Пусть ответом будет *x*», а затем приступаешь к решению и получаешь *x*. Ну, это один способ; а другой способ, который не обеспечит тебе ни единой отметки в школе, это угадать *x*. Прикинь, будто ответ «четыре» — но отвечает ли это условиям задачи? Нет. Тогда попробуй «шесть», а если и это не подойдет, то как насчет «пять»? И так далее. Ну, инспектор и коронер, и все прочие угадали ответ, и он словно бы подошел. Но мы с тобой знали, что на самом-то деле он не подходит, ни в какую не отвечает нескольким условиям задачи. То есть мы знали, что их ответ неверен и нам надо поискать другой — такой ответ,

который объяснит все моменты, которые ставили нас в тупик. Ну, и я отгадал правильный. Спичка найдется?

Билл протянул ему коробок, и он закурил.

— Да, но этого мало, старик. Что-то же должно было внезапно натолкнуть тебя на икс. Кстати, я хотел бы получить мои спички обратно, если ты не возражаешь.

Энтони засмеялся и вынул коробок из кармана.

— Извини... Ну, так посмотрим, сумею ли я повторить ход моих мыслей и рассказать тебе, как я догадался. В первую очередь — одежда.

— Ну и?

— Кейли одежда представлялась уликой колоссальной важности. Я не вполне понимал почему, но осознавал, что для человека в положении Кейли малейшая улика будет представляться непропорционально существенной. Значит, по какой-то причине Кейли придавал эту преувеличенную важность одежде, которая была на Марке утром в тот вторник, всей одежде, нижней, как и верхней. Не знаю почему, но я был уверен, что раз так, отсутствие воротничка было непреднамеренным. Собирая одежду, он проглядел воротничок. Почему?

— Тот воротничок в корзине для белья?

— Да. Так казалось наиболее вероятным. Зачем Кейли положил его туда? Ответ был очевиден: он его туда не клал. В корзину воротничок положил Марк. Я вспомнил, как ты упомянул, до чего придиричив был Марк в отношении одежды, и сколько у него ее было, и так далее, и я почувствовал, что он был одним из тех, кто ни за что не наденет тот же воротничок дважды. — Он помолчал, а потом спросил: — Это так, по-твоему?

— Абсолютно, — убежденно сказал Билл.

— Ну, я так и подумал. И обнаружил икс, который отлично ложился в эту часть задачи — часть об одежде. Я увидел, как Марк переодевается. Я увидел, как он инстинктивно бросает воротничок в корзину, как бросал в нее каждый воротничок, который когда-либо снимал, но остальную одежду оставляет на стуле обычным манером; и я увидел, как Кейли потом забрал всю одежду — всю видимую одежду — и не осознал, что воротничок отсутствует.

— Продолжай, — сказал Билл возбужденно.

— Ну, я был достаточно уверен в этом факте и хотел найти ему объяснение. Почему Марк переодевайся там, а не у себя в спальне? Единственное объяснение: его переодевание должно было быть тайным. Когда он переоделся? Единственно возможное время — между ланчем (когда он будет на глазах у слуг) и моментом прибытия Роберта. А когда Кейли собрал одежду в узел? Опять-таки единственный ответ: до прибытия Роберта. Так что потребовался еще один икс, отвечающий этим трем условиям.

— И ответ: убийство было преднамеренным, задуманным еще до прибытия Роберта?

— Да. Ну, исходя из этого письма, преднамеренным оно быть не могло, если только за письмом не крылось куда больше, чем было известно нам. Также не было возможным, чтобы убийство задумывалось без какой-либо еще подготовки, кроме переодевания в другой костюм перед бегством. Слишком уж по-детски. К тому же, если Роберта предстояло убить, зачем создавать дополнительные хлопоты, сообщив вам всем о его существовании — вплоть до миссис Норбери, что создавало дополнительные трудности? Что все это значило? Но теперь я почувствовал, что Роберт был лишь случайностью, что план был планом Кейли, направленным против Марка — либо спровоцировать его на убийство брата, либо

спровоцировать брата убить его — и что по какой-то необъяснимой причине Марк как будто поддерживал этот план. — Он немного помолчал, а затем сказал почти себе: — В этом шкафу я увидел пустые коньячные бутылки.

— И ничего про них мне не сказал, — пожаловался Билл.

— Увидел я их только потом. Искал я воротничок, не забывай. Они всплыли для меня лишь после. Я знал, как отнесется к этому Кейли. Бедняга!

— Продолжай! — сказал Билл.

— Ну, затем расследование, и, конечно, я заметил, как, полагаю, и ты, тот странный факт, что Роберт спросил про дорогу во второй сторожке, а не в первой. Поэтому я поговорил с Эймсом и Парсонсом. И странностей только добавилось. Эймс рассказал мне, что Роберт остановился поговорить с ним, окликнул его, точнее сказать. Парсонс сообщил мне, что его жена была в их маленьком огороде у первой сторожки всю середину дня и что Роберт мимо не проходил. И еще он сказал мне, что Кейли поручил ему работу на газоне перед фасадом. И меня осенила еще одна догадка: Роберт использовал потайной ход, конец которого выводит в парк между первой и второй сторожками. Следовательно, перед тем Роберт был в доме; подстроено совместно Кейли и Робертом. Но как мог Роберт находиться там без ведома Марка? Очевидно, Марк знал. Что все это означало?

— Когда это было? — перебил Билл. — Когда закончилось расследование и ты поговорил с Эймсом и Парсонсом, верно?

— Да. Я встал и ушел от них, и вернулся поискать тебя. И тогда опять задумался над одеждой. Почему Марк сменил одежду втайне? Переодевание? Если да, то как насчет его лица? Это же куда важнее костюма. Его лицо, его борода... ему пришлось бы сбрить бородку... и тогда... ах, идиот! Я увидел, как ты смотрел на ту афишу. Марк играет роль, Марк загримированный и переодетый. Ах, призовой идиот! Марк был Робертом... Спички, будь так добр.

Билл опять протянул ему коробок, подождал, пока Энтони вновь не раскурил трубку, а тогда протянул руку за спичками, когда они уже исчезали в кармане Энтони.

— Да, — сказал Билл задумчиво. — Да... но погоди. А «Плуг и лошади» тут при чем?

Энтони посмотрел на него с комичной гримасой.

— Ты никогда меня не простишь, Билл, — сказал он. — Никогда больше не станешь искать со мной улики.

— О чем ты?

— Это был предлог, Ватсон. Я хотел убрать вас подальше. Я хотел остаться один. Я отгадал мой икс и хотел проверить его — проверить всеми способами в сопоставлении с нашими открытиями. В тот момент я попросту должен был остаться один. И вот... — Он улыбнулся, добавив: — Ну, и я знал, как ты жаждал выпить.

— Ты дьявол, — сказал Билл, уставившись на него. — И твой интерес, когда я сообщил тебе, что какая-то женщина переночевала там...

— Ну, заинтересоваться было только вежливо, когда ты так потрудился.

— Скотина ты! Ты... ты Шерлок! И сверх того нацелился присвоить мои спички. Ну, продолжай.

— Это все. Мой икс ответил всем условиям.

— А про мисс Норрис и все это ты тоже догадался?

— Ну, не вполне. Я не осознал, что Кейли готовил это с самого начала — подбил мисс Норрис напугать Марка. Я думал, он просто использовал случайность.

Билл молчал довольно долго. Затем, попыхтев трубкой, сказал медленно:

— Кейли застрелился?

Энтони пожал плечами.

— Бедняга, — сказал Билл. — Очень человечно было с твоей стороны дать ему шанс. Я рад, что ты его ему дал.

— По-своему мне Кейли нравился, и я ничего не мог с этим поделать, знаешь ли.

— Он умный черт. Не появись ты именно в ту минуту, когда появился, его никогда не разоблачили бы.

— Не знаю. Это было хитроумно, но очень часто хитроумности-то и прогорают. Дисбалансом в положении Кейли было то, что, хотя Марк числился беглецом, ни он, ни его труп найдены быть не могли. Ну, а с исчезнувшим человеком такое встречается редко. В конце концов его обычно обнаруживают. Профессионального преступника, возможно, иногда и нет, но не дилетанта вроде Марка! Кейли мог бы сохранить в тайне, КАК он убил Марка, но, думаю, рано или поздно стало бы очевидно, что убил его все-таки он.

— Да, пожалуй... А скажи-ка мне одно. Зачем Марк рассказал миссис Норбери про своего воображаемого брата?

— Меня это тоже ставило в тупик, Билл. Возможно, он тут, будто играя Отелло, чернил себя с ног до головы. То есть он был так поглощен своей внешностью как Роберта, что практически почти уверовал в Роберта и испытывал потребность говорить о нем всем и каждому. Однако более вероятно, что, рассказав всем вам, он почувствовал, что ему надо сказать и миссис Норбери, предупредив возможность, что она повстречается с кем-либо из вас, и вы упомянете предполагаемый приезд Роберта. А она сказала бы: «О, но у него же нет никакого брата, иначе он мне сказал бы». И тем испортила бы его шутку. Не исключено, что его на это подтолкнул Кейли. Кейли ведь хотел, чтобы про Роберта узнало как можно больше людей.

— Ты намерен сообщить полиции?

— Да. Полагаю, им следует узнать. Кейли мог оставить и еще одно признание. Надеюсь, он меня не выдаст. Видишь ли, я со вчерашнего вечера оказался чем-то вроде сообщника. Ну, мне надо идти повидать мисс Норбери.

— Я спросил, — пояснил Билл, — так как не знаю, что сказать... Бетти. Мисс Колледайн. Видишь ли, она обязательно спросит.

— Возможно, ты еще долго ее не увидишь, — сказал Энтони печально.

— Собственно говоря, мне известно, что она будет у Баррингтонов. А я отправляюсь туда завтра.

— Ну, лучше расскажи ей. Ты же, очевидно, дожидаться этого не можешь. Но только пусть она день-другой попридержит язычок.

— Ладненько.

Энтони выбил пепел из трубки и встал.

— Баррингтоны, — сказал он. — Много гостей?

— Думаю, порядочно.

Энтони улыбнулся своему другу.

— Так-так. Ну, если кто-нибудь из них вдруг *окажется* убитым, то можешь послать за мной. Я как раз вошел во вкус.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Александр Хамфрис Вулкотт (19 января 1887 года — 23 января 1943 года) — американский критик и журналист, обозреватель.

Рэймонд Торнтон Чандлер (1888 — 1959) — американский писатель-реалист и критик, автор детективных романов, повестей и рассказов. Один из основателей, наряду с Д. Хэмметом и Д. М. Кейном, жанра «крутого детектива».

с любовью (*ит.*).

файвз. - род игры в мяч

солиситер - юристконсулт, адвокат.

«Ныне отпускаеши» (*лат.*).